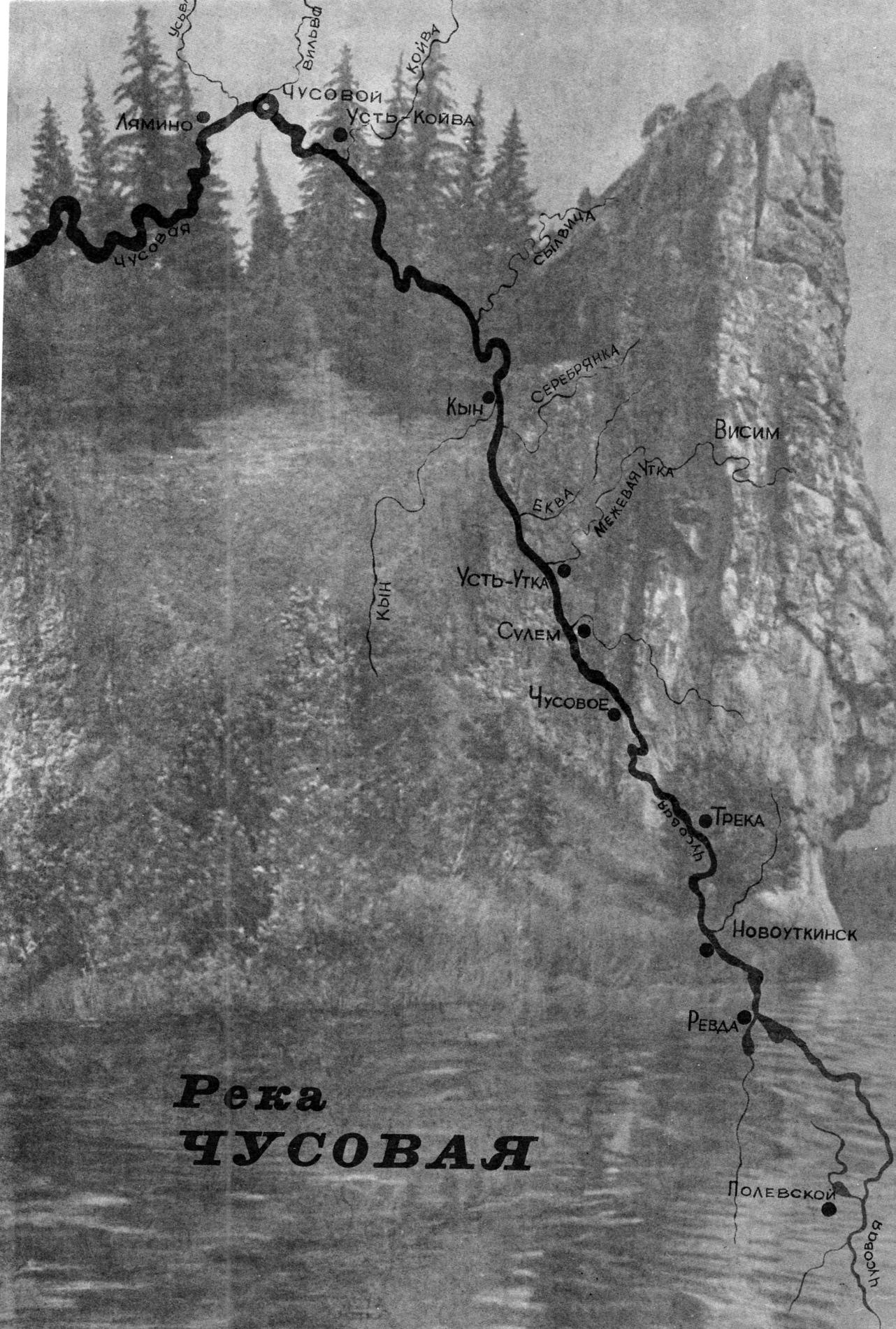

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

Б
1969

Река ЧУСОВАЯ

ЛИТЕРАТУРНО -
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И
СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ДВЕНАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

5

1969

ГЕРОИКА ● КРАЕВЕДЕНИЕ ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ ● ФАНТАСТИКА

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

ОПЕРАЦИЯ

Река в опасности!

Все чаще и чаще на страницах местных газет, на краеведческих конференциях, в письмах наших читателей слышатся тревожные голоса: река Чусовая в опасности.

И это, к сожалению, правда. Знаменитая горная красавица, истинная жемчужина Урала, Мекка туристов всей страны, поилница и кормилица населения многих районов края — ждет защиты.

Помутнели светлые некогда воды ее, насыщенные ныне грязными и ядовитыми стоками, гибнет в ней рыба и все живое; местами дно реки выстлано затопленными бревнами, а берега и заводы забиты корой; стонут под топором леса водоохранной зоны, лысеют живописные береговые гряды; гордость Чусовой — ее знаменитые камни-бойцы рушатся от взрывов, грызутся ковшами экскаваторов, перерабатываются на щебенку; нередкие здесь (от преступной небрежности) лесные пожары опустошают сотни гектаров прибрежной полосы...

Да, Чусовая в опасности, она ждет защиты!

Обеспокоенные судьбой реки, друзья журнала — краеведы, ученые, природолюбцы — обратились к редакции с предложением: провести летом этого года массовый рейд по обследованию реки и по оказанию помощи ей.

Давайте, говорят они, обследуем каждый километр Чусовой (а когда нужно, и притоков ее), установим, в каких местах, как, кем и почему наносится вред реке. Это поможет выяснить — чем и как можно и нужно помочь ей. По материалам рейда соответствующие организации смогут сделать конкретные выводы и принять необходимые решения.

Журнал горячо поддерживает этот добрый почин и с готовностью принимает на себя роль руководителя этого рейда, который решено назвать ОПЕРАЦИЕЙ «Ч».

Для руководства операцией уже создан главный штаб при редакции «Уральского следопыта». В него вошли ученые, представители природоохранных организаций и инспекций, туристской и краеведческой общест-

венности. Решено разбить Чусовую на несколько зон, с центрами в крупных административных пунктах. В каждой из них создается свой зональный

штаб. Он будет руководить операцией в своей зоне — создавать экспедиционные отряды, координировать их работу, подводить итоги и, где нужно, активно вмешиваться в судьбу Чусовой, принимать меры в ее защиту.

Мы призываем всех следопытов тех районов Урала, где протекает река Чусовая, принять участие в операции «Ч».

Что можно сделать для этого?

Можно организовать экспедиционный отряд, установить связь с зональным штабом, получить от него задание и начать подготовку к походу.

Можно создать постоянно действующие посты «Комсомольского прожектора» при крупных предприятиях и в крупных населенных пунктах — для контроля за состоянием реки.

Мы приглашаем принять участие в операции «Ч» и те группы туристов, что живут не на Урале, но готовы нынче летом пойти в поход на Чусовую. В редакции можно получить задание главного штаба операции.

Мы будем благодарны и туристам-одиночкам, побывавшим на Чусовой, за отдельные сигналы, письма о том, что они заметили в своем путешествии.

Мы приглашаем ученых и краеведов, природолюбив Урала оказать помощь в проведении операции «Ч». Ждем их писем, ждем их участия.

Вернем Чусовой ее былую славу!

ПАМЯТКА УЧАСТНИКУ ОПЕРАЦИИ

При обследовании своего участка реки постарайтесь собрать следующие сведения:

1. Опишите состояние воды, возьмите пробу ее (через 1 км). Обязательно возьмите пробу в месте впадения притока, а также в самом притоке (в 1 км выше устья).

2. Обнаружив место сброса стоков (хозяйственных, бытовых или производственных), опишите его, возьмите пробу. Определите, откуда идут стоки. Узнайте количество стоков за сутки. Выясните, можно ли избежать сброса этих стоков в реку.

3. Опишите русло реки. Состояние дна (песчаное, галечное, каменистое, илистое). Отметьте места, где есть затопленная древесина (от сплава или валежника), определите, примерно, ее количество.

4. Обследуйте и опишите берега. Чем и насколько загрязнены они. Отметьте места, где устроена свалка мусора, постарайтесь выяснить кем. Если где производится добыча песка, ломка камня — выясните, кто ведет работы, каким способом, сколько добывается за смену (или за месяц).

5. Обследуйте и опишите состояние леса и другой растительности по берегам, в пределах километровой полосы. Если производится рубка леса, выясните, кем ведутся работы, с какого времени, каков план заготовки древесины. Как транспортируется она (сплавом, автотранспортом и т. д.)? Если встретятся палы, выясните время пожара, его причину, последствия.

6. Опишите состояние памятников природы (например скал-бойцов), археологических и исторических памятников.

7. Подойдя к населенному пункту¹, остановитесь в нем и попытайтесь, насколько возможно, обстоятельней выяснить:

Как население использует воду реки для бытовых и хозяйственных нужд. Индивидуально или организованным водозабором? Пьют ли эту воду? Употребляют ли для стирки? Поят ли скот? Используют ли для каких-то производств?

Какие стоки сбрасываются в реку, в каком, примерно, количестве?

В какое время и в каком количестве мимо населенного пункта проходит сплавляемая древесина, в каком виде (молом, в плотках)?

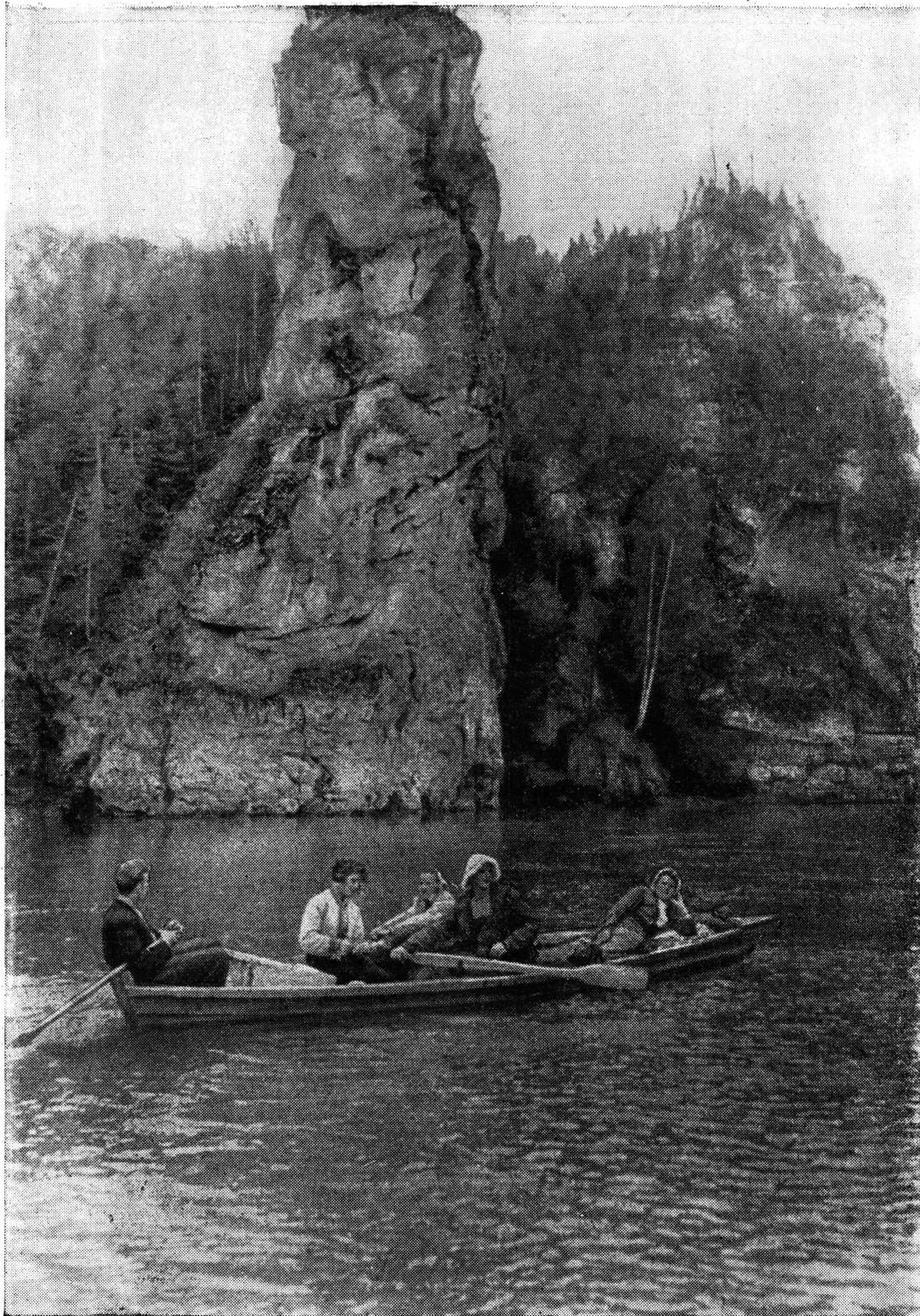
Какая рыба водится в этих местах? Ловят ли ее? Какими способами, в каком, примерно, количестве?

Как местное население использует берега — рубит лес, заготавливает камень, берет глину, песок? Как это отражается на состоянии реки?

Какие организации имеют в окрестностях населенного пункта свои производства, деятельность которых отражается на состоянии реки?

В какое время, когда, в каком, примерно, количестве проходят мимо туристские группы? Способы их передвижения (пешком, на плоту, на лодке, на моторке, на велосипеде, автомобиле)? Выявите примеры «обид», нанесенных туристами природе.

¹ В крупных промышленных пунктах сбор этих сведений осуществляет зональный штаб. 3

Борис РЯБИНИН

ЭТО— ЧУСОВАЯ...

Всякий раз, когда я слышу это слово — Чусовая, — перед глазами встают милые и дорогие сердцу картины знаменитой реки, с ее неумолчными переборами и слепающими, отливающими на солнце червонным золотом переливами прозрачных струй.

Невозможно представить Урал без Чусовой. Хоть и есть у нас реки не хуже, да ни одна не сравнится. У Чусовой своя история, свое предназначение. Истинная жемчужина уральского края, она и судьбу получила свою, особенную... Мамин-Сибиряк относил ее к числу самых капризных горных рек. По его подсчетам падение уровня Чусовой достигает в наиболее пересеченной части до 22 сотых сажени на версту, что в десять раз превосходит наклон Камы, Волги, и Северной Двины. «Представьте же себе размеры той страшной силы, — говорит он, — которая прорыла такие коридоры в самом сердце гор!» «Река Чусовая, — пророчит писатель, — вероятно, будет в непродолжительном времени служить одним из любимых мест для русских туристов, ученых и художников». Сказал — как в руку положил!

Река эта совершила необычайный подвиг, единственный в своем роде: она течет наперекор всем законам природы, — начинаясь на восточном склоне Уральского хребта, оканчивает свой путь на западном, вливаясь в Каму, у Левшино. Она перерезала Уральские горы! И пlying по ней, вы как бы все более погружаетесь в недра гор, все ближе к сердцу Ка-

Ч

усовая! —

Слово-то какое —

Чуть услышу — за душу берет!

Чусовую жилою золотою

Величает издавна народ.

Чусовая,

Мне не наглядеться

На тебя и на твою тайгу!

Здесь мое задиристое детство

С пацаньем дралось на берегу.

Здесь я помню каждую щербинку;

Каждый камень на песчаном дне.

Каждую воронку и быстринку

Ты тогда показывала мне.

Ты меня здесь нянчила, ласкала,

Умывала бодрою водой...

Ты и так бы матерью мне стала,

Если б я и не был сиротой...

Вот опять я здесь, над Чусовою,

На крутом, замшелом берегу.

Я тебя, как детство, не такую

В памяти сердечной берегу...

Чусовая гулко катит воды.

И бурлит в проемах меж камней:

«Посмотри, от каждого завода

Водостоки вывели ко мне

Мутные, покрытые мазутом,

С запахом азотной кислоты...»

Вот теперь мне ясно, почему так

Помутилась, Чусовая, ты.

Потому и нет здесь ребятишек

На твоём песчаном берегу.

Кто из них стихи потом напишет

О тебе, —

Ответить не могу.

Я смотрю с сыновним сожаленьем

На тебя, уральская река...

Пусть мои стихи,

Как заявленье,

Разберет Президиум ЦК.

Николай АГЦЕВ
«Литературная газета», 11 февраля 1958 г.

менного пояса, в тайны миллионолетий, когда откладывались напластования различных геологических эпох. Обнажения пластов, взрезанные, как слоеный пирог, проплывают у вас перед глазами, пока, наконец, река не вырвется из сжимающих ее каменных теснин и не разольется широко, привольно....

Река пробилась себе путь, промыв русло — там, где другая, быть может, повернула бы вспять, отступила в бессилии перед громадой гор... Чудо Рипеев, водяной мост между Европой и Азией!

Дорогой этой в не слишком дальнем прошлом проследовало немало людей, выходцев из всех сословий, не смирившихся со своей судьбой, искавших лучшей доли, — так складывалась чувовская вольница. По Чусовой, «за Камень», шел воевать сибирскую землицу удалой атаман Ермак. Пытаясь отыскать его след, мы как-то, в 30-е годы, поднимались на камни Ермаки — вехи маршрута знаменитого землепроходца; обследовали пещеру, где, по преданиям, он зазимовал с дружиной; но пещера была мала и вряд ли могла вместить всю хоробрую братию. Верно, народу так полюбили само имя ермаково, что он нарек им много приметных камней-утесов, пещер, урочищ...

Чус-ва — значит «быстрая вода», так по крайней мере толкуют топонимисты; есть и другие толкования. У меня же название реки ассоциируется с понятием «часовой». Точно часовые — береговые утесы; как молчаливые, важные стражи речных богатств расставлены они на всем протяжении от Коуровки до Чусовского завода (ныне город Чусовой). Кстати, и зовут их на Чусовой не скалы, не утесы, как принято повсеместно, а — бойцы, и совсем не случайно...

Ох, и много же беды причинили эти молчаливые красавцы в те времена, когда вместе с вешними водами вниз по реке скатывались и барки с железом, штыковой медью и прочей продукцией уральских заводов, расположенных по берегам Чусовой или поблизости от нее. Ведь река долгие годы была единственной транспортной артерией, связывающей этот край с внешним миром.

Д. Н. Мамин-Сибиряк, оставшийся и по сей день самым ярким бытописателем Урала, оставил и самое красочное описание весеннего сплава на Чусовой и чувовского населения в очерке «Бойцы». Он, уроженец здешних мест (родился в Висимо-Шайтанском заводе, что на Межевой Утке, притоке Чусовой), хорошо изучил Чусовую и много писал о ней. Недаром В. И. Ленин, коснувшись в своих трудах прошлого нашего края, ссылался на Мамина как на знатока Урала, использовал его материалы в своих трудах.

Создатель «Малахитовой шкатулки» Павел Петрович Бажов тоже родился вблизи Чусовой. В бажовских сказах Чусовая получила, после Мамина-Сибиряка, еще одно свое поэтическое рождение и осмысление.

Исполнилось предсказание Мамин-Сибиряка насчет того, что река-красавица делается объектом паломничества туристов... Только того ли он хотел, то ли имел в виду?

Трудно передать чувство, охватившее меня, когда, перелистывая изданный после войны путеводитель по Чусовой, я прочел: «Выбор места для привала на первых 100—130 километрах от туристской базы осложняется еще тем, что на этом участке вода в реке сильно загрязнена отходами заводов и не может быть использована для приготовления пищи...»

Значит, отправляешься на Чусовую — припасай чистую воду?! И это — река, где водились и хариус, и таймень, где при всякой погоде был виден каждый камушек на семиметровой глубине?!

Большая беда стряслась с Чусовой.

Как могло это случиться? Не доглядели или так суждено?

В Нижнем Тагиле мне рассказывали работники бассейновой инспекции, как погибла река Межевая Утка, та самая, на которой провел детство и юность будущий певец Урала. На берегах ее заготавливали лес. Заготавливали по принципу: давай, вали, нам хватит! (Кстати, об угрозе истощения лесных богатств Мамин-Сибиряк писал еще в начале нынешнего века.) Навалили леса вдвое больше против того, что требовалось планом. Половину вывезли, скатили в воду и пустили моём по реке, половину бросили. Да столько же обсохло на берегах, ушло на дно топляками. И лежит этот погубленный лес и гниет, отравляет реку, а из Межевой Утки все это идет в Чусовую...

— А наказали ли хоть виновников? — спросил я.

Рассказчик только махнул рукой.

Выяснилась любопытная подробность: по требованию возмущенной общественности директора леспромхоза сняли (вроде бы наказали!)... и послали на другую работу, где он стал получать триста рублей вместо прежних двухсот. Давай, вреди опять!

А что такое лес? А что такое река? Большой дом, населенный многими существами, плотнее, чем коммунальная квартира. И гибель дома — их гибель, опустошение, которое, быть может, уже не восполнить никогда никакими усилиями.

Не в силах оставаться равнодушным перед лицом подобного варварства, взволнованно отписывал мне из Соломенной Сторожки (ныне почти в центре Москвы) Борис Дмитриевич Удинцев, родной племянник Мамина-Сибиряка и сам большой уралолоб и знаток Урала, человек уже не в молодых годах: «Природа наша,— плохо видя одним глазом (другой давно отказал), с усилием выводил он бисерным почерком,— встает как упрек не жалеющей ее современности. Жили здесь когда-то и олени, и грациозные косули-лани (см. рассказ «Ужасный случай» Мамина-Сибиряка), и хищные медведи, и рыси (у Мамина-Сибиряка в кабинете висела шкура висимской рыси), пролетали таежные пчелы за медом, росли чудесные орхидеи-саранки, широколистные ильмы, не переходившие дальше Урала — в Сибирь, а в недрах таились кристаллические дуниты и самородная платина (У Дмитрия Наркисовича был платиновый самородок, который он носил всегда в булавке для галстука) — все это такое родное и близкое и кричит оно о себе...»

Мысленно я прослеживаю весь путь реки. Ручей, сперва тихий, неприметный, в болотной осоке, затем — речка, еще безобидная, но уже с признаками своенравия, пробуждающегося по весне; затем — шумная, говорливая река среди каменных стен и наконец — полноводная, поухишая, как бы утомленная после напряженной схватки со стариком кряжем — Уралом и успокоенная своей победой над ним... Могучая, быстрая, красавица, жемчужина... Какими эпитетами не наградили ее!

Но от кого она только не зависит!

Бесконечной чередой проходят расположенные на ее берегах заводы, заводики, рудники и каменные карьеры, заготовительные конторы, лесные дворы, деревообрабатывающие предприятия. Урчат тракторы в лесу, днем и ночью продолжается трелевка срубленных деревьев, с высоты по крутым откосам скатываются бревна, — если не введи это в разумное русло, и впрямь, что останется от лесных запасов? Сотни притоков принимает на своем пути Чусовая, именно они и питают ее буйной силой, — что станет с ними, если поредет или исчезнет вовсе водоохранная зона, обезлесится бассейн?

На память приходит выступление маршала Филиппа Ивановича Голикова на одном из пленумов Центрального совета Всероссийского общества охраны природы. Маршал, уралец по рождению, с горечью говорил о том, какие чувства испытал он, когда побывал в Лысьве и увидел, что сделали металлурги с рекой Лысьвой. Светлая некогда Лысьва, один из важных притоков Чусовой, стала грязно-коричневой.

Идут сигналы из города Чусового: неладно и там обращаются с рекой. А есть еще Чусовские Городки, где впервые показалась уральская нефть... От всех зависит река! Одни засоряют ее и травят всю водяную живность, другие оголяют берега, уничтожают растительность. Растительность гибнет и от вредных выбросов в атмосферу. Пересох родничок в верховьях — тоже ущерб. Пересохнут все истоки — не станет реки.

— Это Чусовая? — спросил я.

Это было в конце 1968 года. В ноябре, сразу после праздника, мне позвонили из Общества охраны природы и сказали, что первоуральцы приглашают приехать, посмотреть на новые очистные сооружения. Поехали вдвоем с заместителем председателя Общества Георгием Николаевичем Полукаровым. И вот, сопровождаемые заместителем председателя Первоуральского горисполкома Иваном Петровичем Герасименко и директором Новотрубного завода Федором Александровичем Даниловым, мы объехали всю систему очистки вод, сбрасываемых предприятиями Первоуральска. Осмотрели громадные отстойные чаны, фильтровальные устройства, насыпную плотину, выше которой в глубокой лощине образуется целое озеро, где испорченная вода будет стоять до тех пор, пока все взвешенные частицы не осядут на дно, и, переехав мосток, под которым бурлил и несся куда-то бурный пенный поток, остановились в низинке.

Неподалеку возился бульдозер, сдвигал глинистую землю, нагребал берега. В центре низины стояло небольшое озерцо, в дальнем конце оно непрерывно пополнялось из водовода, отходившего от Новотрубного завода, а здесь, около моста, вода с шумом проваливалась сквозь металлическую решетку под землю, чтоб через несколько десятков метров вновь выйти на поверхность.

— Нет, это еще не Чусовая, — сказал Данилов. — Это наша вода, заводская. Но она уже хорошая, очищенная.

— А пить ее можно? — спросил Полукаров.

— Честно сказать, не пробовал. Теоретически можно...

— Почему теоретически? Кружка найдется? Зачерпнув, Полукаров показал нам: вода была прозрачная, — и отпил несколько глотков.

— Ничего, — сделал он заключение, вытирая губы платком. — И на вкус хорошая. Почти как естественная. Пить можно.

— А была вон какая, — показал Данилов. Неподалеку из трубы хлестала ядовито-желто-ры-

жая струя. — Это пока еще Хромпик спускает, но скоро тоже перестанет... А Чусовая — вон, — ткнул он пальцем в другую сторону, где среди заснеженных равнин темнела узкая лента. — Худо ей пока еще: Дегтярка, СУМЗ сами ничего сделать не желают, да, боюсь, как бы и нам не напортили...

Радужное настроение сразу погасло.

Несколько лет первоуральцев критиковали и в печати, и на собраниях. В январе 1968 года на очередной отчетно-выборной конференции Общества охраны природы они приняли обязательство: в двухлетний срок прекратить загрязнение Чусовой. Года не прошло — сегодня они рапортовали нам почти готовыми очистными сооружениями, мощности которых должно было хватить не только для самого крупного предприятия Первоуральска — Новотрубного завода (даже с учетом его расширения), но и на все остальные — Хромпик, Динас, Старотрубный. Первоуральцы ставили дело широко, чтоб по меньшей мере в ближайшие десять лет совсем не думать об этом, полностью снять вопрос с повестки. К весне очистные сооружения пойдут на полный ход, они обеспечат весь город.

Создавались все предпосылки к тому, чтобы в ближайшее время целый город, и не маленький город, с большим количеством промышленных предприятий, четвертый по величине в Свердловской области, едва ли не первым в стране мог заявить о полном завершении программы помощи природе. Это ли не победа! И можно было понять радость, гордость и удовлетворение первоуральцев, когда они, не утерпев, не дожидаясь весны, захотели уже сейчас продемонстрировать дело рук и забот своих...

Но вот туча на горизонте. Об успехах этих прослышали соседи — ревдинцы, на СУМЗе — Средне-Уральском медеплавильном заводе. Если первоуральцев следовало бранить за небрежение (в недавнем прошлом) в делах охраны природы, то ревдинцев, дегтярцев — ругать втрое. Как отмечал в газете «Уральский рабочий» в эти же дни директор Билимбаевского лесхоза, заслуженный лесовод РСФСР А. Никитин, руководители СУМЗа по сути ровным счетом ничего не делали, чтобы предотвратить загрязнение реки. «Из года в год, — писал Никитин, — они осваивают только четвертую часть ассигнований, отпускаемых на очистные сооружения. Поэтому-то на заводе обезвреживается лишь два процента всех сточных вод, идущих в Чусовую».

8 Два процента! На смех курам? Под давлением общественного контроля наконец вроде бы зашевелились и там, а потом, выяснив, что у соседей будут мощные очистные сооружения,

вмиг перерешили: зачем строить самим (хлопотно!), протянем коллектор туда, пустим нашу грязь к ним, пусть они очищают, и делу конец! А это вело к крушению всех планов и добрых намерений первоуральцев: очистные сооружения не растягиваются, значит в ливни опять будут прорывы, аварийные сбросы, снова телефонные звонки и акты санитарной инспекции, неприятные разговоры в обкоме партии, в других инстанциях...

Вот чем был озабочен директор Данилов (сооружение очистки вел в основном Новотрубный завод, он был и основным ответчиком), а вместе с ним и городские власти Первоуральска. Мы с неприязнью смотрели на торчавшую на горизонте высокую сумзовскую трубу, из которой как бы в насмешку над нами тянулся длинный шлейф дыма. Она была сейчас живым вызовом всем, у кого болит душа о природе, о Чусовой...

А несколькими днями позднее я уже был на Северском трубном заводе, на бывшей «Северушке», как любовно названо это старое уральское горнозаводское гнездо в сказах Бажова. И здесь надежда на спасение Чусовой зажглась с новой силой.

В 1967 — юбилейном — году проходил конкурс по очистке промышленных стоков. Была учреждена только одна премия — первая. Из полутора тысяч заводов, участников конкурса, расположенных на территории, которую охватывает Северо-Уральская инспекция, победителем вышел Северский трубный. Он завоевал первое место, а с ним и солидное денежное поощрение.

Главный энергетик завода Василий Васильевич Соколов показывает свое хозяйство — нет, не энергетическое, а природоохранное: главный энергетик давно уже возглавляет это дело; ему, как говорится, все карты в руки.

На горе Маяк, за Северским, фильтровальная станция. Пущена в 1967 году. Северское и северцы пьют чусовскую воду; станция очищает ее, прежде чем пустить в водопроводные трубы. Просторное светлое здание, цветы — Дворец очистки!

— Распишем стены на мотивы бажовских сказов, — мимоходом роняет Василий Васильевич. Это не бахвальство: задумано так.

Вокруг журчит вода. Чусовская, вот она! Лаборатория, белые халаты (впрочем, здесь все белое). Контроль строгий. Здесь я узнаю о колититре, по которому делается оценка чистоты и вообще качества воды.

— Колититр хороший, — говорит заведующая лабораторией, пожилая улыбающаяся жен-

щина, в ответ на вопрос Соколова.— Прозрачность тридцать, до сорока...

Это значит, что через столбик воды, высотой в 40 сантиметров, свободно читается газета. «Прозрачность по шрифту». Тут же нам дают в этом убедиться самолично.

Но главное — проверка в отношении бактерий. И там благополучно. Норма 300 у них — 330—340... нет, не бактерий. «Норма» — когда на 300 кубических сантиметров приходится одна кишечная палочка; здесь — одна из 330—340 «кубиков». Конечно, хорошо!

— Но что делается весной, — рассказывает женщина. — Колититр 0,001—0,4. В одном миллиметре тысячи палочек, так и копошатся... Не можем даже подсчитать!

Вот как загрязнили. А раньше пили сырую, вареную — всякую...

Эти палочки еще долго мерещились мне. Я вспоминал их, видя в цехах завода надпись: «Здоровье каждого — богатство всех».

Самое благоприятное впечатление оставили очистные сооружения. Да иного и не могло быть. Соколов дополнял: «Каждый квартал — справка местной и областной санэпидемстанции, что очистка велась в соответствии с требованиями нормы. Посылается в главк трубной промышленности Министерства черной металлургии, и только тогда выплачивается премия руководящему составу завода...»

Что ж, правильно, все правильно. Только почему так не делается везде?

Затем из разговора я узнал, что завод — ведь он по сути построен заново, от старого только название осталось — был спроектирован вместе с очистными сооружениями (и опять вопрос: а почему так же не проектировали в других местах?). Ими много занимался прежний директор, Вершинин, со временем переведенный с повышением на другую работу, а ныне серьезное внимание уделяет новый, Усачев, пришедший с Синарского трубного...

Коллектив, по словам Соколова, ставил себе задачу: довести до минимума забор естественной пресной воды, создать оборотный цикл, с тем, чтобы позаимствованная у природы вода снова и снова ходила по цехам, совершая нужную, полезную работу.

— А как Полевской криолитовый? — почти машинально спросил я. Оказалось: еще недавно криолитовый спускал отходы фтора в Северский пруд, теперь — перестал, или почти перестал, остались ничтожные проценты, но, конечно, надо избавляться и от них.

Мы прошли по цехам — мой провожатый не мог отказать себе в удовольствии не показать их. Гордость его была понятна. Завод — третий в стране среди аналогичных предприятий, после

Первоуральского Новотрубного и Никопольского на Украине — представлял настоящее чудо современной индустрии.

В машинном зале все агрегаты покрашены белой эмалью. «Идея директора: сразу всю нечистоту видно».

— Дыму-то... видели? Из заводских труб нет совсем. Дымят паровозы. Перевели на мазут, а дымят, надо еще что-то делать...

Конечно, в том, что перестали дымить цеховые трубы, заслуга не одних северцев, помог природный газ: бухарский газ явился важным подспорьем для уральцев. Природа Средней Азии пришла на помощь природе и людям Урала.

После мы выехали за пределы завода и остановились опять у мостика. Поток внизу здесь был прозрачным, просматривалось дно. Вода чистая, с пузырьками-бриллиантками, что свидетельствовало о наличии кислорода. Рыбы я не заметил, но говорили — есть и рыба.

— Это Чусовая?

— Нет. Это Северушка. А Чусовая в полукилометре, где вливается Северушка. Вот вода, которая идет туда. А сюда она приходит из завода... Чистая, видите?

Письмо... Пишет незнакомый человек, пишет издалека — из Киева. И там, вдали от хребта, людей волнует судьба Чусовой.

«Я уроженец Прикамья и всю трудовую жизнь провел на Урале. Еще в 1926 году с группой фабзайцев (как в просторечьи звали учащихся фабрично-заводских школ) на лодках проделал путь от устья Ревды до города Перми... Чусовая заслуживает, чтобы ее видели из любой точки Советского Союза. Чтоб привлечь внимание к Чусовой, нужно ее превратить в заповедник-музей, где любой человек мог бы заглянуть в историю металлургии Урала от Петра Первого до современного металлургического предприятия — как Нижний Тагил, Средуралмедь и другие. Находятся же энтузиасты и средства для того, чтобы собрать уникальные архитектурные памятники — деревянные избы, церкви, часовни и монастыри. А здесь можно показать домницу, кричный горн, листокатальный стан, листобойный молот — музей под открытым небом из приземистых, полутемных «фабрик», как звали наши деды завод».

Заповедник должен охватить реку от устья Ревды до Чусовского завода (г. Чусовой). Из 48 тысяч квадратных километров Чусовского побережья в заповедник просятся многие, и выделить их можно без особого ущерба для хозяйственно-промышленных нужд Урала. Река,

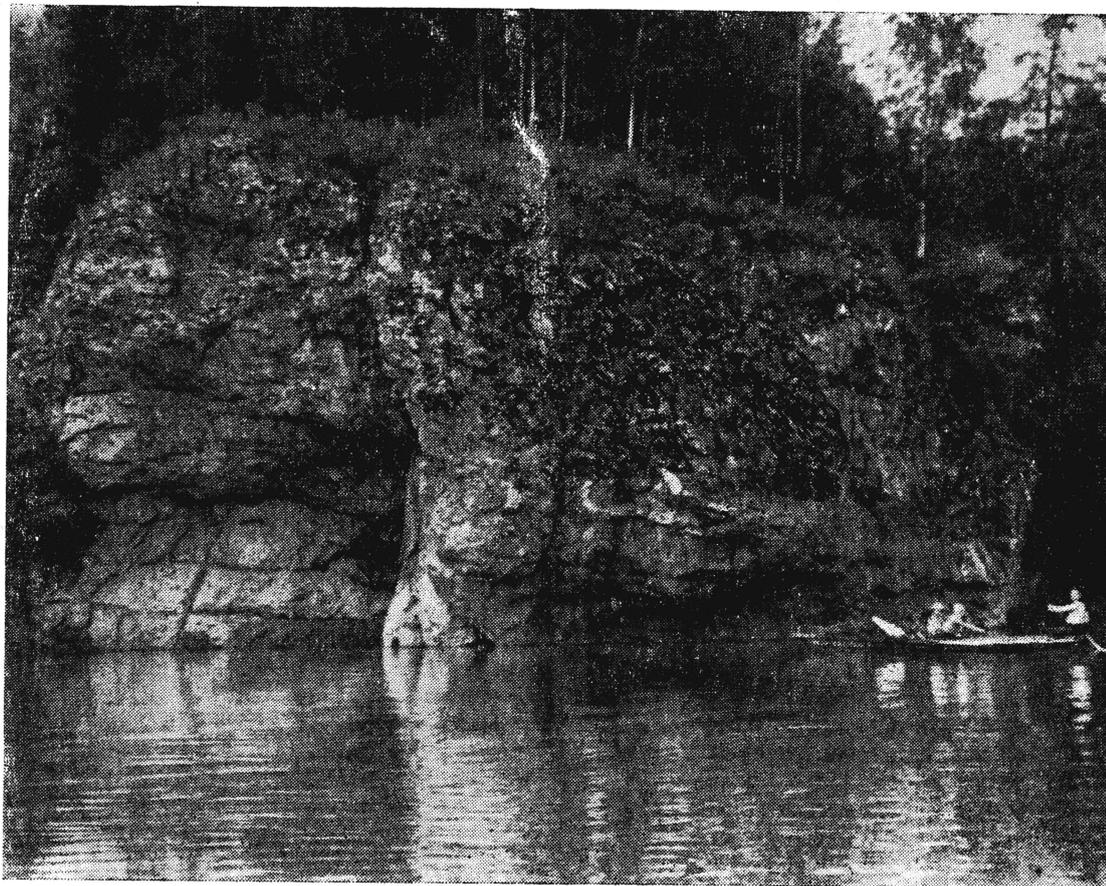

Фото И. ТЮФЯКОВА

как водный путь, не имеет значения в данное время, даже лесосплав можно прекратить из-за малого объема его и бурного течения в половодье.

Созданию заповедника должна сопутствовать самая решительная борьба с явлениями небрежения к реке...»

Не знаю, насколько исполнимо полностью желание товарища Мелехина и можно ли всю Чусовую превратить в заповедник, наверное, все же нельзя, но что отдельные ее части надо выделить и сберечь в неприкосновенности,— бесспорно.

Голоса патриотов — а их много — доносятся отовсюду. И все они требуют: сохранить Чусовую, дать реке новую жизнь!

Думы, думы...

10 Давно уже Чусовая не зеленая пустыня, какой виделась в дни Мамина-Сибиряка, как он и нарек ее. Да и «Разбойник» уже не разбой-

ник — никто ныне не опасается его, проплывая мимо в лодке. Река нашей юности, река туристской мечты, она уже пережила второе рождение. На старой Чусовой не было таких гигантов-заводов, многоэтажных домов, дворцов культуры и спорта.

Да то ли еще будет! Уже рождается проект Поньшской ГЭС — первой гидроэлектростанции на Чусовой. Поньш... Маленькая в межень, и дикая, свирепая по весне речонка, впадающая в Чусовую, примерно на расстоянии одного перехода до Чусовского завода. Там взметнется плотина высотой в сто метров, дивное гидротехническое искусство. Подпор по Чусовой пойдет до Усть-Утки. Родится Чусовая электрическая. И этот поток энергии вызовет к жизни новые фабрики и заводы, даст нам силы и возможности для новых, еще более головокружительных свершений...

Так обычно говорили и говорим мы всякий

раз, замышляя очередные грандиозные планы. И это верно. Однако до какого-то предела, до какого-то времени. И думая о Поньше, я чувствую, как в душе у меня поднимается смятение, все сильнее начинает точить червячок сомнения, а перед глазами повисает огромный знак вопроса, и он становится все больше. Что несет Поньшская ГЭС самой реке? Так ли уж она необходима и не будет ли та польза, которую она даст, полностью перечеркнута многими прямыми и косвенными утратами? Уйдут под воду многие «бойцы», далеко зальются низкие берега — или это не берется в экономические расчеты? Энергетикам, конечно, главное — энергия; остальное — второстепенное, пустяки, мелочь. Но мы не можем рассуждать так. Природа у нас одна, и другой не будет, даже если откроются курорты на Марсе и Луне. Мы создаем будущее. Однако же нельзя допустить, чтобы великие, поистине исторические достижения наши обернулись гибелью реки.

Чусовая может дать многое. Она может быть поилницей-кормилицей и впредь еще многие-многое годы. А во что посчитать духовное обогащение? Как хотите, но мне больше по сердцу предложение киевлянина Мелехина...

Несомненно — увы, увы — большую угрозу представляют туристы. Битое стекло в воде, самовольные порубки, истребление прибрежного молодняка-зелени, а порой и самое страшное зло — лесной пожар — это далеко не полный перечень того, что они творят по неразумению, преступной небрежности или из дурной удали.

Нет, нет, нельзя так! Нельзя допустить, чтоб разрасталась зона пустыни вокруг Средне-Уральского медеплавильного завода, Лысьвенского металлургического и других предприятий — памятник позора, как выразился один из участников специального заседания Свердловского облисполкома, посвященного проблемам охраны природы и спасения реки Чусовой.

Мы одержали многие победы — нужна еще одна.

Реке — жить!

ОПЕРАЦИЯ

натоки, я слышал,
утверждают:

Реки никогда не умирают;
Дескать, будет край мой

родниковый

Вечно бить серебряной

подковой;

Будет эхо буйное плескаться,
В облака настойчиво

стучаться...

Только мне ответьте:

отчего бы

К нашей речке

зарастают

тропы!

Почему рыбак, хоть самый

рьяный,

Не отыщет даже

и гольяна!

Потеряла речка

нрав свой гордый...

И зовут ее в народе

мертвой.

...Для меня

сильней нет наказанья,

Чем вот это

страшное

название.

А. СИГОЛАЕВ

ВОЮЙ, СЫНОК

Николай МИРОШНИЧЕНКО

Лес наполнился многоголосьем — надоедливо кричал филин, шараясь над головой совы, ветер, раскачивая старую сосну, сбавляя натиск, словно прислушивался к глухому, идущему от самых корней постаныванию. В ночном лесу всегда тревожно, а когда стоишь на посту, да еще в такую темень, тревога усиливается... Каждый шорох, каждую качнувшуюся веточку надо брать на подозрение. Пока глаза Андрея вглядывались в темноту, вышаривая — нет ли там чего, а слух заученно ловил звуки, память возвращала младшего сержанта в его прошлое.

1.

Был первый послевоенный год. Директор училища Степан Сергеевич Парков встретился с ребятами поздно вечером. А за день они успели разузнать многое и о самом директоре, и об училище, и главное о том, что учебный год уже начался.

Войдя в директорский кабинет, Андрей и Володя остановились у порога. Однорукий седовласый директор встал из-за стола, приблизился к ребятам и внимательно оглядел их. Перед ним стояли два неплохо одетых паренька, совсем не похожих на бродяг. Тот, что назвался Глобусовым, был высок, тощ, с красивой темно-каштановой шевелюрой и быстрыми цепкими глазами; второй — чуть пониже, большеголов, с задумчивым взглядом.

12 — Кто вы, добры молодцы? — директор уселся за стол, отодвинул в сторону бумаги, приготовился слушать.

— Ремесленники мы, — охотно ответил большеголовый Володя Багров и покраснел.

— Что? — директор улыбнулся. — Ремесленники? Ну коль так, то прошу присаживаться.

— Он хотел сказать, что мы в другом смысле ремесленники,— вступил в разговор Андрей.— Ремесленниками у нас называют тех, кто не умеет чисто работать.

— Давайте я расскажу все по порядку,— заторопился Володя, боясь, что Андрей своим грубым откровеньем испортит разговор.

Андрей молча наблюдал, как на лице директора, в его темных глазах все больше и больше росло что-то похожее на глубокою задумчивую печаль. Когда Володя умолк, директор даже не шелохнулся, видимо, он принадлежал к той категории людей, что умели оставаться наедине со своими мыслями в самых, казалось бы, неподходящих к тому обстоятельствах.

— Мы бы, конечно, могли и соврать,— прервал затянувшееся молчание Володя,— да к чему? А потом я недавно книжку одну прочитал,— продолжал Багров,— там про Макаренко говорится.

— Ну-ну,— вдруг встрепенулся директор и весь как-то подобрел. Его рука легла на телефонную трубку.— А я, брат, его знал лично, Макаренко-то, такие дела вот.

— Не может быть! — искренне удивился Володя.— Вы знали самого Макаренко?! Видели его живого?..

— Все может быть, и это было,— директор пригладил своей правой, единственной, рукой брови, потом снял трубку и стал набирать номер.— Значит, Батя все еще гуляет? — как бы у самого себя спросил он.— Батя, Батя. В жизни такие бывают выкрутасы, что нарочно не выдумаешь.

— Вы и Батю знаете? — недоверчиво взглянул на него Андрей.

— Нет,— сухо ответил директор, упорно набирая все тот же номер,— знать не имел чести. Просто в свое время кое-что слышал о нем.

Ребята насторожились. С такой настойчивостью, по их мнению, можно звонить только в милицию. Андрей оглянулся на дверь и, запустив руку в карман, нащупал кастет: «Больше двух слов не скажет. Володька, гад, тоже хорош — уши развесил. Мотать надо, пока есть время...»

— Маша! — спокойно сказал директор в трубку.— Это ты? До министра легче дозвониться. Послушай, Маша, я сейчас подожду к тебе двух друзей-приятелей. Ты, того, зачисли их в резервную. Знаю, что

некуда! Документы? Да какие тут документы! Зачем же с потолка? Запиши, как скажут. А какой резон им врать, Марья Ивановна? Бывало, и подводили. Сейчас подожду.

Некоторое время ребята глядели на директора с откровенным изумлением. Потом Володя встал и, обернувшись к Андрею, осевшим голосом сказал:

— Я же говорил, что есть такие люди. А ты хорохорился.— Он толкнул Андрея в плечо, потом снова уставился на директора.

— Ты про Макаренко? — спросил директор.

— Я про многое...— Володя запнулся.

— Ну вот что, ребятки,— перебил его директор.— Вас зачислят в резервную группу. Кормежка будет, а с формой придется погодить. Одежка у вас, вижу, неплохая. Жить будете в тесноте, да не в обиде. Через месяц, другой некоторые «вольные» хвост покажут — займете их место.

— Это как? — не понял Андрей.

— А так. Приоденутся, раздобреют эти «вольные» на казенных харчах и снова воровать подадутся. Вот и приходится латать дыры: из резервной в основные группы переводить. У меня ведь тоже план. Стране нужны честные рабочие руки. А иные не любят трудовых мозолей. Все больше норовят в чужие карманы заглядывать.

Володя и Андрей переглянулись. В словах директора, в тоне, каким он говорил, звучала подкупающая откровенность, доверие, на которое хотелось ответить тем же.

Когда ребята вышли из кабинета, директор устало пригладил свои брови, посидел с закрытыми глазами: к вечеру у него часто голова тяжелела. А сегодня к усталости прибавилось еще и чувство тревоги. «Подумать только, Батя на свободе. Сколько он жизнью загубил? Эти двое, кажется, вовремя от него отшатнулись...» Директор понимал, что ему опять попадет за то, что принял ребят в училище без единого документа, просто так, на веру. И парни-то какие? Отпетая шпана. Фамилии явно выдуманы, образование тоже, год рождения, поди, и сами не знают. И все же он не может оттолкнуть их. Хотя уже давал слово и себе, и Марье Ивановне, что больше на слово принимать не будет. Не упомяни они про Батю, матерого бандита, может и не взял бы.

Прошло несколько месяцев. Андрей и Володя учились в разных группах, но держались один другого. Их знали как отпетых воришек, прошедших батину школу. И вот однажды в училище кто-то снял ночью со стола в красном уголке суконную скатерть. Подозрение пало на Володю Багрова — он дольше других засиживался за книгами, а в эту ночь даже ключ позабыл сдать коменданту. Андрей Глобусов тайком от друга пошел к директору и попросил его не давать делу хода.

— Володька без меня на такое не пойдет, — объяснял он. — А вора я вам представлю.

И спустя несколько дней Глобусов дознался, что скатерть эту украл комсорг группы. Начальству об этом Андрей решил сразу не докладывать. Комсорг дюжий, рослый парень, и в училище его все боялись. Глобусов выследил его в закутке двора, где тот грабил очередную жертву.

— Гони монету! — говорил хрипловатым голосом комсорг.

— Нету сегодня, — хныкал щупленький ремесленник, — маманя обещалась...

— Заткнись! — оборвал комсорг. — Срок давно вышел. Я тебе силком карты в руки не давал.

— А я чо? Я отдам. Маманя скоро пришлет...

Комсорг перешел на яростный шепоток, потом раздался глуховатый удар, другой, и Андрей не выдержал, выскочил из-за угла. Парень, втянув голову в приподнятый воротник бушлата, негромко всхлипывал. Комсорг оглянулся, увидел Андрея:

— Включи заднюю! Ну!

— Отпусти мальчика, — сдержанно попросил Андрей.

— А тебе чо? — накинулся на своего защитника только что хныкавший паренек. — Катись отсель. Это наше дело.

— Топай, малыш, — Андрей оттолкнул паренька в сторону и к верзиле: — Долги вышибаешь? В очко поигрываешь? По всем правилам замаскировался: комсомольский вожак...

— Тебе что, жить надоело? — зло прищурился комсорг. — Вот видал, — он сунул Андрею в лицо грязный кулак.

И тут Глобусова будто подтолкнул кто: резкий удар под дых, другой в подбородок, и комсорг, охнув, присел на землю.

— Ты что это, ворюга! — заорал дети-

на, пытаюсь встать и кинуться на Глобусова. — За дружка тянешь? Я из тебя сейчас мамалыгу сварганю!

— Вставай, гад! — Андрей принял боевую стойку. — Я сидячих не бью. А по счету ты у меня сполна получишь. Ну!

Комсорг встал и пошел на Андрея, но не успел и руки поднять — сильный удар в подбородок снова бросил его на землю.

Прихватив комсорга в укромном местечке, Андрей, может, и не стал бы так жестоко сводить с ним счеты, но комсорг, как только случилась кража, настаивал, чтобы Багрова немедленно исключили из училища. И это особенно рассердило Глобусова. Он хотел ударить еще раз, но комсорг вдруг поднял такой вой, что стали сбегаться ученики. Никто из них не пытался разнимать. Комсорга недолюбливали, а новичка плохо знали. Однако все были приятно удивлены тем, что комсорг, привыкший верховодить и поддавать в зубы, не угрожал; из носа и разбитых губ его сочилась кровь, он стоял на коленях и покорно спрашивал:

— За что? Ну, чего тебе?

— Вставай, гад! Вставай!

— Не могу, — стонал комсорг. — У меня голова болит...

— А воровать голова здорова? Расскажи хлопцам, куда скатерть сбегрил?

— Я не ворую. Это твой дружок...

— Бреешь, — сердито оборвал Андрей. — Легкого хлебца захотел? В вожак выбилс. Ты, гляжу, мастак на других тень наводить.

Комсорг растерянно молчал, и все поняли, что кража — дело его рук. Да это и действительно было так. Сегодня утром Андрей Глобусов поймал на рынке старуху со скатертью, и она указала, что продает ее по просьбе комсорга. Глобусов привел бабуку, как свидетеля, в училище. Ребята возмущенно гудели. Комсорг неожиданно вскочил, со всего маху ударил Андрея ногой в живот и, свалив его, бил еще и еще, зверея. Ученики растерялись. Уж потом одни кинулись на комсорга, другие стали поднимать Андрея...

Был воскресный день, и во дворе собралось почти все училище. Прибежали и дружки комсорга, один из них, обнажив самодельную финку, замахнулся на Андрея, но подоспевший Володя перехватил его руку. Кто-то сзади врезал и Багрова подзатыльника, но он, пробиваясь побли-

же к Андрею, даже не оглянулся. Трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы не подошла ждавшая Андрея у ворот училища старушка. Она протиснулась сквозь толпу и обратилась к Андрею:

— Я, сынок, более не могу стоять за воротами. Почитай, насквозь прозябла. Сказал, через пять минут позовешь. Возьми свой отрез и отпусти ради бога.

— Этот принес? — спросил Андрей, указывая на комсорга.

— Энтот, сынок, энтот, — старушка, боязливо озираясь, бочком прижалась к Глобусову. — Кабы я знала, что отрез украденный...

— Чего каркаешь? — у парня воровато забегали глаза. — Про какой отрез не-сешь? Я тебе, старая...

— Молчи, подлюга! — прикрикнул Глобусов.

— Что ты сказал? — рванулся к Андрею парень с финкой. — Хлопцы, так он же провокатор! Он дружка выгораживает. А жожака нашего предает. Бей его!..

Андрей, перехватив руку с финкой, ловким приемом обезоружил парня — тот кинулся с кулаками, но Багров, нахохлившись, задиристым петушком, встал на его пути.

То, как Глобусов отобрал финку, окончательно покорило ребят. Теперь его сторону приняли не только «салаги» — так в училище называли ребят первого года обучения, — но и «старички» — второ-годки.

— Вещай, бабуся, — вежливо попросил растерявшуюся старуху Кузя Корытов — плечистый парень, училищный тренер по боксу, из числа второгодков.

— Чего энтот, милоч, ты сказал? — переспросила старуха.

— Расскажите, как дело было? Кто скатерть вам принес?

— А чего мне, славные вы мои, ска-зывать. Намедни он, энтот идол, простыни мне приносил. Сказал, что ему будто вы-дали. Продать велел.

— Врешь, ведьма, — огрызнулся ком-сорг, боязливо покосившись на Анд-рея. — Я тебя первый раз вижу.

— Окстись, родимый, — обиделась старушка. — Денежки же я тебе за просты-ни отдала. Ты еще обещался что-нибудь принести. И принес. Господь свидетель.

— А из земных кого в свидетели по-зовешь? — спросил Кузя. — Кто видел, как он вам отрез приволок? Давай свиде-теля, мать божья.

Старуха прикрыла узкие глаза:

— Настя, внучка моя. У него, — она ткнула пальцем в сторону комсорга, — с Настасьей свои шашни завелись. Она его все: комсорг да комсорг.

— Брешет она, братцы! — теряя само-обладание, зарычал комсорг. Он искал глазами своих дружков, но тех уже оттес-нили, заслонили. — Наверно, этот ворюга ее подкупил. Скажи лучше, сколько он тебе подсунул? Где ж твоя скатерть?

— Ты у меня за все ответишь, — спо-койно, но веско сказал Андрей. — Покажи ему, бабуся, скатерть.

— А мне откель ведомо, что энтот та-кое, — копаясь в корзине, ворчала стару-ха. — Он сказал отрез, я так и продавала. Цену больно высоко заломил, никто не да-вал такой цены.

Припертый к стене, комсорг кинулся на старуху, пытаясь зачем-то вырвать у нее скатерть. Но Андрей сильным ударом отшвырнул его. Комсорг упал на ребят, те снова толкнули его на середину круга. Натолкнувшись на Багрова, он трусливо заслонил лицо, думая, что тот тоже уда-рит.

— У меня рука не поднимается дать тебе в рожу,— с достоинством проговорил Володя.— Мразь ты, а не комсорг... Уходи отсюда! Ты даже не вор. Ты просто тряпичник.

— И этот бандюга мораль нам читает! — закричал Кузя.— Под суд его, братва!

— Рожу ему намылить!

— В милицию с поличным!

— Предлагаю исключить его из комсомола,— настаивал тренер.— Чтобы дружим неповадно было.

— Давай сюда билет,— потребовал Андрей.

Круг смыкался. Комсорг затравленно сновал глазами, затем полез в карман, швырнул в лицо Андрею свой комсомольский билет и, вырвавшись из тесного кольца, перемахнул через забор. Его кинулись догонять несколько человек.

— Приткий,— засмеялся Кузя.— Самому черту не угнаться. Давно бы его так.

— А как же вы теперь без комсорга? — улыбнулся Кузе Андрей.— Может, мы перестарались?

— Тебя изберем.

Все кругом загомонили:

— А и верно, давайте Глобусова.

— Подождите, ребята! — вмешался Володя.— Дайте слово. Нельзя Глобусова.

— Ты что, себя хочешь? — накинулись на него.— Друг за него в драку лезет. А он ему — подножку.

— Я — за! — оправдывался Володя.— Но ему рано. Он еще не в союзе. Сперва надо принять его.

— Хлопцы, айда в зал!

На собрании председательствовал Кузя. Было шумно, потому что всем хотелось дать рекомендацию Андрею Глобусову.

— Братцы, прошу говорить по одному! — умолял Кузя.— Протокольчик надо бы написать. А? И в президиум кого-нибудь подкиньте. Для большей убедительности.

— Ты у нас сам грамотный,— донеслось из зала.

— Доверяете? — Кузя улыбнулся.— Пусть будет так. А сейчас кто за то, чтобы принять Андрея Глобусова в ряды комсомола? Голосуйте, ребятки. Парень, сами видите,— подходящий. Я из него в два счета мастера спорта сработаю.

— Биографию надо бы заслушать,— предложил очкарик.— И от рекомендующих пускай кто-нибудь слово скажет.

— А ты не знаешь его биографии? — зашумели в зале.

— Может быть, самолично желаешь убедиться в его происхождении?

Но очкарик оказался из упрямых и полез на сцену.

— Я член комитета и протестую. Это называется нарушением устава. Скажите, много ли его знаем? Чем он, к примеру, занимался до училища?

— А дореволюционной деятельностью, случаем, не интересуешься?

Дружный смех взбудрил притихший было зал.

— Я предлагаю,— не сдавался очкарик,— персональное дело комсорга и вопрос о приеме Глобусова поставить на очередном собрании. Чтобы на нем обязательно были замполит и директор училища.

— Его фамилия Розов,— зачем-то пояснил сосед Андрею Глобусову.— Видишь, как шипы показывает? Из молодых да ранний.

Опять поднялся невообразимый шум. Андрей сидел в первом ряду и не знал, что делать. Ему бы сейчас в самую пору посоветоваться с другом Володей, но того нет рядом. Андрей уже раза два поднимал руку, прося слова, но Кузя будто и не замечал этого. Глобусову хотелось встать и сказать ребятам, что он еще не достоин быть в рядах комсомола, что ему еще надо показать себя в учебе, в труде.

— Я вот что хочу сказать,— запальчиво говорил очередной оратор, со смешной фамилией Рукавчиков.— Нас бьют! В город по одному ходить страшно. А отчего? У нас нет настоящей дружбы. Каждый сам по себе живет. Зато у городских крепкая спайка. И вожак у них. Я видел, как Глобусов комсорга мутузил: любодорого! Городским надо знать, что у нас вожак не хуже ихнего предводителя. Я за Глобусова.

— Правильно! — дружно выдохнул зал.— Ставь на голосование.

Кузя оживился:

— Кто за Андрюху, поднимай клешню. Так, ясно. А у кого она не поднимается? Ага, есть и такие. Тоже ясно. Теперь подсчитаем.

В притихшем зале было слышно, как Кузя считает голоса, потом объявил:

— Поздравляю, Андрюха! Ступай сюда, мы тебя короновать будем. Давай, не стесняйся. У тебя сегодня, считай, день рождения.

У Андрея перехватило дыхание, он неуклюже поднялся на сцену. Раздались аплодисменты, а Глобусов боялся взглянуть в зал.

— Хорошо, ничего не скажешь! — торжественно кузя.— Так кто за то, чтобы громить шпану под его началом? Прошу подружной. Гляди, Глобусов, почти все! Молодцы, ребята!

— Какие там молодцы,— послышалось из зала.— Нарушили устав. Комсорга надо избирать тайным голосованием.

— Тайным, так тайным. Давайте голоснем тайным.

— Некогда нам рассусоливать. Время обеденное. Выходи строиться,— командовал Кузя.— После обеда проголосуем.

Столовая находилась в городе. Ученики три раза в день ходили туда строем. Андрей шел, как окрыленный. То, что его приняли в союз, то, что у него, как и у других, скоро появится на груди комсомольский значок, сладко кружило голову. Он был готов за своих товарищей пойти в огонь и воду: драться, работать, учиться — лишь бы оправдать их доверие.

Но уже утром следующего дня, после долгих раздумий, Андрей вошел в кабинет директора, чтоб рассказать обо всем случившемся.

— Вот за приход спасибо,— сказал Степан Сергеевич.— Знаешь, у меня на душе легче стало, будто из нее занозу вынули. Я не меньше вашего думал обо всем случившемся.

Не ожидал Глобусов такого приема у директора: готовился к разносу и за учиненный самосуд над комсоргом, и за собрание, а главное, за нахальство «короноваться». А теперь что же, он, Глобус, бандюга с большой дороги,— комсомолец?

— Наш сегодняшний разговор,— будто угадывая ход мыслей Андрея, сказал директор,— я хотел бы заключить вопросом. Только ты не спеши с ответом. Хорошенько подумай. Что ты, Андрей Глобусов, знаешь о комсомоле?

Андрей почуствовал, как горячая кровь прихлынула к лицу, как туго зазвенело в ушах. «Что я знаю про комсомол? — неслись в голове мысли.— Слышал про Зою и Матросова, о молодогвардейцах... И то еще знаю, что с моими рогами и копытами вход в комсомол заказан. Только зачем ты с этим вопросом в мое нутро лезешь? Кусаешь-то исподтишка зачем? Я ж тебя уважаю, Степан Сер-

геевич. Душу пред тобою пришел обнажить. А ты соли сыпанул...»

Но вслух он тихо ответил:

— Не изучал я истории комсомола, Степан Сергеевич. Про союз чистильщиков мог бы вам порассказать.

— Ты, Андрей, на меня блатным авторитетом на дави,— оборвал Глобусова директор.— Я повидал вашего брата. К тому же экзаменовать тебя по истории комсомола не собираюсь. И чтобы было тебе все ясно, скажу: я не согласен ни с тобой, ни с замполитом, ни с кем другим, что вчера произошло стихийное событие. И что не отмени я дежурства преподавателей по выходным дням, не было бы вчерашнего происшествия. А на кой черт, извиняюсь за выражение, тебе воскресный опекун? Ты же через год встанешь к станку, будешь сооружать плотины, строить заводы. Ты уже сегодня должен чувствовать себя самостоятельным человеком. Отвечать вместе со мною за дела в училище. Я категорически против няnek и сторожей...

Андрей понимал, что говоря с ним, с Глобусовым, директор заодно спорил еще с кем-то, кто, видать, густо насолил ему, опровергая его убеждения.

— Может, тебе покажется странным,— говорил Степан Сергеевич,— но я скажу. Ты вчера поступил честно, покомсомольски. Ты разоблачил вора, и ребята тебя поддержали. Вот и все. Да, вчерашний самосуд стоит десятка моих бесед о честности и нравственности. Конечно, малость перегнули. Но это уже другой разговор.

Степана Сергеевича часто отвлекали телефонные звонки. Он косо поглядывал на телефон, после третьего-четвертого звонка недовольно хмурился и снимал трубку. «У него столько дел,— неловко ерзал на стуле Андрей,— да еще я тут».

Директор всякий раз помечал что-то в отрывном блокноте и потом только продолжал разговор.

— А теперь, что касается твоего избрания комсоргом.— Степан Сергеевич взглянул на Андрея, как бы примериваясь к нему.— Тут есть над чем подумать. Что-то я не помню такого случая, чтобы до вручения комсомольского билета человека комсоргом избирали. Надо будет посоветоваться. Но для начала давай еще раз с ребятами повстречаемся. Сегодня все поостыли, вот и рассудим, что к чему.

— Какой из меня секретарь, Степан

Сергеевич? — осмелел Глобусов.— Так, недоразумение одно. Погорячились все.

— Ну, а если ребята подтвердят свое решение? — спросил директор, глядя Андрею в глаза.

— Против вашей воли они не попрут, — уклонился от прямого ответа Андрей.

— А ты ловок, — Степан Сергеевич улынулся. — Моя воля тебе не известна. Может, и я поддержу комсомольцев.

Андрей удивленно посмотрел на директора и почувствовал на душе горечь обиды.

— Вам что за охота меня разыгрывать? Сами же говорите, что такого случая не помните.

— Теперь буду помнить. А собрание проведем после занятий.

Андрей встал. Встал и Степан Сергеевич, вышел из-за стола, и Андрей будто впервые увидел, что у этого человека нет руки. «А сила-то в нем!»

— Я, Степан Сергеевич, сделаю все, — тихо и признательно проговорил Глобусов, — все, чтобы, как и вы...

— Верю тебе, Андрей. — И Степан Сергеевич как равному пожал ему руку.

3.

Младшему сержанту Глобусову показался подозрительным испуганный крик совы. Он насторожился, но все было тихо, и Глобусов снова ушел в свои воспоминания. Вспомнил, как он, новоиспеченный комсорг, шальной от радости, шагал по городу впереди ребят. Вместе со всеми горланил песню. Их молча встретили городские забияки. Только рослый и сутулый парень, с повязанным черной лентой глазом, выступил чуть вперед, миролюбиво сказал:

— А ну, кто главный, выдь на минутку.

Андрей вышел. Лицо одноглазого показалось ему знакомым. «Может, обознался?» — подумал Глобусов. Одноглазый тоже замешкался, но потом вдруг наклонился к Андрею и заговорщически прошептал:

— Привет от Бати. Жди гостинца. Он дал тебе вольную, а твоего друга обрек. — И уже громко добавил: — Это мой друг, я уступаю ему. — И повернулся к своим.

Неожиданная развязка ошеломила всех. В первый раз ремесленники и городские разошлись мирно. Зато в столовой разговорам не было конца. Ребята с гордостью поглядывали на Андрея. А Глобу-

сову было очень тяжело: он думал, как уберечь от батиных длинных рук друга Володю Багрова.

В другом конце столовой слышались возбужденные голоса, похоже, что кто-то с кем-то сцепился, полез в драку. Андрей оглянулся: у стола, где завязалась перебранка, уже толпились ремесленники, он тоже решил посмотреть, что там происходит.

— Выпрастывай карманы! — командовал рыжий скуластый парень. — Кому горят? Ну! А то сам выверну.

— Отстань, — хрипел рахитичного вида ремесленник, зажав руками оттопыренный карман. Андрей сразу узнал его и догадался в чем дело. В ремесленном учеников кормили сносно, но были и такие, кто вставал из-за стола проголодь. Какие только махинации не продельвали эти ученики, чтобы наполнить желудок. Андрей недолюбливал обжор, особенно тех, что крали чужие куски. Поймав однажды Ромку Гофмана, когда тот, сидя у чужой тумбочки, набивал сухарями свои карманы, Андрей чуть было не отлупил его. Тогда-то Ромка, в благодарность за то, что Глобусов не выдал его, рассказал ему про свою жизнь.

А вокруг стола все шумели.

— Он, видно, хлопчик из робкого десятка, — подстрекали ремесленники рыжего. — Помогите ему.

Рыжий заломил Ромкину руку и полез к нему в карман.

— Вот, глядите, — он кинул на стол ломоть хлеба и снова запустил руку. Ромка не сопротивлялся.

— Запасливый, — прошипел кто-то у Глобусова за спиной. — Ишь, пузо-то наел...

— Кончай! — сухо сказал Андрей и, подойдя к рыжему, вырвал его руку из Ромкиного кармана.

— А ты не дюже-то, — вступился за рыжего сосед по столу. — Нынче он от наших порций урвал, завтра от ваших. У, жадобина, — замахнулся он ломтем хлеба на Ромку.

— Вы сперва на его руку поглядите, — сказал Андрей и, закатав на Ромкиной руке выше локтя рукав, показал всем синеватый номер. — Его в концлагере среди трупов нашли. Не жадина он. Болезнь у него такая. Объясни им, Ромка, как она по медицине называется...

— Замолчи! — с надрывом закричал Ромка. — Кто тебя просил?! — набросил-

ся он на Андрея.— Кто?! Я всех вас ненавижу. И тебя тоже! — его худенькое личико стало мокрым от слез, темные глаза лихорадочно блестели.— Ты меня... Ты меня предал. Вот тебе, вот...

Одним из ударов Ромка рассек Андрею губу, но тот не защищался. Рука не поднялась. Сглотнув солоноватую кровь, он молча вернулся к своему столу. Ребята тоже разошлись молча, подавленно.

Вечером, чтобы развеять грустное настроение Андрея, тренер Кузя затащил его на репетицию кружка художественной самодеятельности.

— Теперь ты должен во все вникать,— пояснил он Андрею, когда тот попытался отказаться.— Я в школе был секретарем. Обязанностей, как блох у паршивого кобеля. Успевай только поворачиваться. Но мы тебе поможем. Оплеух по морде старайся поменьше схватывать. Авторитет можешь растерять. На ринге — другое дело. Там сходятся соперники.

Репетиция, к великому удивлению Андрея, началась с выхода на сцену Володи Багрова.

— Я прочитаю вам стихотворение Сергея Есенина,— сказал Багров и глянул в притихший зал: там сидело много зевак — где-то надо же убить время.

Вы помните, вы все, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне...

Есенин был любимым поэтом Багрова. Это хорошо знал Глобусов и сейчас, слушая друга, радовался за него. На сцене Багров держался уверенно, казался выше ростом, шире в плечах. Вспомнив встречу с одноглазым, Андрей решительно подумал: «Нет, гад Батя, я не отдам тебе Володьку».

Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

За Багровым на сцену поднимались танцоры, клоуны — словом, все, кто хоть что-то мог показать товарищам. Одни бойко вылетали на подмостки и пускались в пляс, другие, робко поеживаясь, пытались спеть, но, сбившись или спутав мелодию, смущенно исчезали за кулисами. Последним вышел Ромка со старенькой скрипкой.

Неуклюже, скованно он встал вполоборота к залу, положил на плечо скрипку, прижал ее подбородком и вдруг раз-

машисто ударил смычком по струнам. Скрипка пронзительно вскрикнула, потом протяжно и жалобно запела одна струна, вторая, и каждая своим голосом, вскоре голоса их слились, и Андрей почувствовал, что ему стало зябко, будто со сцены подул холодный ветерок. Он прикрыл глаза и тут же увидел страшное видение: пикирующий фашистский стервятник поливал зеленую степь смертоносным огнем. А в степи, сколько может видеть глаз,— люди... Андрей испуганно открыл глаза. Ромка, склонив набок голову, играл и играл, и зал слушал его, затаив дыхание.

— Давай выйдем на воздух,— попросил Андрей Кузю.

На улице было свежо, под ногами похрустывал прихваченный морозцем снежок. Гуляли молча. Андрею все чудились звуки Ромкиной скрипки, они возникали где-то высоко, под куполом морозного неба и стремительно падали на землю.

— Вот оно как бывает,— задумчиво сказал Кузя.

— Ты о чем?

— О тебе вот думаю. Ты, Андрей, хорошо сделал, что не дал ему сдачи.

— Ромке-то?

— Конечно. А губа пройдет. Ты меня помни, из Ромки хороший скрипач получится... А из тебя спортсмен. Я верю в ребят. В каждого. Сам я, друг Андрюха, подамся на стройку.

— А бокс?

— Мой тренер говорил, что судьба всегда бережет для боксера в одной руке лавровый венок, а в другой кукиш. Венка мне не добиться, а кукиш уж пусть другие делают. Но тебя, даю слово, кое-чему научу.

4.

Андрей ни на минуту не спускал глаз с Володи: всегда сопровождал его, когда тот ходил в город, знал, что если Батя кого-то «обрек», то спасения человеку нет. Через несколько дней после встречи с одноглазым Батя прислал Андрею «подарок» — немного денег и короткую записку: «Блаженствуй, раб божий, и не забывай, Володя — наш».

Глобусов попытался связаться с Батей через одноглазого, но последний наотрез отказался помочь. Тогда Андрей сам принялся искать встречи с Батей, чтобы выпросить у него за Володю отступного. Батя будто канул в воду, как всегда запутал следы и затаился где-то. Все более и более тревожась за друга, Андрей, наконец, решил обо всем рассказать директору училища.

Степан Сергеевич, по привычке,— так он делал всякий раз, когда после раздумий собирался что-то сказать,— пригладил свои лохматые брови, вздохнул:

— Батя, Батя,— опять он объявился... А я вот спросить тебя хочу, Андрей. Как бы ты поступил, если бы тебе дали задание отыскать этого Батю и выдать его милиции?

Андрей попытался зачем-то встать, но не мог, открыл рот, чтобы хватануть воздуха, и замер, будто пришибленный.

— Предать? Я на такое не пойду...

— Ну, а если Батя снова тебя позовет? — Степан Сергеевич глядел Андрею в глаза.

— Он дал мне вольную.

— А вот взбредет ему в голову, и он

позовет,— наступал Степан Сергеевич.— Захочет вернуть тебя к прежнему ремеслу.

Андрей наклонил голову.

— Назад мне дорога отрезана.

— Это хорошо,— одобрил директор.— Я ведь интересуюсь не из праздного любопытства.

— Сомневайтесь, навсегда ли порвал с прошлым? — Андрей с вызовом глянул на директора.

— Сомневаюсь,— признался Степан Сергеевич.

«Чего он хочет от меня? — стараясь не глядеть на директора, думал Глобусов.— Наверно, решил что-нибудь из меня выудить. А я ничего и никого не знаю из прошлого. Напрасно меня сунуло к нему...»

— Давай рассудим вот так,— продолжал Степан Сергеевич.— Я, предположим, добываю деньги из чужих карманов. Ты об этом знаешь. Мы друзья. Я человек щедрый и предлагаю часть своей добычи тебе. Возьмешь?

— Нет,— отрезал Андрей. Но директор наседал:

— Больше того, ты вступил в комсомол. А я продолжаю воровать и предлагаю тебе свои услуги. Ну и как?

— Вы намекаете на те деньги, что я получил от Бати? — Андрей не выдержал пристального взгляда директора, потупился.— Мы с Багровым перевели их в детдом.

— А ты думаешь, детдомовцы приняли бы ваши деньги, если бы знали, каким манером они добыты?

— Мы об этом, Степан Сергеевич, как-то и не подумали,— растерялся Андрей и вдруг скользнул взглядом по обнаженной выше локтя руке директора, на которой темнела наколка: «А + С — друзья до гробовой доски». Наколка от давности поблекла, точки под кожей расплзлись, отчего буквы стали горбатыми и неуклюжими. «Точно такая наколка и у Бати», — мелькнуло в голове Андрея. Степан Сергеевич, перехватив взгляд Андрея, закрыл наколку рукавом и пояснил с виноватой улыбочкой:

— Баловство. По молодости.

— Я видел такую наколку... у одного человека.

— Может быть,— Степан Сергеевич нахмурился.— У Бати, наверное? Давно это было. Очень давно...

Андрей теперь не сомневался, что

перед ним сидит тот самый Степка Шалый, про которого однажды рассказывал Батя. «...Такого дружка в жизни больше повстречать не довелось,— вспомнил Андрей Батины слова.— Женщину со всеми ее ласками и любовью забыть легче. Сколько раз я тенью за ним ходил. Посчитаться я хотел с ним за измену, да Шалый не из трусливых оказался...»

— Клятву дали,— говорил между тем Степан Сергеевич.— Дали, а понял ее каждый по-своему. Такие-то дела.

Помолчали. Каждый думал о своем. Для Андрея Степан Сергеевич, с его давней наколкой на руке, стал и понятней и еще более непонятным. Перед парнем как бы приподнимался занавес в мир сложных человеческих отношений. Он уже был готов задать Степану Сергеевичу уйму вопросов, но тот начал сам:

— Батя — тогда он еще не имел такой клички — знает толк в людях. Умеет выбирать сообщников, кривить душой не стану. За подонков не цепляется. Но и смелых, дорогой Андрей, возле себя не держит, хотя и уважает их. Смелый над самим Батей может стать батей? Верно? Вот то-то же. А теперь мой совет. Отыщи его приспешников и передай им такое письмо: если Батя хоть пальцем тронет Володю, ты отомстишь за друга. Я полагаю, Батя знает твой характер и едва ли вступит в тяжбу. Как ты думаешь?

— А так же и думаю.

— Тогда по рукам и до свидания. Тебе уже пора. Завтра у вас производственная практика.— И уже в дверях Степан Сергеевич, задержав Андрея, признался ему:

— И все-таки я думаю о тебе хорошо. Честное слово, ну, ступай.

Андрей ушел, ощущая в сердце тепло оттого, что есть на свете Степан Сергеевич. Вот иметь бы такого верного друга везде, на всю жизнь. Не знал Андрей, что Степан Сергеевич уже был ему таким другом, понимающим, а главное — болеющим за него.

А началось все с того, что, недели две спустя после комсомольского собрания, Андрея пригласили на бюро райкома комсомола. Выяснить обстоятельства. Андрею задавали вопросы, он бойко на них отвечал. Все шло хорошо, и вдруг сидящий в торце длинного стола высокий, некомсомольского уже возраста человек спросил:

— Почему вы, Глобусов, пришли на бюро без своего комсорга?

— А мы его расстригли,— ответил Андрей и, уловив на лице высокого недоумение, добавил:— Свергли за воровство.

— Нет комсорга,— стоял на своем высокий,— надо бы с заместителем прийти.

— А у меня заместителей нету,— обронил Андрей и, не обращая внимания на замешательство за столом, твердо проговорил:— Я еще приглядываюсь к комсомольцам.

— Может, мы не будем торопиться? — ласково, будто к ребенку, обратился к Андрею секретарь райкома.— Сначала разберемся, кто у вас комсорг, а кто заместитель. Днем раньше, днем позже — какая разница?

— Разница есть,— не согласился Андрей.— Надоело мне в самозванцах ходить. Одни признают мою комсомольскую власть, а другие нет. Говорят, что надо, чтобы в райкоме в комсомол приняли. Я тоже так считаю. Устав для того и писан, чтобы его выполнять.

— Ты правильно рассуждаешь,— пряча улыбку, заметил секретарь.— Но с приемом придется повременить. Как, товарищи члены бюро?

Все согласились. Андрею ничего не оставалось, как уйти. Уже на пороге он услышал смех и принял его на свой счет. Почувствовав, что теряет самообладание, вернулся в кабинет:

— Это совсем не смешно... А вы! — он посмотрел на секретаря, тот не выдержал взгляда, побагровел, насупил.— Не будь вы секретарем, я бы вас... Я вам этого никогда не прощу!

И, круто повернувшись, шархнул дверью.

Вскоре в училище приехал секретарь горкома партии. Он поговорил со Степаном Сергеевичем, с ребятами, потом посадил к себе в машину Андрея и уехал с ним за город. Секретарь был невысокий, очень болезненный человек, с воспаленными глазами.

— Здесь дышится легче,— объяснил он Андрею, когда машина остановилась в чистом поле.— Выкладывай сам о себе все. А то наговорено про тебя три короба. Нарисуй мне себя в полный рост, а я полюбуюсь. И как ты в комсомол вступил, и как тебя на бюро отбрили, тоже расскажи, не скупись.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

«На машине прокатил и думает, я

перед ним мелким бесом рассыпаться стану,— злился Глобусов.— Чего ему от меня надо? Все они, благожелатели, на одну колодку...»

Потому-то Андрей и начал говорить не сразу и неохотно. Но главную свою мысль высказал горячо и настойчиво: если Степана Сергеевича не оставят в покое, он, Андрей Глобусов, и его друг Володя Багров уйдут из училища. Секретарь слушал терпеливо: ни разу не прервал Андрея. Только вздрагивали его сомкнутые веки, да нервный румянец поигрывал на щеке.

— Фу ты, чертовщина какая! — выдохнул он, когда умолк Андрей.— Что ты об этом скажешь, Алексей? — спросил секретарь своего шофера.

— Скажу, что вам заказано волноваться,— поглаживая баранку, отозвался тот.

— Война, Алексей, война,— секретарь посмотрел на Андрея.— Сколько настоящих коммунистов полегло. Эх, встать бы им сейчас да взглянуть на своих детей. Удивились бы. Далеко пойдут вот эти юнцы. Вишь, еще не оперился, а злости сколько в нем,— он хлопнул Андрея по плечу.— Я завидую им, голубятам нашим, Алексей.

— Подальше нашего пойдут, Иванич,— вздохнул шофер.— Как прикажете — трогать?

— Трогай. Мне еще на собрание надо успеть. На завод. Хотя подожди, я на минутку выйду.

Через неплотно прикрытую дверь Андрей слышал, как секретарь, выйдя из машины, тут же зашелся тяжелым кашлем. Его будто выворачивало наизнанку. Чем исступленнее бил секретаря кашель, тем заметнее сутулилась спина шофера, почти меловыми становились его руки, сжимающие баранку. Андрей выглянул в окошко. Секретарь, запрокинув голову, глотал ртом воздух, как выхваченная из воды рыба. Иногда он сплевывал на порыжевший снег сгустки крови. Потом Алексей помог секретарю сесть в машину.

Возле училища шофер остановил машину. Секретарь, подтолкнув Андрея, с улыбкой сказал:

— Воюй, сынок! В нашем деле нужны хорошие бойцы. Завтра приходи в райком комсомола, там тебе билет выдадут,— и повернувшись к шоферу, проворчал:— Глаза, как у ястребка, горят. Его не утверждают, а он руководит. А ну, вытряхивайся!

Историю своего вступления в комсомол Андрей Глобусов запомнил на всю жизнь. Выйдя из райкома, он показал Володе, поджидавшему его у подъезда, серенькую книжечку и, обняв друга за плечи, сказал:

— Надо бы как-то на поздравления ответить, а я онемел. Так и простоял истуканом. Секретарь, наверно, подумал, что я на него зло затаил. Теперь, Володя, у нас одна забота — учиться. Понимаешь, нам надо выбиваться в люди.

5.

Андрей и Володя — двое из всей группы — добровольно решили закончить семилетку за время пребывания в училище. Учеба в школе обоим давалась с трудом. А вскоре Володя стал подмечать, что друг его нет-нет да и зашабашит. Однажды Андрей сказал, что ему назначена дополнительная тренировка по боксу, и ушел вроде в спортзал, а сам нырнул под кровать и заснул там.

— Ты вот что, Андрей,— узнав о выходе Глобусова, сказал Володя,— ты меня не обижай. Я ведь не насильник какой. Я тебя понимаю, ты устаешь: работа, комсомольское поручение, спорт...

— Чего это ты, будто подкрадываешься? — сорвался Андрей, догадываясь, к чему клонится разговор.— Ну, сбредал я тебе вчера. Двинь мне за это. Ты сам на кого похож — бледная спирохета. И меня хочешь до этого довести. А у меня через неделю соревнования.

— Знаю,— Володя поглядел Андрею в глаза, и тот замолк.— Знаю и потому хочу поговорить. Я давно над этим задумываюсь.

Они сидели в пустом классе. Андрей, слушая Володю, то и дело поглядывал через открытое окно на спортплощадку, где ремесленники играли в волейбол. «Не вытяну я за семилетку,— с тоской думал Андрей.— А он двужильный,— и семилетку одолеет, и в техникум поступит. В могилу себя загонит».

— Мы же поклялись с тобой учиться,— голос Багрова окреп.— Видно, придется отказаться тебе от спорта.

— Что?! — У Андрея брови полезли на лоб.

— Я говорю, чтобы поправить учебу, надо отказаться от бокса. Пока.

— Ты что, рехнулся? Меня же засмеют. Я обещал тренеру нокаутировать

прошлогоднего чемпиона. У меня сейчас хорошая форма. Нет, друг Володька, с боксом я не расстанусь.

— Тогда со мной расстанешься! — резко сказал Володя.

— Значит, как в море корабли?

— Я без шуток, Андрей. Учеба дороже скоротечной спортивной славы. Да и знать нам надо: не спортсмены, а ученые, грамотные люди делают жизнь и команду ю. А кроме всего, напомним — мы делали с тобой зарубку не для того...

— Понятно! — Андрей резко встал. — Спасибо, что напомнил. Чемпиона все же надо уделать. Тут я тоже словом связан. А насчет зарубки — будь спокоен. Не подведу...

Но после блистательной победы на городских соревнованиях Андрей попал в приятный круговорот. У Андрея появилось много поклонников, которые постепенно начали заслонять Володю. Да Андрей и сам избегал с ним встреч, зная, что тот снова заговорит об учебе. Затем пришло время краевых соревнований, где Андрей тоже выступил удачно. Восторженные ремесленники прямо из вагона подхватили его на руки и почти на руках несли до училища. Среди встречающих не было только Володи. Андрей обиделся.

— Ты мне завидуешь, — упрекнул он как-то Володю. — Чего ты дуешься? Может, я в чемпионы Союза выбьюсь. Будь я на твоём месте, я бы гордился другом.

— А я не могу, — Володя закусил губу. — Ты обманул меня.

— Ты мне эти шуточки брось, — Андрей тряхнул друга за плечи. — Я такое могу...

— В рожу съездить? — перехватил Володя. — Съезди. Только чем ты через год-другой хвалиться станешь? С шестью классами в чемпионы вышел?

— Зато ты помешался на книжках, — огрызнулся Андрей. — Тоже ученый нашелся. Посмотрим еще, чья возьмет.

Разошлись неласково.

Потом было заседание комитета. Андрею запомнилось

все до мельчайших деталей. Толя Кутов, его заместитель по комсомольской работе, сидел за директорским столом. Сам Степан Сергеевич примостился в сторонке, стараясь не мешать ребятам, что-то писал. Тетрадка лежала у него на колене. Кузя с другими ребятами торчал у дверей, подмигивал Андрею. Первым выступил Володя Багров. Он волновался, то и дело поправлял ворот рубашки.

— Я еще не комсомолец, — голос Володи звучал глухо, — но выступаю перед вами на правах друга Андрея Глобусова...

— Друзья не предают, — вставил веско Андрей, но глаза на Багрова не поднял.

— Прошу не мешать, — строго предупредил Кутов. — Продолжай, Багров.

Слушая Володю, Андрей старался как бы со стороны поглядеть на себя, сравнить того Глобусова, про которого рассказывал Багров, и того, который представлялся самому Глобусову. Это были два разных человека. И чем большею разницу

обнаруживал Андрей, тем сильнее пьянела его голова от прихлынувшей злости. «Вон как размазывает, гад,— зло думал Глобусов.— Давай, черни, дружок. Все забыл, забыл, как я тебя спас от Бати... Говори, говори. Только кто тебе поверит? Степан Сергеевич? Дудки. Сам себя в лужу посадишь...»

— Я знаю, что у Андрея вспыльчивый характер,— продолжал тихо Володя.— Но кому дано право хватать комсомольцев за грудки? Или запугивать ребят, чтобы они лучше учились? Тем более, что у самого комсорга есть в учебе промахи. Слово свое он держать разучился. Я не раз говорил Андрею об этом. Теперь вынужден сказать и вам. Вы обязаны ему помочь. Я не имею права требовать. Но очень прошу потребовать от него иного отношения к учебе.

Андрею показалось, что члены комитета, выслушав Багрова, взяли его, Володину, сторону. «Неужели они поверили ему? — спрашивал себя Глобусов.— Надо дать Багрову по мозгам».

— Есть вопросы? — Кутов озабоченно посмотрел на ребят.

— Васька Пшеничкин жаловался, что ты ему пуговицы на рубашке пообрывал,— сказал Сережа Остроумов, первейший заводица в училище.— И будто грозился голову оторвать, если он будет на уроках дрыхнуть.

— Грозился,— сознался Андрей, представив лупастую, вечно заспанную физиономию Васьки Пшеничкина.

— У меня к Глобусову вопрос,— заерзал на стуле Семен Розов.— Это правда, Андрей, что ты от производственной практики уваливаешь? Что у тебя уже двенадцать прогулов?

— Правда,— нехотя сознался Глобусов.— Я готовился к соревнованиям...

— Я тоже готовился,— Кутов взглянул на Андрея.— Но дисциплина для всех комсомольцев одинакова.

Андрею замечание Кутова показалось оскорбительным. Резанув Толю злым взглядом, он с вызовом бросил:

— Как ты готовился, так и проиграл.

— Я проиграл в бою,— вспылал Толя.— А ты зарвался. Да и зазнался тоже. Мастеру по производственному обучению нагрубил. На комитете ведешь себя барином. Два неуда только на этой неделе получил. А ведь ты наш вожак.

24 — Не подхожу — освободите! — Андрей заметно накалялся.— Я не пропаду.

Надоели мне эти попреки: «Ты комсорг», «Ты вожак», «Ты должен, ты обязан...» Похвальный лист райкома комсомола училище получило за что? То-то и оно. А Багров увидел во мне сплошные недостатки. Завидует. Вот и вылез на комитет. А вы и рады стараться.

Кутов обвел всех взглядом и снова заговорил, возвысив голос:

— Я предлагаю Глобусова временно отстранить от секретарства. Пускай он сначала подчистит свои хвосты. Да и поостынет малость...

Володя взглянул на Андрея, тот сидел почти рядом, нахохлившись, опустив голову, и что-то рисовал на листочке бумаги. «Друзья не предают»,— эта хлесткая реплика, как звонкая пощечина, жгла лицо Багрова. «Может и правда, что я предал его? — терзался Володя.— Вон куда поворачивает Кутов. Разве Андрюха уж так виноват, что его на все не хватает? Кажется, я предал тебя, Андрюха.— Володя чувствовал, как от прихлынувшей крови тяжелела голова и пылало лицо.— Ты бы на такое не пошел. Ты бы навешал мне тумачков, но в комитет не пошел... Что же теперь делать? С ним нельзя так круто: сейчас хлопнет дверью, и ищи в поле ветра. Но куда он пойдет? — испуганно спросил себя Багров.— Опять к Бате? Нет, туда он больше не вернется. Я пойду с ним. Я буду за него бороться...»

— Есть другие предложения? — спросил Кутов.

— Я с тобой не согласен,— поднялся Розов.— Андрей толковый комсорг. И парень хороший. Ну, зарвался малость, так мы ему сейчас мозги вправим, чтобы в другой раз голова у него не кружилась.

Розова поддержали и все остальные. У Андрея на душе стало немножко легче, он покосился на Володю, потом на Кутова. «Ну что — не вышло по-вашему? Глобусова не так-то легко свалить...»

— Разрешите мне,— попросил слово Степан Сергеевич.— Знаешь, Андрюша, я от души тебе завидую,— Степан Сергеевич заглянул в свою тетрадь, помолчал.— Если у человека есть хотя бы один настоящий друг, то его можно считать счастливым. А у тебя их вон сколько. Хороший нынче у вас разговор получается. Принципиальный. Может, Володя чуточку сгустил краски. Но в искренность его я верю. Какое вы примете решение — не знаю. Думайте сами. Я должен сейчас уйти. У меня к комитету комсомола есть ма-

ленькая просьба,— директор вырвал из тетрадки густо исписанный листок и положил его перед Кутовым.— Я тут рекомендацию написал. Думаю, что Андрей ко мне присоединится. Он лучше нас знает Володю Багрова. Со своей стороны я от чистого сердца рекомендую его в комсомол...

Степан Сергеевич ушел. Комитет заседал еще долго. Глобусова все-таки освободили от обязанностей комсорга.

Андрей, хлопнув дверь, выскочил на улицу. Захотелось побыть одному.

Темнело. От железнодорожной станции тянуло гарью. Тревожно перекликались паровозы. «Махнуть бы сейчас куда-нибудь»,— думал Андрей. Постояв на перекрестке, он свернул в тихую улочку, которая вела к развалинам.

После войны город строился медленно. Место, куда пришел Андрей Глобусов, было самым глухим. Здесь, как в катакомбах, частенько укрывалось жулье. Когда-то тут, в сырых и холодных подвалах, провели несколько ночей и Андрей с Володей. Вспомнив об этом, Андрей подумал о Володе: «Добился своего. Свалил друга. А я за него жизнью рисковал. Уйду из училища. Все ненавижу...»

Глобусову настойчиво думалось, что его все предали. Предал Багров. Предал Кутов. Предал Степан Сергеевич.

И обижало и удивляло поведение Багрова. Еще задолго до сегодняшней истории Андрей не раз подумывал: с чего бы это Багор начал ему перечить? Хотя они были и одноклассники, но Андрей считал себя старшим. В прошлом, когда они были у Бати, он защищал Володю. Там Багра, с его застенчивостью и неуклюжестью, сразу бы прибрали к рукам самые подлые. Там Глобус был его другом и защитником. Рискуя собственной жизнью, он не раз выручал Володю из беды. И теперь, когда Багров заговорил с ним так строго, это Андрея возмутило.

Когда Степан Сергеевич ушел, Андрей вскипел, хотел было повернуть все по-другому, но Толя Кутов спокойненько осадил его. И тут пошел такой разговор, что Андрею стало жарко. Хотелось кинуться в драку и крушить всех и все, черт побери, надо бы все-таки отсидеться, смолчать, но не сдержался, вспылал, нахамил всем.

— Хватит,— упрямо, сквозь зубы процедил он.— Я вашими попреками сыт по горло. Ваша взяла, вас больше... Я ухожу...

Из-за темных обломков здания вышли

двое. Постояв немного на освещенной звездным небом прогалине, они перешли на теневую сторону и затерялись среди развалин. «Обходят,— мелькнула догадка.— Надо скрываться. А может, подпустить поближе?..» Глобусов затравленно огляделся. Сталкиваться с ворами ему не хотелось. Руины домов, казалась, надвигались на него. Спина в один миг взмокла. «Черт меня сюда занес. Хорошо, если их только двое... Чего я торчу тут? Могли ведь и не заметить». Андрей припал к земле, затаился. Шаги раздавались все ближе и ближе. «Засекли. Буду драться». Глобусов нащупал рукой увесистый камень. Чьи-то осторожные шаги слышались уже рядом. Нервы заметно сдавали, внутри все колотилось, рука с зажатым камнем дрожала. Давно Глобусов не испытывал такого страха. «Чего они выжидают? Сейчас чмокну одного по голове... А пока другой подоспеет, смоюсь...» Андрей уже приготовился к нападению, но в это время послышался тихий шепот:

— Куда он девался?

Голос показался Андрею знакомым, он опустил руку, пододвинулся ближе.

— Где-то здесь он. Некуда ему деться.

Этот голос Андрей узнал сразу. Страшная усталость навалилась на него, камень выскользнул из руки и откатился к ногам Володи. Потом Андрей слышал, как Толя Кутов, толкнув его в спину, чистосердечно признался:

— Ну и страху я натерпелся. В другой раз черта два увяжусь за твоим хвостом. Пойдемте. Там уже все на ногах.

6.

Утром Андрей первым пришел в класс, сел за свой стол у окна и принялся читать учебник по истории. Из прочитанного ничего не понял. Класс наполнился привычным гомоном, веселой болтовней ребят, шутками, кое-кого задирали, над кем-то подтрунивали. Андрей, не отрывая глаз от книжки, все напряженно ждал: сейчас доберутся и до него, сейчас кто-нибудь ехидно скажет: что, мол, допрыгался, скинули тебя с секретарства? Как оно рядовым-то?

В класс вошел Иван Иванович Вареников или, как называли его между собой ученики, Вареник, преподаватель металловедения. Это был невысокий, крепко сбитый, лет шестидесяти, бритоголовый старик, с маленькими живыми глазами и цепким взглядом. Ученики дружно встали, дежурный сделал доклад.

Иван Иванович работал долгое время на заводе и с учениками объяснялся просто, как в цехе с рабочими. Ребята любили Вареника и за простоту, и за то, что он предоставлял им во время урока полную свободу. Не успел преподаватель отвернуться к доске, чтобы наглядно показать плотность молекул в сталях марки три и марки семь, как за его спиной началось оживленное шушуканье. Вскоре стали раздаваться характерные щелчки — это ученики, сидящие в разных концах класса, затеяли перестрелку из резинок.

Потом все сразу стихло, Андрей оглянулся: взгляды ребят были обращены на задний стол, где сидел клюющий носом Вася Пшеничкин. Остроумов лихорадочно соображал, что бы такое сделать над своим соседом, чтобы весь класс покатился со смеху. Облив тетрадный листок чернилами, он положил его перед клюющим Пшеничкиным. Класс замер, затаил дыхание. А Пшеничкин все ниже и ниже клонился к столу, будто принохивался к ле-

жащему перед ним листочку. И вдруг клюнул носом раз, другой. Первым засмеялся сам Остроумов, его тоненький смешок послужил сигналом к всеобщему веселью. Сдержанно заулыбался и сам Иван Иванович. Успокоить класс до звонка на перемену ему так и не удалось.

Во дворе ремесленники собрались в кружок и стали дружно похлопывать в ладоши. «Опять кого-то плясать заставили», — подумал Андрей, заглядывая через головы ребят. В кругу, неуклюже приседая, танцевал Багров, лицо горело пунцовым румянцем, он смущенно улыбался.

— Чего это он? — поинтересовался Андрей у Розова.

— Остроумов веселую лотерею организовал, — хлопая в ладоши, сказал Яша Розов. — Я вытащил петуха. На следующей перемене надо кукарекать. А Толька Кутов, кажется, вынул песню. Попробуй и ты счастья.

В центре круга стоял улыбающийся Сережка Остроумов и подставлял желющим свой карман. На груди у него был приколот листок бумаги с надписью:

«Товарищ, будь смелее,
Участвуй в лотерее!
Гарантирую обмен,
Полезай ко мне в карман».

— Налетай, братва! — кричал Серега, похлопывая себя по карману. — Бесплатно и выигрышно.

Андрей, запустив руку в Сережкин карман, нащупал там несколько туго свернутых лотерейных билетов, наугад вытащил один из них. Остроумов взял у Андрея билет и, развернув, громко прочитал:

— «Катюша»! — он улыбнулся. — Тебе, Глобусов, повезло. Будешь петь в паре с Кутовым.

— А отчего ты сам не участвуешь? — спросил Андрей. — Может, стесняешься показать свой талант?

— Хитер-бобер, — поддержали Андрея ребята. — Тяни, Серега...

Остроумов вынул билет и подал его Андрею.

— Завой-ка, Сережка, по-волчьи, — нежно попросил тот. — А мы тебя послушаем.

Остроумов оглядел притихших ребят и тут же, припав на четвереньки, клацнул несколько раз зубами, запрокинул голову и вдруг завыл, подражая голодному

волку. Тем временем к Андрею подошел Кутов и шепнул:

— Сейчас наша очередь,— он прокашлялся и, как только поутих смех, командовал:— Начали, Андрюха.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой...

Разгоряченный в танце, с расстегнутым воротом, часто дыша, подошел Багров. Толя и Андрей были равны ростом, а Володя на целую голову ниже. Протиснувшись между поющими, он обхватил их за талии и тоже запел. «Молодец, Андрюха,— радовался в душе Багров.— Все идет хорошо... Друзья тебя не подведут...»

Со второго куплета к ним стали пристраиваться новые голоса, а с третьего песню подхватили все ребята.

...Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет...

Андрей чувствовал, как песня роднит, сблизает его с ребятами, и он, обнявшись с Толей Кутовым и Серегой Остроумовым, все сильнее сжимал их плечи. Разволновавшись, Андрей хотел было спеть ребятам свою заветную, которую когда-то напевал ему в просторных кубанских степях знакомый цыган Гаврило, но зазвонел звонок, и все пошли в класс.

— Когда-нибудь, ребята,— пообещал Глобусов,— я спою вам удивительную песню.

Исполнил Андрей свое обещание только на выпускном вечере.

Этот праздник начался с вручения дипломов. Андрей сидел в президиуме, глядел на Степана Сергеевича и вспоминал первую встречу с ним. Чужим, непонятным он был для Глобусова, а сегодня этот однорукий, сильно поседевший человек вручит ему, Глобусову, диплом. Можно ли такое забыть? «Я его до могилы помнить буду,— думал Андрей.— А помру — детям своим память о нем передам».

— Вот передо мной лежат два последних диплома,— услышал Андрей взволнованный голос Степана Сергеевича,— два свидетельства об окончании семилетки, два направления на большую стройку. Это документы лучших наших выпускников Володи Багрова и Андрея Глобусова. Мне хочется сказать о них особо.

Степан Сергеевич по привычке пригладил свои брови и продолжал:

— Много бед принесла война на нашу

землю, и самая страшная из них: обездоленные дети. Можно возродить из руин города, пробудить к жизни выжженные нивы, но ничто, и даже время не могут вернуть ребенку родителей. Об этом знаю я, потерявший отца и мать в гражданскую, об этом знаете вы, осиротевшие в Отечественную. Помнят это бывшие детдомовцы Володя Багров и Андрей Глобусов. Да, я не оговорился, бывшие детдомовцы, бывшие бродяги, а нынче члены Ленинского союза молодежи. Думаю, что Андрей и Володя простят меня...

Андрей взглянул на директора, покраснел, опустил голову. «Зачем он вспоминает о прошлом?»

— Ты, Андрюша, на меня не косись,— перехватил взгляд Глобусова директор.— В прошлом вашей вины немного. А вот то, что, помогая друг другу, выходите в люди, все ребята должны знать. Доброго вам пути.

С ответным словом выступил Толя Кутов.

— Разрешите мне,— обращаясь к Степану Сергеевичу, взволнованно начал Толя,— от имени всех выпускников обнять вас...

Ремесленники одобрительно зашумели, зааплодировали. На сцену поднялись еще несколько человек, каждый тянулся, чтобы обнять Степана Сергеевича, сказать ему слова благодарности. Речь Толи Кутова была скомкана, но он об этом не жалел, и чтобы как-то успокоить зал, объявил:

— А сейчас силами выпускников будет дан концерт.

Хор спел несколько песен. Серезка Остроумов сплясал гопака, да так лихо, что его вызвали на бис. Вася Пшеничкин вышел на сцену, чтобы рассказать басню, но его появление вызвало в зале смех, он тоже рассмеялся, забыв начало, и под дружные аплодисменты скрылся за кулисами. Багров прочитал отрывок из «Анны Снегиной», а когда объявили номер Андрея, он вдруг почувствовал, что ноги у него одеревенели.

— Давай, давай,— подтолкнул его Ромка. Андрей робко и нерешительно вышел на сцену, представил грустное лицо старого цыгана, присмиривший табун в ночной степи и запел:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте...

Первым за кулисами Андрея поздравил Ромка. Он восхищенно тряс его руку и приговаривал:

— Ты молодец, Андрей. Пел ты, как сам Козловский. Ты же талант, Андрей.

— Таких талантов на Руси-матушке — пруды пруди. Вот ты, Ромка, — истинно талант. Тебе путь только в музыкальное. Скажи, не так?

— Степан Сергеевич заставил, — чего-то стесняясь, сказал Ромка. — Я хотел сперва на стройке поработать... А он говорит, что надо в музыкальное.

— Иди, Рома. Мы за тебя поработаем, — улыбнулся Андрей. — Музыкантом не каждому суждено быть. Не забывай нас. Может, еще повстречаемся.

Прямо из ремесленного училища Володя и Андрей поехали сдавать вступительные экзамены в строительный техникум.

На вокзал провожать их пришел только один Степан Сергеевич — того хотели сами ребята. Когда тронулся поезд, старик смахнул слезу: вот так же и он в свое время уходил в большую жизнь от хороших людей. Шагая рядом с открытым окном вагона, Степан Сергеевич сказал Андрею:

— Выпадет встреча с Батей... так ты припомни ему за тех ребят, что по его злой воле еще плутают по кривым дорожкам...

* * *

Лес наполнился многоголосьем. Опять пугал ночь филин. Опять шумели под верховым ветром деревья. Где-то очень далеко ворочался гром. Младший сержант Андрей Глобусов всматривался в черный подлесок на краю оврага и теперь уже точно знал, что именно там сейчас скрывается тот, кого он так долго искал... «Тесно ему, гаду, в нашей стране. За границу бежать собрался...»

Николай КЛЕПОВ

В п у т и

*Трамвай устало шел по городу,
Промокнув от дождя осеннего,
И было в нем*

тоскливо, холодно.

*Но вот на остановке женщина
Вошла так просто*

и обыденно.

*И улыбнулась пассажирам...
И вдруг отчетливо увидел я
В ее глазах, как небо синих,
Край леса,*

Золотую просеку

И море солнечного света...

И побежал трамвай из осени

В рассвет задумчивого лета.

Д о р о г а

*В полях военная дорога
Лежит, поросшая травой,
Под тишиной земной,*

тугой.

Но только иногда тревоги

Ее лишают ночью сна —

Ей снова чудится война:

Обозы, танки, люди, лица...

И ноет вновь ее спина,

И болью ломит поясницу.

Л е т о

Июльский зной

Стоит над лугом,

Тяжелой налит синевой.

И нет ни шороха, ни звука

Над раскаленную землей.

Лишь пыльный ветер за лугами,

Примчавшись, видно, с большака,

Пьет пересохшими губами

Прохладу возле родника.

ОТЗОВИТЕСЬ,

СТО ЛЕТ

ЮНЫЕ КОММУНАРЫ!

Старые, выцветшие фотографии. Тридцать ребят в матросских бескозырках и форменках. Тридцать славных смысленных мальчишек. Сорок семь лет назад эти снимки были присланы в подарок Владимиру Ильичу Ленину. На штампе сопроводительного письма стояло: Краснодар. Об истории этого подарка Ильичу известно не так уж много.

Лето в 1921 году выдалось знойное. Засуха охватила огромную территорию — тридцать четыре губернии с населением в тридцать миллионов человек. На молодую республику Советов обрушился небывалой силы голод.

13 октября газета «Правда» писала:

«Положение голодающего Поволжья ужасно, положение же детей — невозможно. Они умирают тысячами, оставшиеся в живых невероятно худы и больны. Кожа да кости — вот ребенок Поволжья. Гибнет ваше будущее, умирают те, для кого мы совершили великую революцию. Мы не можем допустить гибели миллионов детей. Каждый честный гражданин республики должен подумать об их спасении».

Лучшие силы партии были брошены на борьбу с голодом. Открывались бесплатные столовые, питательные пункты. Дети, потерявшие родителей, направлялись в детские дома, колонии, лесные школы.

В это тяжелое время Владимир Ильич Ленин обращается к трудящимся с призывом оказать братскую помощь населению, пострадавшему от засухи.

«Дорогие товарищи! — писал Владимир Ильич Ленин в письме к рабочим, рыбакам северного побережья Аральского моря, — до вас, конечно, дошла уже весть об огромной беде — о небывалом голоде, постигшем все Поволжье и часть Приуралья. Начиная от Астраханской губернии и кончая Татарской республикой и Пермской губернией, всюду засуха выжгла почти окончательно и хлеб и траву. Миллионы людей — трудовых крестьян и рабочих, миллионы скота готовы погибнуть и гибнут уже...»

Вся надежда казанских, уфимских, самарских и астраханских голодающих — на великую пролетарскую солидарность (согласне) таких же, как они сами, трудовых людей с мозолистыми руками...¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 246.

Призыв Ильича не остался без ответа. 25 декабря 1921 года председатель Аральского Совета телеграфировал председателю Совнаркома:

«...Ловцами аральского бассейна отгружено 14 вагонов рыбы — сырца. Особенно приняли горячее участие бугунские ловцы».

По всей стране шел сбор продуктов в фонд помощи голодающим. Рабочие и работники добровольно отказывались от части своего скудного пайка и просили передать эти продукты детям. В корреспонденции «Кубань — детям», опубликованной в «Правде» 21 октября, сообщалось:

«В Краснодаре организован приемник на 300 детей. Такие же приемники намечены к открытию на станциях Тихорецкой, Кущевке и Армавир. По всем отделам Кубанской области разосланы инструктора для организации детских домов, не менее чем на 250 человек каждый. Дети уже прибывают».

Областная комиссия обратилась к населению с призывом оказывать помощь в организации приема детей.

Население живо откликнулось на этот призыв. Славянский отдел берется разместить по станциям до 1 000 детей.

В городе Краснодаре от одного только союза водников имеется около 100 заявок о готовности принять детей на полное иждивение (РОСТА).

Бойцы и командиры 47-го отдельного дивизиона и Кубано-Черноморского отдела ГПУ тоже решили взять 25 ребят из голодного Поволжья и 5 человек обслуживающего их персонала на свое полное иждивение.

Так возник на Кубани не совсем обычный детский дом.

Красноармейцы и чекисты по-отечески заботились о своих питомцах, делились с ними всем, что имели, стремились воспитать из ребят настоящих людей. «Наука и труд» — этот лозунг был основой воспитания.

Ребятишки быстро поправились, окрепли. Они охотно учились: по очереди несли дежурство по дому и на кухне; с увлечением занимались спортом. По вечерам под руководством бойцов разучивали революционные песни, ставили спектакли. Был у детдомовцев даже свой духовой оркестр.

Красноармейцы научили воспитанников ходить в строю, метко стрелять в цель. Ребята с удовольствием носили матросскую форму и гордились, когда их называли юными коммунарами.

В декабре 1922 года в Краснодаре проходил VI съезд Советов Кубано-Черноморской области. Посланцы народа держали совет: как скорее и

лучше восстановить хозяйство, разоренное войной. В день открытия съезда, во время вечернего заседания, широко распахнулись двери; четко чеканя шаг, в зал вошли юные коммунарры. Делегаты, поднявшись с мест, тепло приветствовали неожиданных гостей.

— Слово имеет командир взвода коммунарров товарищ Широкий, — объявил председатель.

В наступившей тишине зазвучал звонкий мальчишеский голос:

— Дорогие товарищи! Приветствую вас от имени взвода юных коммунарров!.. Сегодня перед лицом VI областного съезда Советов Кубани и Черноморья мне хочется сказать наше детское спасибо Советской власти!..

— Молодец командир! Удалой командир! — крикнул кто-то в зале.

Пожилой хлебороб с восхищением воскликнул:

— Ах ты, таракан, а вот, поди ж ты каков!

Дружными аплодисментами проводили участники съезда юных коммунарров и обещали непременно побывать на вечере самодеятельности, на который их пригласили детдомовцы.

И вот они в клубе имени Дзержинского.

Особенно понравился гостям хор, исполнявший песни революции. Веселый смех у зрителей вызвала комедия «Иванов Павел», которую показали детдомовцы.

Двенадцатого декабря местная газета «Красное знамя» рассказала читателям о том, как прошел первый день работы съезда, и полностью напечатала выступление командира взвода юных коммунарров. А через три дня — 15 декабря — детдомовцы прочитали в газете письмо, которое написали более ста делегатов съезда.

Вот отрывок из него:

«В коротких антрактах, беседуя с детьми, мы нашли в них славных, развитых собеседников, которые... с гордостью рассказывали нам о своих успехах в грамоте. Хорошо стало на душе. Значит, есть уже те очаги, которые заменяют малюткам родную семью. За предоставленные нам радостные минуты мы приносим товарищескую благодарность всем участникам детского спектакля и их организаторам, руководителям и воспитателям, и товарищам красноармейцам 47-го дивизиона и сотрудникам ГПУ, вложившим свою лепту в доброе и великое дело.

Да здравствует образцово поставленный детский дом, могущий послужить достойным примером!»

Радости ребят не было границ, и тут кто-то из них предложил послать письмо и фотографию юных коммунарров Владимиру Ильичу Ленину. В большой конверт вложили выписки из газеты «Красное знамя»: письмо делегатов съезда и речь

мальчика Широких, и две фотографии. На одной мальчишки вместе со своими воспитателями. На другой детдомовцы на занятиях по стрельбе.

На обратной стороне снимков старательно вывели: «Дорогому учителю коммунизма Владимиру Ильичу Ленину от взвода юных коммунарров при 47 Отдельном Кубчердивизионе войск ГПУ СКО и Кубано-Черноморском областном отделе ГПУ». К подарку приложили письмо, в котором рассказывалась история детского дома. Оно заканчивалось словами:

«Просим принять на память фотографические карточки взвода юных коммунарров».

* * *

Почти сорок семь лет прошло с тех пор. Где-то теперь юные коммунарры? Как сложилась их дальнейшая жизнь? Как выполнили они свою клятву Родине — стать надежной сменой отцов?

О судьбе ребят могли бы рассказать бывшие бойцы 47-го дивизиона и делегаты VI съезда Советов Кубано-Черноморской области. К сожалению, мы не знаем их имен: письмо было опубликовано без подписей.

Поисками юных коммунарров занимаются красные следопыты школы № 42 Краснодара. Они собрали много материалов о том, как заботились их земляки о голодающих детях в те трудные годы. Но самих ребят пока найти не удалось.

Всех, кто знает о судьбе воспитанников этого детского дома или его организаторов, просим написать в Центральный музей Владимира Ильича Ленина, краснодарским следопытам или в редакцию журнала.

В. ШАНЬГИНА,

лектор Центрального музея В. И. Ленина

ИМЕНИ РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ

В этот день в сборочном цехе Бузулукского завода тяжелого машиностроения имени Куйбышева состоялось необычное торжество. Сначала — короткий митинг. Выступили стропальщик литейного цеха Георгий Иванович Свиридов и старший сборщик Николай Николаевич Кокорин. Потом под звуки оркестра мостовой кран бережно поднял и поставил на платформу новенький буровой станок 2 СБШ-200. Издалека видна отлитая на станине и высеченная краской надпись: «Станок имени рабочей династии Свиридовых» и заводская марка — «БЗТМ».

...В год пятидесятилетия Советской власти на заводе развернулось соревнование не только меж-

ду бригадами и цехами, но и между четырнадцатью трудовыми династиями: Зайцевых, Куряевых, Кучма, Мартыновых, Свиридовых и других. Когда подвели итоги, самые высокие показатели оказались у Свиридовых. Семь человек из этой семьи каждый день приходят на завод имени Куйбышева: братья — Георгий, Сергей, Анатолий, Владимир — и их жены: Клавдия, Анастасия и Мария. Разные у них профессии — стропальщик, земледел, сверловщик, токарь, кладовщица, подсобница, штукатур ОКСа, но все они уважаемые на заводе люди. Их общий трудовой стаж — 125 лет.

По предложению директора завода Льва Сергеевича Ершова было решено выпустить в честь победителей именной станок для бурения скважин в открытых карьерах.

К паспорту станка приложено письмо к буровикам, в котором подробно рассказывается об успехах машиностроителей, о замечательных тружениках, чье имя присвоено буровому агрегату. В пакет вложена также групповая фотография Свиридовых...

Прогудел гудок, и платформа с буровым станком ушла с территории завода в Восточную Сибирь на одно из новых горнорудных предприятий страны.

В. АЛЬТОВ

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

На мотоциклах от Самарканда до Мурманска проехали шесть молодых смельчаков. С юга они добрались до Заполярья, встретившего их морозами, снегом и туманами. Интернациональную команду — в ее составе два узбека, два татарина, русский и украинец — дружески приняли комсомольцы Мурманска.

Эта группа первой на мотоциклах пересекла Кара-Кумы.

Путешествие в 3800 километров от Липецка до Риги на весельной лодке совершили два молодых лесоруба из Приморского края

Евгений Смургис и Валерий Лютиков. Лодку изготовили сами и назвали ее «МАХ-4», что значит — «четыре весла и махай!» Это уже второй поход Евгения и Валерия. Первый лесорубы совершили в 1967 году по уральской реке Колве.

Нынче дальневосточники собираются вместе с комсомольцами рижской фабрики «Ригас адитайс» проплыть на лодке от Риги до Одессы.

В походах следопыты знакомились с ветеранами боевой и трудовой славы.

Студенты Благовещенского педагогического института имени Калинина проехали на велосипедах одиннадцать областей и четыре союзных республики. Особенно запомнились им встречи с молодежью Челябинского тракторного завода, Братской и Иркутской ГЭС и посещение ленинских мест в Ульяновске.

В техническом отчете о путешествии есть и такая запись: «Спиц выбито — пятьдесят, велотрубок пробито — двенадцать».

Повесть

2

а Хорошевской горке было катанье. Девки, парни, даже пожилые мужики громоздились на санки и неслись к пруду с хохотом и криками. Санки налетали друг на дружку, люди барахтались в снегу и веселились еще пуще. Без удержу.

Качали старики седыми головами: не к добру. Мыслимое ли дело, чтоб мастеровые и работные устраивали игрища, словно какие-нибудь господа. Никогда такого не было.

Пробовал дед Киндей Глушко урезонить хоть бы внука Андрона — куда там!

— Посторонись, дед, — кричал Андрон, пролетая на санках мимо. — Ау-у!..

Совсем без стыда ведет себя женатый мужик, как дите малое.

Потоптался Киндей у горы, плюнул, пошел в земскую избу. Тоже новшество: раньше была мирская, теперь — земская.

— Слышь-ко, Анисим, — увидев Крюкова, сказал он сердито. — Чтой-то все посбесились, а? Отвечай мне, раз ты голова теперь.

Анисим покосился:

— Нас двое голов. Вон Семен Салаутин еще...

Семен усмехнулся.

— Присаживайся, Киндей Фомич, гостем будешь.

— Я-то сяду, — сказал тот, кряхтя и опускаясь на лавку: девятый десяток по земле дохаживал, намаялся. — Слышь-ко, не к добру такое. Все куролесите... А вот команду пришлют — думали об этом?

— То-то, что думаем, — нахмурился Крюков. Вздыхнул тяжело. Непривычно было думать, внове все.

— Авось не пришлют, — сказал Салаутин. — А не то — и с командой сладим...

С тех пор, как взбунтовались работные, изменился Семен неузнаваемо. Был он всегда незаметным, не перечил начальству, ходил ссутулясь. В разговорах отмалчивался. А тут вдруг откуда что взялось. Распрямился мужик, ум оказался недюжинный. С Анисимом Крюковым прились — два сапога пара. Один — умудренный старостью и потому осторожный: и так и этак повернет, прежде чем сделает, и уж делает — не ошибется. Второй — молодой и напористый, но и тоже сдуру шагу не ступит, если

БУНТ

Владимир ТУБАЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

сам не домыслит — посоветуется. Слушать — горазд, не заносится. За то и выбран вместе с Крюковым старостой.

Попервой, когда нарек сход обоих головами, — жутко стало. Не от царей власть, не от Демидовых — от рабочих. Прежнего старосту, Никона Брызгалова, из мирской избы за лихоимство и подлости выбили, закрыли под замок в холодную.

К добру ли все, к лиху?

После многих криков и споров на сходах решено было слать в Екатеринбург великому князю Вяземскому прошение с изложением своей нуждишки. Сочинительством прошения и занимались Анисим с Семеном, когда пришел Киндей Глушко.

— Может, Киндей Фомич, подскажешь нам что-либо? Не додумали чего? — спросил Салатин.

Дед стукнул палкой о пол.

— Скажу! — проговорил тонким голосом. — Уж я скажу-у... От роду такого не было, чтоб бунтовали против царицы-матушки. Мыслимое дело! Покоритесь, супостаты! Просите прощения за разбой! Ждать надо милостивого указа терпеливо, не бунтовать!

— Мы и ждем, — сказал Крюков.

— А ружья, пушку вон приволокли — пошто? Слышь-ко, это как?

— Конторские-то стреляли, — сказал Семен, — трех человек побили.

— А вы покоритесь, побросайте ружья.

— Приедет князь Вяземский — побросаем, — твердо сказал Семен. — А Мирону Попову нет нашей веры, не будет и покорности.

— Али в каторгу захотели?

— А мы не в каторге? Эх, дед! Хуже той каторги каторга демидовская...

— Покоритесь! — еще раз сказал Киндей Фомич. — Смирите гордыню, не одних себя загубите. Али сирот, вдов плодить вам охота? На моей памяти взбунтовались дворовые князя Богучарова — и сколько ж их побили! — мать пресвятая богородица! Слава господу, у меня хватило ума сидеть тихо-мирно, покуда Демидов не купил. И живу!..

— Ну, вот что, дед, — сказал Семен, приподнимаясь. Ноздри его подрагивали, по щекам пошли пятна. — Вот что... Не по чину мне так говорить, но уж сильно осердил ты меня. Иди отсюда подобру-поздорову, иди, пожалуй... Сам разберемся.

Киндей Фомич поднялся, надел шапку.

— Я пойду... пойду! Однако вы помните мое слово!

Он сердито повернулся и уже в дверях сказал:

— Игрища играют... веселые ходят... Быть беде!

После его ухода в земской избе долго молчали. Даже писчик Сенька Булавин не скрипел больше пером и только с испугом поглядывал на старост.

Наконец Анисим провел рукой по бороде, поднялся.

— Пиши, Сенька, — сурово проговорил он. — Пиши: перво, не желаем быть в крепости Демидова, понеже отцы наши отданы были одному туленину Никите, а внука его Никиту мы не признаем... Так, Семен?

Сенька заскрипел пером.

— И дале: подушную подать мы отработать согласные, а что сверх того, то из воли...

— Так! — сказал Семен. — И еще: без должной оплаты заводские работы отправлять не будем. Пиши, Сенька: желаем получить надбавку, и на то ждем вашей милости, а сколько вы положите, на то мы и согласные... Али не соглашаться? — повернулся он к Анисиму. — Пушай сразу добавляет по две копейки, и все дело. А?

Анисим подумал.

— Пушай сколько положит. Тут дело тонкое... не озлился бы сразу.

— Ну, добро...

Сенька писал: «Понеже плата у нас скудная и мизерная, для пропитания отнюдь негодная, то мы, низайшие, в те заводские демидовские высокотягчайшие несноснонетерпимые и тираномучительные работы идтить не имеем, о чем покорнейше и требуем...»

Семен восхищенно вертел головой:

— И откуда у тебя, Сенька, берется? Знать, не даром Мирон тебе житья не давал, чуял...

Всем миром снаряжали гонца к великому князю Вяземскому.

Беглый солдат Алексей Делаков занедужил. То ли простыл, пока нес к проруби грузное тело Грязного, то ли последние силы иссякли. Била солдата жестокая лихорадка, кровоточили раны на спине.

Лежал Делаков в избе Анисима Крюкова, потому как возле самой этой избы упал в беспомощности, когда возвращался от проруби.

Увидев чужого человека, Анисим попервоначалу рассердился. Но Мавра рассказала, как он избавил Гликерью от напасти, и Анисим задумался.

— Пушай живет, — сказал наконец.

Глядя на солдата, поскреб в бороде.

— Что ж он... сам заступился за тебя? — спросил Гликерью.

— Сам, батюшка. Жалко ему, наверно, стало.

— Ишь ты... жалко, — проговорил Анисим. Он еще раз поглядел на солдата и пошел к

двери. Уже с порога проворчал: — Так вы его... это... лечите.

— Лечим, батюшка, — сказала Гликерья, обрадовавшись, что отец не стал перечить.

Алексею отгородили закуток в углу возле окна. Мавра наставляла сушеные травы и отпаивала ими солдата. Гликерья помогала ей.

Первые три дня все боялись, что солдат отдаст богу душу. Особенно плохо ему стало на вторую ночь: в груди все так и kloкотало, он задыхался и постоянно просил пить. Все домашние сбились с ног, Мавра бранилась и на солдата, и на Гликерью, и на сноху Ефимью.

Вся эта беготня и сутолока вывела из терпения Анисима. Он слез с полатей.

— Что у вас тут за содом? — спросил женщин грозно. — Так вы его и вовсе в могилу сведете!

Подошел к Алексею, пощупал лоб.

— Браги ему дайте! — распорядился Анисим. — Да с медом, пушай прогреется.

— И-и, батюшки! — замахала руками Мавра. — Окстись! Кто же лихорадку брагой выгоняет? Я вот ему односторонки да малинки настояла... А брагу — нельзя! Сгорит!

— Дайте! — сердито прикрикнул Анисим, зыркнув глазами. — Неча травками его потчевать, брага солдату — первое дело.

Принесли браги с медом. Неизвестно, что помогло, брага ли, просто ли солдат живучий оказался, только к утру ему полегчало.

— А я об чем говорил? — сказал Анисим. Хмыкнул: — Ишь! А они — травками...

Подошел к Алексею. Лицо его заострилось, почернело.

— Жив, солдат? — спросил Анисим.

— Живу, кажись, — прошептал тот.

— Ну, ладно. Живи. — Посмотрел на стоявшую рядом склянку с брагой, поднял, разлил в кружки. — Ну-ко, чтоб совсем на ноги стал... Прими грех на душу.

Чокнулись, выпили.

— Так-то, паря, — сказал Анисим, вытирая бороду. — Поправляйся!

Когда он вышел, Алексей взглянул на Гликерью.

— Батя у тебя... серьезный мужик. — Он слабо улынулся. — А матушка — ребенок, хоть и кажется сердитой...

Гликерья зарделась от удовольствия.

Алексей сморщил лоб.

— Это ты меня в избу-то втащила? — спросил он. Протянул худую руку, коснулся пальцев Гликерьи. — Спасибо тебе и твоим всем...

Гликерья потупилась.

— Не за что. Я... я... это я должна...

— Что ж, ищут меня? — спросил Алексей внезапно с беспокойством. Он попробовал приподняться. — А? Ищут?

Гликерья сорвалась с табуретки.

— Ты лежи, лежи! — проговорила она. — Тебе нельзя вставать. Никто тебя не ищет.

— Как же — никто?

— Тут... приказчиков побили, в завод идти не хотят... Воли добиваются, — проговорила Гликерья. — Некому тебя искать, лежи.

Алексей прислонился к стенке.

— Кто побил? Кто добивается воли?

— Да заводские наши, госпсди боже!... — рассердилась Гликерья. — Ложись сейчас же!

Глядя на девушку, Алексей усмехнулся и опустился на подушку.

— Ну, так...

Он замолчал. Обоим вдруг почему-то сделалось неловко. Гликерья отвернулась и затеребила подол юбки, Алексей старался незаметно спрятать под одеяло свои худющие руки.

— Я... я пойду? — сказала Гликерья, поднимаясь.

Она испуганно взглянула на Алексея и неслышно скрылась за занавеской. Алексей отвернулся к стене.

Чем дальше, тем Алексей становился задумчивее, на вопросы Гликерьи отвечал невпопад. Гликерья заметила, что досадует на его невниманье, и удивилась.

«Что со мною? — подумала она. — Мне какое дело? Не хочет разговаривать — не надо!»

Но нет-нет, да исподтишка и поглядывала на солдата, чувствовала себя беспокойно и неуютно. Даже Мавра заметила, что с дочкой творится что-то неладное, но та на расспросы отмалчивалась, и Мавра сердилась. Ни от Анисима, ни от Семена толку не добьешься, а теперь с дочкой творится невесть что.

— Все от меня что-то скрывают! — гневно сказала она, подходя к Алексею. — Анисим от ума отстал из-за бунтов своих, Семку днями не вижу, Гликерья нос воротит, слова путевого не услышишь... Ну? Что? Посбесились все, а отчего?

Она поправила подушку, подоткнула одеяло под ноги Алексею, переставила кружку с окна на табуретку.

— Мне кажется, ничего такого... — начал было Алексей, но Мавра сразу же набросилась на него.

— Какого еще надо «такого»? Молчи! И сам хорош! И нечего было под шрутены лезть, поделом!

— Шпицрутены, — поправил Алексей, усмехнувшись.

— Он еще смеется! — снова всплеснула Мавра руками. — Господи боже мой, я браню его, а он хоть бы что!

Алексей совсем развеселился.

— Да вы и не бранитесь вовсе, — сказал он, — это вы просто так... Не от сердца. Я же вижу — вы добрая.

— Вот еще! — фыркнула Мавра. Она перестала наводить порядок в закутке, распрямилась. — Нашел добрую...

Она вдруг рассмеялась дробненько и добродушно, махнула руками. Поглядела на Алексея.

— А и правда, я добрая... ворчу только, а так — ничего.

Мавра пошла к печи, загремела ухватом. Алексей поглядел ей вслед и задумался.

Невеселые думки были у беглого солдата. Куда ни кинь — везде клин. После побега об одном только мечталось — быстрее добраться до дому, пасть в ноги князю Путятину, молить о прощении...

Он горько усмехнулся. Это князь-то, Путятин, помилует! Да никогда того не будет. Нет ему нигде прощения, ни у Путятина, ни в солдатчине.

Худо жили Делаковы у князя, хуже всех других крепостных. Невзлюбил князь отца Алексея, Степана, с того еще времени, когда тот в молодости не лег добровольно под кнут

за какую-то пустячную провинность. Правда, висечь его все равно высекли, такие же, как и он, дворовые, но князь заметил гордеца. С того все и пошло. Что ни день — то новые штрафы да новые беды. А каторга началась, когда не пустил перед самой свадьбой в княжеские покои Степан свою нареченную, красавицу Наталью. Знал, за какой нуждой потребовалась она князю. За топор взялся, чтоб не допустить бесчестья.

Князь сделал вид, что смирился, а недели через две, когда Степан перестал беречься, его и схватили. Изломали так, что даже для солдатчины мужик оказался негодным. Приставили его к конюшне, но и тут одна напасть за другой. Засеклась лошадь — Степан виноватый. Сдохла собака — опять же он отвечает.

И детям Степана не счастливилось: как только подошел срок старшему, Емельяну, — в тот же день забрили в солдаты. Вслед за Емельяном настала очередь Петра, а потом и Алексей загремел по тому же пути. Восемь лет отбухал, шутка ли! И оставалось многоножко — еще семнадцать годков каторги.

А тут — новая беда: отписали соседи, что помер отец, доконал-таки его Путятин. Света не взвидел Алексей, бросился из казармы — домой, к матушке. Да и получил тысячу шомполов.

Но и озлился до крайности, крест целовал, что не быть ему больше солдатом царицы.

И вот теперь лежал он у чужих людей, рядил и так и этак — куда голову приклонить? Где заступу найти?

Не было ее нигде. Неоткуда было ждать помощи.

Из обрывков разговоров он понимал, что происходит в поселке, и тревожился. Как ни мало он пробыл здесь, но уже многие отнеслись к нему с добром, многих успел он полюбить всей душой. Люди заботились о нем, лечили. А что будет с ними самими?

Алексей знал, чем кончаются бунты. Года два тому назад вот так же поднялись работные медных демидовских рудников в Сибири. На усмирение послали роту, в которой служил Алексей Делаков, и солдаты стреляли в людей. Стрелял и он, потому как верил еще: перед ним — злодеи, взбунтовавшиеся против царицы-матушки. Многих тогда побили, других сослали в каторгу, третьи разбежались по звериным тропам...

На что же надеются заводские рабочие? Неужели думают, что сюда солдат не нашьют? А нашьют, что будет? Перебьют, измордуют людишек, в еще большую кабалу загонят. Что могут сделать с воинской командой безоружные рабочие? Ничего. Да и то непонятно, как до сих пор Мирон Попов не пошел на них боем. У него приказчики и тюремная стража вооружены, мигом выбьют из поселка бунтовщиков.

Он ворочался на постели, не находя себе места. Хотелось поговорить с Анисимом — не подходило случая. А теперь и вовсе неловко: Гликерья связала. Сам не заметил, как полюбилась ему девка, заплонила сердце. Видел: и он ей люб. Вспыхивает как маков цвет, когда он на нее смотрит. Да только что ж? Никогда не быть им вместе. Его доля известна теперь: или на каторгу, или в разбой пойти.

Он злобно ударил кулаком в стенку:

— Эх!..

Прибежала Гликерья, с испугом взглянула на Алексея.

— Плохо тебе?

Алексей опомнился.

— Н-нет...

Гликерья неловко переступила с ноги на ногу, заморгала и вдруг, прижав ладони к лицу, выбежала. Послышались всхлипывания, потом сердитый голос Мавры:

— Ну, что? Опять, господи боже мой! Гликерья! Ты пошто плачешь? Служивый! Ты обидел чем? Ну, говорите! Да не молчите же вы, как столбы!

Она прошла за занавеску, остановилась, разгневанная, возле Алексея. Тот натянуто улыбнулся.

— Гликерья Анисимовна на меня, наверно, рассердилась, — сказал он. — Я сейчас...

Он хотел сказать, что сейчас поднимется и уйдет, но тут прибежала Гликерья и закричала:

— Никто меня не обижал, что вы все выдумываете! Ну и плачу, раз мне так хочется! И что вы все замечаете, ну, что вам до того, плачу я или смеюсь!

— Ну, вот. Ну, вот, — забормотала Мавра, отступая. — Ну, не сумасшедшая ли девка? — она беспомощно поглядела на Алексея. — Видишь? Что я тебе говорила?.. А ты лежи, чего подхватился?.. Ополумеешь с вами!

Однажды вечером проведать Алексея взглянул Семен Салаутин. К этому времени солдат уже мог вставать и передвигаться по избе. Когда пришел Семен, Алексей мастерил держак для ухвата.

— Не сердчай, паря, что не навестил ране, — сказал Семен, поздоровавшись. Сел рядом. — Вишь, какая у нас кутерьма. Ну, как ты тут?

Алексей обрадовался Семену. Он отложил оструганную березину.

— Сам хотел к вам зайти, да болею все... Теперь легче.

— Как, собираешься к своему князю? — спросил Семен.

— О том и разговор... — сказал Алексей.

Он отряхнул с порток стружку, оглянулся на прижавшуюся к печи Гликерью.

— После доделаю, ладно, Гликерья Анисимовна?

— Мне что!

Алексей вздохнул. Семен внимательно по-

смотрел сначала на него, потом на Гликерью, что-то понял, усмехнулся. Гликерья покраснела, сердито дернула плечом и отвернулась.

— Хочу я, Семен Васильевич, дойти, как вы дальше собираетесь, — сказал Алексей, поднимая глаза на Салаутину. — Воля — это я понимаю. Только что ж, ежели князь Вяземский откажется, ежели вместо воли — солдат с ружьями?.. Ты прости, может, не так говорю — сам видел, как это делалось на Сибирских рудниках.

— Видел?! — удивился Семен.

— Не только видел. Сам стрелял... В таких же горюнов, как вы. Не хмурься — сам я тогда не понимал много. Не воротишь... А теперь-то и тревожит меня: как бы другие в вас не зачали стрелять.

Семен пристально смотрел на солдата, соображая, куда тот клонит. В то, что против рабочих могут прислать солдат, он сейчас не очень верил. Ведь они не разбойники, дело их праведное. Бояться можно было разве только приказчиков — того и гляди набегут с ружьями, перепугают народ. Но до сих пор бог миловал, авось и далее пронесет.

— Так что ж ты скажешь? — спросил Алексей тихо.

Семен встряхнул головой.

— Что ж... То на твоей совести, о том судить не мне. Но чтоб к нам солдат прислали — не мыслю такого.

— Ну... ладно, — сказал Алексей. — А тогда чем же больше вашего провинились покровские, ежели на них команду насылали?

Семен поглядел на солдата с растерянностью.

— Покровские? Да... — он вдруг рассердился. — Ну, то покровские. Что ты меня все пугаешь? Говори прямо, чего тебе?

— Что вы будете делать, ежели на усмирение пришлют солдат? — спросил Алексей. — Подставите лбы под пули?

— Не пришлют нам никаких солдат! Приедет князь Вяземский и рассудит дело.

— А ежели?..

— Ежели, ежели... Не знаю! — Семен забарабил пальцами по столу. — Там видно будет.

— Нет, так не годится, — сказал Алексей. — Тогда смотреть будет поздно. — Он помолчал. — Да и об других супротивниках забывать негоже — о приказчиках. Ежели они вдарят, худо вам придется.

Семен вздохнул.

— А вот это другой разговор. То и меня беспокоит. Погнать-то мы Мирона погнали, только тогда в группе мы все были... А ноне — все по домам, не враз соберешь, и пойдут ли — неведомо.

— Вот и выходит, — сказал Алексей, вздохнув, — и мне деться некуда. За одного Грязного кандалы наденут. Вот и думаю прибиться до вас, вместе волю добывать. Набрать команду из рабочих, обучить воинскому искусству и поставить для береженья поселка, пока не приедет сам Вяземский. Что скажешь на то?

Семен подумал.

— Что ж... дело гожее. Надо обговорить с Анисимом. Я супротивничать не буду. Команда нужна. Не знаю, как от солдат, а от Мирона беречься надобно.

Семен потер лоб, оглянулся на прислушавшуюся к разговору Гликерью.

— Батя-то где?

— Корове корм за-
дает.

— Зови!

Ярился Мирон Попов, места не находил себе. Из-за непослушания рабочих завод совсем остановился. Послан был в Екатеринбург рапорт с просьбой отрядить команду солдат, но когда они придут? За остановку же завода Демидов спросит, ничего в резон не возьмет. Видел Мирон: Григорий Белой — рад. Коршуном метит на его место. А крепко не желал Мирон уступать...

Поначалу надеялся, передерутся рабочие меж собой без хозяйственного окрика, в разбой друг на друга пойдут. И надежда окрепла, когда фискалы донесли, что несколько мужичков ограбили вдову Ивана Горяева, разнесли ее погреб. Однако ж Крюков с Салаутиным правили заводскими твердой рукой. По следам отрядили команду Алексея Делакова. Трех ворышек схватили, казнили всенародно кнутом и выбили из поселка едва одетыми. Особо корили, что на сиротское позарились, горемычное.

— Ежели еще кто своего, заводского обидит — мала ли, велика, все одно, — повешу собственноручно посреди площади, — пригрозил Салаутин.

— Так! — подтвердил Крюков.

Народ поддержал.

На другой день Крюков дал команду разбить продуктовый лабаз Антипа Козла. Чинно разбили, аккуратно. Сломали только замок, больше ничего. Все съестное снесли в земскую избу и раздали самым неимущим. Питейное заведение не тронули, сказали: ежели найдется кто себе враг — пущай покупает зелье. Но таких нашлось ничтожно мало.

Скрепя сердце признал Мирон голь перекатную, ослушников — земскую избу — за власть, написал ордер, прося начать в заводе работы. Не требовал по праву — просил! — от ума отстать можно. Скрипел зубами, ждал часу, когда отквитает унижение. А пока — просил.

Анисим Крюков с Семеном Салаутиным думали над ордером. Покровским приписным — тем хоть вовсе завода не будь, они хлебопаше-

ством живы. Разошлись по домам и рады. А как быть заводскому мастерскому или рабочему?

Пошумели, правда, поломали многим инструмент, однако ж понимали, что без завода им не жить. Дело свое, мастерство любили, крепь же демидовскую ненавидели, и то было обидно, что чудное их мастерство не кормит их. А горше горького это мастерскому, когда он своими руками даже пропитать себя не может. За последнее же время и вовсе попржились люди, у многих крошки хлеба не было. Когда-то еще придет князь Вяземский, освободит от крепости... Голодному — сейчас как?

Все это понимали Крюков с Салаутиным.

Приговорили: дозволить части особо поприжившихся идти на завод, ежели контора увеличит плату.

Сидя за столом, Мирон читал предписание земской избы и багровел все больше.

— Признать кабальных конторе неподсудными! — стукнул Мирон кулаком по столу. — Увеличить содержание! Дозволить отработку сверх подушных из воли!.. Воры! Воры!..

Глядя на разъяренного приказчика, Клементий Голышев, посланный от земской избы с предписанием, поежил.

— А ты, каторжный... Ты тоже воли захотел? — повернулся к нему Мирон. — Говори!..

— Да я... что же... я — ничего, — пробормотал Клементий, теребя треух. — Я, как все...

Клементий был молотовым мастером и по сравнению с многими другими зарабатывал больше. Правда, и ему было не сладко, хотелось бы жить получше. Того ради и пристал он к бунту. Однако ж держаться старался в тени, боясь, как бы и последнее не потерять. И воли хотелось шибко, и в случае неудачи попасть в немилость к Мирону до смерти было боязно... До последнего времени удавалось Клементию не выделяться из других, а тут мир приговорил — быть посланным от земской избы в контору. Хочешь не хочешь, пришлось идти.

— Добра не помнишь! — зло сказал Мирон. — Чем прельстили Салаутин с Крюковым? Али пышками кормят? Гликерью-то Крюков солдату беглому метит, с чего ж ты ему в товарищи пошел?

Сам того не чая, попал Мирон в самое больное место. Клементий совсем извелся за последнее время по девке. С тех пор, как появился в поселке беглый солдат, Гликерья перестала замечать Клементия.

— Это их дело, — сказал Клементий глухо.

Мирон внимательно поглядел на опустившего голову мастера. Смекнул. «Вишь, гнида! Значит, правду говорили...»

— А девка — ой, как хороша, — сказал Мирон вкрадчиво. — Мед, а не девка... Да и ты парень собой видный, чем не жених? Не будь солдата, Гликерья тебе досталась бы. Уж я помог бы в таком деле...

Клементий поднял голову, поглядел на Мирона.

— Послушай, — сказал приказчик, — парень ты не глупый, должен свою выгоду понимать. Солдату что — он вас побаламутит, а потом сбежит, и дело с концом. Вас же в Колыван упекут, Демидов бунтовщиков не помилует. Неужто тебе хочется с железами породниться?

Клементий заерзал на скамейке, отвел глаза.

— Да я бы... — сказал он нерешительно. — Да господи, да я — всей душой...

— Помни, Клементий, — сказал Мирон, — сослужишь службу Демидовым — они в долгу не останутся. Первым буду просить...

Про себя Мирон усмехнулся презрительно: «Глупец! Мирону Попову поперек дороги захотел стать! Гликерью облюбовал! Дай срок — не забуду, первым в Колыван-Воскресенские рудники загремишь...»

Он настороженно следил за Клементием. Тот сглотнул слюну и, весь дрожа, спросил:

— Что же мне... сделать?

Мирон склонился и, глядя прямо в глаза, жестко сказал:

— Поможешь поймать вожakov.

Клементия передернуло. На лбу выступила испарина. Замотал головой.

— Убьют... — прошептал он. — Узнают — убьют... Слаб я для такого дела...

— Ну, как хочешь, — сказал Мирон, отвращиваясь. — Пушай Гликерья с солдатом милуется, коли ты дурак. Никто и не узнал бы...

Сам подумал: «Переловить вожakov по одному, отправить в Екатеринбург, — другие быстро в покорность придут. Этот поможет...»

Поднялся.

— Можешь возвращаться к ворам. — Припугнул: — Помочь не желаешь, после прибытия команды будешь судим, как самый главный. Хотел выручить тебя, но сам ты в петлю полез.

— Мирон Петрович, — взмолился Клементий, падая приказчику в ноги, — убьют ить...

— Пошел вон! — крикнул Мирон. — Передай вору Крюкову, что вольными признать согласия нет. А другое протчее — контора признает. Пушай идут в работы.

Клементий поднялся и медленно повернул к двери. Шел словно побитый.

Анисим Крюков, Семен Салаутин и Алексей Делаков с нетерпением ждали возвращения Клементия Голышева, но каждый по-разному. Анисим был уверен, что Мирон пойдет на уступки. Семен не верил Мирону и предлагал захватить его.

— Коли попадет к нам в руки, то скорей в согласие придет, — говорил он.

Делаков вообще переговоры с конторскими считал бессмысленными.

— Сжечь контору, сжечь ревизские сказки, вот что надо делать, — говорил он. — Разбить тюрьму надо! Анисим Федорович, дозволь взять с командой приступом тюрьму! В один момент сделаем!

За последнее время Алексей сколотил из рабочих крепкую команду и многому научил в воинском деле. Часть ружей разыскали среди заводских, часть к великой радости выкрад сбежавший из конторы рассыльный Сенька Булавин. Алексея Делакова на миру учредили рабочим «генералом»...

— Нельзя, — качал Анисим головой. — Не можем мы идтить против царицы-матушки. Мирон-то лучше...

Семен соглашался с Алексеем, что тюрьму надо разбить, но чтобы брать контору — и слышать не хотел. Особо пугали его речи Алексея о том, что надо готовиться и к бою с солдатами...

Анисим крестился, махал руками в испуге на эти дерзкие речи.

— Окстись! Подумай, на кого замахиваешься! Солдаты — люди царские. Али забыл уговор: беречься только от конторских. Да и не прилют к нам солдатом, незачем.

— А ну, как прилют? — спрашивал Алексей.

Дерзки были солдатские речи. Даже Семена подирал мороз по коже.

В самый разгар спора вернулся Клементий Голышев.

— Ну, как? — бросился к нему Семен. — С чем пришел?

Клементий испуганно взглянул на него, помялся.

— Контора согласная платить на копейку больше,— сказал он наконец.

— Ну? — шумно выдохнул Анисим.— Еще?

— Согласная контора и на то, чтоб земская изба была ей неподсудная,— сказал Клементий, запинаясь.— Того ж, чтоб считать всех заводских вольными,— согласия нету...

Анисим крякнул, почесал бороду.

— Так... Еще?

— Все.

— Добро. Молодец, что все сполнил в точности.

После ухода Клементия заспорили снова. На

этот раз и Салаутин был согласен с солдатом — контору брать приступом, иначе воли не видать.

Крюков поморщился:

— Уж больно вы торопыги. Все вам враз, одним махом. Да я и на то надежду не имел... Надоть соглашаться, начинать работы. А после и еще будем требовать, прижмем контору, дай срок. Дело хитро надо вести, не только боем, но и уговором. Тут все надо испробовать. Называется — политик...

Сход поддержал Крюкова.

А беглый солдат Алексей Делаков упорно учил воинскому делу рабочих...

3

Никогда ранее Анисим Крюков не сделал бы такого. Не то, что не захотел бы — просто не пришло бы в голову. Но последние события в поселке сильно изменили Анисима.

Раньше — только о себе, о своем хозяйстве думки были. Да и то: человек человеку — волк. Умей постоять за себя, потому как никто другой не постоит. А тут все смешалось.

Поселок стал для него вроде бы своим же хозяйством, в котором и порядок надо наводить, и глядеть, чтоб никто обижен не остался, чтоб всем по заслугам пришлось.

Прежде всего вспомнил Анисим о Марье Горяевой. А вспомнив, сходил к ней. Избенка Горяевская — курам на смех: землянка — не землянка, баня — не баня, а так, развалюха. Стоит на самом краю поселка, за взгорком. Окошко затянуто бычьим пузырем, маленькое, ребяенок голову не просунет. Ставенка покосилась, держится на честном слове; крыша — соломённая, погнила. Вокруг избенки — ни плетня, ни сараюшки — ничего...

Бедствовала Марья. Ни еды, ни дров. Ребятишки глядели на Анисима испуганными зверьками, кутались в лохмотья...

Тогда-то по настоянию Анисима и решили в земской избе — помочь Марье кто чем может. Снарядили также партию мужиков — кого валить лес, кого — возить, кого — сруб рубить: всем миром безо всякой платы ставить в поселке для Марьи новую избу.

Расходились гурьбой, по дороге споря, обсуждая это невиданное дело. Но дело было хоть и невиданным, неслыханным, а всем понравилось.

Придя домой со схода, Анисим еще долго покряхтывал в смущенье и почесывал бороду. Все случившееся было и для него неожиданностью, и он сам еще долго не мог понять — хорошо ли, плохо ли сделал, взявшись за такое. Одно он знал твердо: ежели бы такое случилось неделями тремя раньше, над ним хохотал бы весь поселок и каждый показывал бы на него пальцем. Видано ли — ни за что ни про что строить кому-то избу? Да хоть бы и совсем пропал человек — кому до того дело? А тут — на-ко.

Но с каждым днем все больше чужая беда

становилась его бедой, чужие слезы — его слезами.

Анисим нарубил дров, натаскал воды, задал корм корове. Вместе с сыном Семеном подправил ворота. И все время думал о сегодняшнем сходе.

Вечером, только поужинали и собрались спать, прибежал, воя, мальчонка Аникея Бердникова:

— Деда Анисим, тятку убивают!

— Кто убивает?!

— Чужие! Деда Анисим, помогите!.. Они с ножами!

Анисим приказал Алексею:

— Бегите с Семкой к Салаутину, сзывайте команду! Живо!

Те выскочили на улицу, Анисим тоже оделся.

— Идем! — сказал парнишке.

Вскоре прибежали к избе Аникея. В доме стоял крик женки, малолеток. Анисим кинулся в избу.

Аникей лежал на полу, весь в крови. В избе было все перебито и поломано.

— Где они? — крикнул Анисим.

— Убегли-и!.. — завывала Алена. — Батюшки-и, Аникеюшку порешили-и...

Прибежала команда.

— Ищите! — крикнул Анисим Алексею. — Далеко сбежать не могли. Давайте за плотину, на Гальянку!

Алексей крикнул рабочим, сам кинулся из избы.

Анисим подошел к Аникею, приподнял голову. Открыл пальцами веко. Потом снял шапку.

— Мертвый...

— Аникеюшка, кровиночка моя-а, — заходила Алена, — и на кого ж ты меня спокину-ул... пошто сирот наплоди-ил...

Анисим поднялся, с тяжелым сердцем отошел к столу, сел. Глядел угрюмо на мертвого рабочего, на воющих ребятишек — четверо! — на бьющуюся головой об пол Алену.

Так прошло с полчаса. Потом за избой слышались голоса, торопливые шаги. Вернулись рабочие, толкнули в избу хлипенького дрожащего мужичка.

— Он! — зашлась Алена. — Убиве-ец!..

Анисим молча поглядел на убийцу.

— Двое ушли, в лесу шибко темно, — про-

говорил Алексей, задыхаясь.— Утром снаряжу погоню...

Анисим кивнул. Поглядел на стоявших в молчании рабочих, поднялся.

— Сход! — сказал резко.

Кто-то побежал, ударил в набат.

— Ведите в земскую избу! — указал Анисим на убийцу.

Вскоре в земской избе набилось полно народу. Анисим рассказал об убийстве Аникея Бердникова.

— За что он его? — спросил кто-то.

Анисим повернулся к хлюпавшему носом мужику.

— Говори!

Тот обмяк.

— Оголодали мышибко, хлебушко взять хотели... Я не убивал! Крест целую, — не убивал!..

— Кровь на одежде чья? — спросил Анисим.— На руках?

Мужик дернулся, огляделся затравленно.

— Не знаю! Не знаю! Я не убивал! Это Комар с Ноздрей убивали, а я не убивал! На них грех!

— Кто ты такой? — спросил Алексей. — Откуда?

— Беглые мы, с Невьянского завода! Такие ж рабочие, как вы. Помилосердствуйте!..

— Ты с нами не равняйся! — резко сказал Анисим, взглянул на людей из-под насупленных бровей. — К чему приговариваете убивцу?

— Повесить! — сказал Семен Салаутин.

— Повесить! — выдохнули рабочие.

— Смилуйтесь... Робятишек пожалейте! — взвыл мужик.

— А ты пожалел Аникеевых? — спросил Семен и повторил: — Повесить!

Мужика поволокли из избы. Кто-то притащил вожжи. Гуртом, чтоб некого было обвинить в случае чего, надевали убийце веревку на шею, перебросили через перекладину земских ворот, гуртом тянули...

В тот же день, в той же избе, где только что приговорил мир спасать от беды Марью Горяеву, этот же мир приговорил лишить человека жизни...

После уговора с Мироном Поповым многие рабочие пошли в завод. Приказчики держа-

лись в поселке тихо, никого не задирали. Особо повелел Мирон задабривать недовольных новыми порядками, переманивать людшек на свою сторону, тех, которым жилось получше.

Заводу много вреда было причинено, работало только несколько фабрик. Это тоже было неладно, и Мирон подошел было к Крюкову с разговором — как, мол, привести завод в должный порядок. Но Анисим заломил такую несусветную цену, что пришлось отступить.

— Вор, разбойник! — бесился наедине Мирон.— Где ж видано, чтоб контора платила рабочим за поломанное ими же! Ну, погоди у меня! Дай срок...

Из головы не выходило — как переловить

вожаков да в Екатеринбург спровадить. Открыто взять нельзя было — Мирон побаивался вооруженной рабочей команды. А время шло, и случая подходящего все не представлялось.

Но вот в один день в контору к Мирону прибежал Клементий Гольшев. Без шалки, расхристаный, запарившийся.

— Чего тебе? — спросил Мирон.

— Чтоб зла не имели, послужить хочу... — сказал тот хрипло. — Согласный я помогать...

— А! — Мирон быстро поднялся. — Ну, так-то. Понял, где лучше?

— Да уж... понял, — покривился Клементий. — Помогу солдата... взять-то...

Долго решался и все не мог решиться на это Клементий. Назерно, так и не пошел бы к Мирону, побоялся бы, да случай подтолкнул.

Захотелось как-то Клементию поразмяться, в лес на зайцев сходить. Но не в добрый час, видно, он вышел. Не успел и за Тагилку свернуть, как глядь, в лесу крюковский меринок в санках стоит, а в сторонке — тук-тук! — топотом кто-то постукивает.

Клементий знал, что за дровишками часто Гликерья ездит, подумал — может, она? Сердце заколотилось. Тут бы и поговорить с девкой напрямик, узнать, пойдет, нет ли замуж за него.

Пошел по снежку наудачу. Попетлял среди сосенок и берез, и замер вдруг за кустом — увидел Гликерью. Не одна она была в лесу. Стояла Гликерья вместе с беглым солдатом, и тот целовал ее...

Света не взидел Клементий. Кинулся назад, шапку потерял дорогой. Так и прибежал к Мирону, не помнил, как из лесу выбрался. Знал только — не будет ему жизни, пока солдат в поселке.

— Сильно допекло? — спросил Мирон, смеиваясь.

Клементий выверился, схватился за ружье.

— А это дело мое!..

— Бешеный, — отшатнулся Мирон. — Ну-ну, охолонь маленько.

Клементий притих, сжался в комок возле каминя, раскачиваясь из стороны в сторону. Даже Мирону жалко стало парня, но сразу же нахмурился, мотнул головой. Начал говорить о том, куда и как можно заманить солдата, но скоро заметил, что Клементий его не слушает.

А у Клементия перед глазами стояло счастливое лицо Гликерьи и рядом — лицо солдата.

— Ну, долго ты еще будешь выкобениваться? — грубо спросил Мирон.

— А? — отозвался Клементий. — Да... Я слушаю.

Мирон подсел ближе, склонился, и на этот раз Клементий слушал его внимательно.

Счастье пришло к Гликерье и Алексею Делакову.

Утром еще они, запрягая мохнатую лошадку в сани, не знали об этом. Мавра пожаловалась, что дрова кончаются, и Алексей охотно вызвался съездить в лес. Ему всегда нравилось в зимнем лесу — запах хвои, смолистый дух щепы, чистый снег под ногами.

Давно он уже не был в лесу и, беспричинно радуясь, собирался в дорогу, как на праздник.

Увидела Гликерья, что он затягивает подпругу.

— Куда?

— За дровами! — крикнул Алексей. — Хочешь вместе?

Гликерья тоже загорелась. Пристала к Мавре — отпусти да отпусти. Та махнула рукой:

— Да отвяжись, делай, что хочешь.

Лихо вынеслись на улицу, раскатились, сбили полсугроба под окна поповского дома, и — только снежное облачко завертелось сзади.

Алексей пустил мерина в полный мах, подпрыгивал, гикал, хохотал. Гликерья вцепилась в сани, чтоб не выпасть, ноздри расширились, вся раскраснелась от возбуждения.

— Гони! Быстрее! — кричала Алексею.

Вынеслись за Тагилку, мимо Старого Камня — к лесу. На повороте опрокинулись, вывалились в снег, но от того только веселее стало. Алексей подхватил Гликерью и, бросив в санки, сам вскочил сзади.

На неровной лесной дороге сильно подбрасывало.

— Сумасшедший! — кричала Гликерья, впрочем, нисколько не сердясь. Мимо пролетели ветки кедровника, с шумом срывались вниз шапки снега.

На одной из выбоин их снова чуть не выбросило. Алексей неловко подхватил девушку, дернул к себе. Она упала на него, санки motionу еще раз, и они нечаянно поцеловались. Смуценно взглянули друг на друга и — была не была! — уже поцеловались не нечаянно.

Санки нырнули в чащу. Здесь снег был глубже, дорога не так раскатана, да и меринок попристал. Алексей сбил шапку на затылок, весело поглядев на Гликерью.

— Ну, лиха беда... что ж дальше?

— А то же самое! — с бесшабашной отчаянностью сказала Гликерья и, зажмурив глаза, сама поцеловала Алексея.

О меринке забыли, и он неторопливо брел глухой дорогой. Они не видели ни летавших то и дело через дорогу с дерева на дерево белок, ни инея, осыпавшегося с веток, ни подглядывавших за ними сорок...

Опомнились где-то уже под Евстохиной, и Алексей закрутил головой.

— Любовь зла...

— Полюбишь и козла, — засмеялась Гликерья. — Поворачивай, что ж ты? А то не много мы дров привезем с тобой. Эх ты, солдат! За девкой службу забыл!

— С тобой забудешь, — сказал Алексей, повернул коня и снова гикнул на весь лес. Меринок пошел внамет.

Скоро они приехали на вырубку.

В лесу было торжественно тихо. Ели стояли под белыми сугробами снега, отягчавшими ветки. Стройные и высокие березы, совсем похожие на среднерусские, тянулись до самого неба.

— Эх! Хорошо! — сказал Алексей, оглядываясь. Он притянул Гликерью. — Что ж, пойдешь за мной?

— Хоть на край света!

— Ну, так далеко не надо, — он усмехнулся невесело, но сразу же прогнал хмурь с лица, провел рукой по заиндевшим волосам девушки. — А теперь — за топоры! Эгей! Взлялись!

Звоном разнесся по лесу перестук, пугая птицу. И не видели ни Алексей, ни Гликерья, что подстерегла их, счастливых, беда.

Семен Салаутин выследил за Гальянкой медведя и уговорился с Анисимом сходить, побеспокоить «хозяина».

Прослышав о медведе, многие из поселковых подбивались в товарищи. Просился и Алексей, но Анисим с Семеном наотрез отказались брать его с собой — дело опасное, да и в поселке с командой кому-то надо было оставаться.

У Семена ружьишко было никуда, идти с таким на медведя — людей смешить. Поэтому Семен настроил рогатину. Федосья отговаривала его от опасного предприятия, но тот и слушать не хотел ничего:

— Медвежатинка сейчас будет в самый раз, оголодали... Да и шкура сгодится.

Наладились на охоту в полдень.

Идти предстояло далеко. Анисим с ружьем, Семен с рогатиной — миновали плотину, перевалили через Листью гору и подались по снежной целине к лесу, рассчитывая заночевать на полпути в сторожке, чтоб со светом на другой день быть на месте.

Вернувшись с Гликерьей из лесу, Алексей разгрузил дрова, пообедал и затем, взяв топор, вышел во двор.

Солнце садилось. Было тепло, так, как обычно бывает после обильно выпавшего снега. Алексей с удовольствием рубил дрова, шумно выдыхая всей грудью воздух. Горка поленьев росла быстро, и хотя Алексей после болезни еще не совсем оправился, не хотел бросать работу, пока все дрова не будут расколоты.

Из избы вышла Гликерья, начала складывать поленницу.

— Отдохни, замаешься, — сказала она, улыбнувшись.

Алексей присел на чурбачок. Но не выдержал, вскочил

и начал помогать Гликерье. Вдвоем они быстро сложили дрова к забору, и Алексей снова взялся за топор.

— Хотя дровишками побалуешь, раз уж на медведя не взяли.

— В другой раз сходишь, — утешила Гликерья.

Вскоре дрова были порублены и сложены, Гликерья убежала готовить ужин. Алексей некоторое время постоял во дворе и вышел на улицу.

Вечером поселок был красив. Домишки — под снежными шапками, на кедрах и тополях

пышные уборы. На улице — безлюдно. Избы стояли темные, только слева, на берегу пруда, едва пробивался желтый свет в одиноком окне. Месяц садился за башенку на Лисьей горе.

Алексей собрался было уже идти в избу, как вдруг кто-то вышел из-за угла и направился к нему. Алексей задержался, пригляделся. Узнал Клементия Гольшева.

— Что полуночицаешь? — спросил Алексей.

— К тебе я, Алексей Степанович, — сказал Клементий. В голосе его слышалось беспокойство.

— Что за дело?

— Беда, Алексей Степанович... Анисима... медведь задрал...

— Как? Что такое?! Помер?

— Еще жив, Семен Салаутин за ним глядит. К вам за подмогой бежал. Идти надоть! Алексей кинулся к нему.

— Где? Где он?

— На плотине, там они ждут...

Алексей бросился по переулку, за ним, едва поспевая, — Клементий. Алексей бежал, не разбирая дороги, петлял между изб, срезая путь.

— Господи, беда-то... — бормотал он, перепрыгивая через сугробы и плетни. Клементий начал отставать от него.

Еще один переулок, показалась каланча. Алексей выбежал в улицу. Клементий совсем отстал.

Вот и каланча, а там плотина.

Но только Алексей поравнялся с каланчой, как вдруг бросились на него со всех сторон люди, сбили с ног, выворачивая руки. Алексей перевернулся через голову, руку за пояс — ахнул выстрел, пуля с визгом пролетела над конторской крышей.

— Отгулялся, беглый... — сказал хриплый голос.

Алексей рванулся, крикнул:

— Клементий!..

Но ни Клементия, ни единой живой души, кроме напавших на него приказных, не было видно на улице.

«Так вот что... — горько подумал Алексей. — Заманили...»

А приказчики уже скручивали солдату веревками руки...

Переночевав в сторожке, рано утром Анисим с Семеном тронулись дальше. Идти по глубокому снегу было тяжело, и не скоро они достигли заповедного места.

— Тут, — сказал Семен шепотом, указывая на небольшую дыру, прорыжевшую по краям от медвежьего духа.

Анисим снял шапку, широко перекрестился.

— Господи, благослови...

Перекрестился и Семен.

Потом Анисим стал наизготовку против берлоги, а Семен просунул долгую жердь в дыру, зашебаршил. Конец жерди уперся в мягкое. Семен надавил крепче.

— Грррум-ма-а!.. — рывнуло в берлоге.

Семен крепче уперся ногами в ухоженный перед берлогой снег, давнул жердиной еще раз. Рык зверя усилился, вслед затем медведь рванул жердину к себе. Семен поднатужился, не дал. «Хозяин» разбушевался. Жердь вдруг вылетела из берлоги, как будто ее метнули пращой.

Семен ободрал руки, не устоял. Но сразу же поднялся, схватил рогатину.

Снег над дырой поднялся горбом, обсыпался, и из-под него вывернулась рыжая медвежья шуба. Медведь был громаден и зол, ревел без перерыву.

Анисим выстрелил. Медведь заревел еще страшней и, загребая передними лапами воздух, пошел на людей. Семен размахнулся, затем со всей силой всадил двузубец «хозяину» в грудь, дернул, но вытащить не успел — тяжелая туша придавила его к земле.

«Пропал!» — ахнул Семен.

Анисим, стоявший сзади, швырнул в снег ружье и схватился за нож. Кинувшись к медведю, ударил широким и острым лезвием под лопатку, разворотил. Медведь шумно выдохнул, осел, кровяня снег.

Из-под него с трудом вылез Семен, весь белый, со сбившейся на глаза шапкой.

— Страсти... — сказал, косясь на добычу. — Ну и велик, батюшка... Думал, сгину совсем.

— Да, паря... плохо дело, — хмуро сказал Анисим. — Стар становлюсь, видно...

Он перевернул зверя, поглядел. Покачал головой: пуля попала в шею, хотя метил он медведю в лоб, меж глаз.

— Плохо дело, — повторил.

Посидели недолго, отдыхая. Потом поднялись и на шесте поволокли зверя к дому...

Первое, что услышали они, — пропал солдат. Гликерья, не таясь, плакала, Мавра вздыхала и охала.

И Анисима, и Семена исчезновение солдата настолько расстроило, что они даже про удачную охоту забыли.

Анисим расспрашивал, не собирался ли уходить куда солдат. Но Гликерья твердила, что никуда он не собирался, был во дворе и сгинул. Расспрашивали и заводских, но тоже толку не добились.

Анисим хмурился, Семен ходил как потяренный.

— Проохотили парня, — качал он головой. —

Эх, Анисим, приказчики его порешили.

— Надо снарядить людей, пуцай поищут хорошенько.

Он кликнул Сеньку Булавина, наказал обещать работных.

— А ежели не найдут? — спросил Семен. — Анисим, слышь, а вдруг — в тюрьме он?

Тот покачал головой.

— Мирон смиренный ходит, не станет он...

— Как знать! Дозволь — пошебаршим тюрьму. Алексей давно говорил об этом. Ежели и самого не найдем, то людишек выручим. Ить до сих пор на цепи и Ираклий Богомаз, и Никон Спиридонов, и другие протчие. А?

— Дозволь, тятенька! — попросила и Гликерья, подходя.

Анисим поглядел на нее, зыкнул:

— Не твоего ума дело, брысь!

Отвернулся.

— Пождем, что выходят искачи. Не след раньше срока контору задрать.

Но сколько Алексея ни искали, так и не нашли.

Разбивать тюрьму Анисим все ж поостерегся, чтоб не нажить новой беды. Вместо Алексея верховодить командой поставили сына Анисима Семена.

— «...Определено, — размеренным голосом читал подъячий Харитон Кадников указ губерн-

ской канцелярии,— для предосторожности и охранения Нижнетагильских заводов от противящихся и состоящих в упорстве в неотправлении заводских работ мастеровых и рабочих людей, дабы они по их легкомыслию и вкоренившемся в них злодейству не могли учинить какового-либо тем заводам разорения и конторским письменным делам похищения, а паче кому смертного убийства, по представлению капитана Метлина послать от здешних рот благонадежного одного капрала и четырех человек солдат с надлежащим ружьем и амуницией, коим быть при тех Нижнетагильских заводах до того времени, пока означенные мастеровые люди придут в послушание или пока в них надобность та будет...»

В камине весело потрескивали дрова. Подмерзшие за ночь стекла оттаивали, и на подоконник падали капли. Вытянув ноги и слегка покачиваясь, Мирон Попов слушал указ и довольно потирал руки. Камень с души свалился.

— Кончилась гульба Крюкову с Салаутиным,— сказал он и перекрестился.— Теперь я не так поговорю... Собрались, что ль, людишки? Харитон выглянул в окно.

— Вся площадь запружена.

— Подождут. Гонца за добрую весть накормить, напоить, пожаловать пятью рублями, спать уложить...

— Будет сделано,— Харитон поклонился.

— Иди.

Некоторое время Мирон сидел неподвижно. Творил молитву, благословляя всевышнего и царицу-матушку. Еще раз сказал:

— Кончилась гульба!

Вскочил на ноги бодро, весело. Разгладил бороду. Вышел на крыльцо. Нахмурился — шапок не сняли людишки. Зычно крикнул:

— Шапки долой!

По толпе прошел гул. Двое-трое ближних сдернули было шапочки, оглянулись на товарищей и снова надели.

— Не желаете, стал-быть.— Мирон насупился.— Добро! А теперь слушай мой сказ. Всем начать работы в заводе, слушаться приказчиков, баловства не допускать. Что поломали — править спешно без супротивности и отказу.— С удовольствием медленно выговорил: — За нерадение левницы биты будут. Все!

Толпа стояла молча, будто ждали еще чего-то.

— Крепко сказал, благодетель... — протянул кто-то.

И вдруг загорланили людишки, а пуще всех — заводские женки. Но тут Анисим Крюков прикрикнул, все смолкли. Поглядел на Мирона.

— Не признаешь, Мирон, давешних своих посулов? — спросил.

— Не признаю! — подтвердил Мирон.— Нет больше вашей земской избы, кончилась.

— Это с чего ж вдруг? — насмешливо спросил Анисим.

— А с того... — помедлил Мирон и, глядя прямо в глаза Крюкову, сказал: — Прислана из Екатеринбурга воинская команда, чтоб смирать вас, бунтовщиков.

Ожидал, что задрожит Анисим. Но тот даже бровью не повел, только чуть усмехнулся, взглянув куда-то в сторону.

— Не боишься, Крюков?

— Не боюсь, Мирон,— подтвердил тот спокойно.— А земскую избу тебе все ж придется **признать** и от посулов своих не отказываться.

— Не желаю слушать глупых речей! — властно сказал Мирон.— Эй, рабочие,— все идите в завод!

Крюков еще раз поглядел в конец площади, распрямылся.

— Народ, слушай теперь мой сказ. Понеже Мирон Попов слово свое не держит, земская изба дозволить исправление заводских работ не может. Идите все по домам.

Мирон даже подскочил.

— Что?! Как смеешь ты, холоп, дерзить?! — крикнул бешено.

Анисим шагнул к нему, крепко взял рукой за отворот шубы.

— Нет здесь холопей, слышишь? — прошептал, белея.— Отхлопились.— Оттолкнул, сказал спокойно, будто и не было ничего:

— Ты командой нас пугал, Мирон,— пустое. Нет боле команды... — он указал глазами в сторону складов.— Повернись-ка, Мирон...

Мирон взглянул в ту же сторону и обмер. Команда действительно прибыла, но в каком виде! Под конвоем рабочих, безоружная, понуро брела она к конторе. Мирон прикрыл глаза, не веря. Еще раз поглядел. На душе стало пусто.

— Что ж молчишь, Мирон? — спросил Крюков. Рад был старик сейчас, что не стал особочинить препятствий, когда Салаутин, узнав о приближении команды от караульных, распорядился солдат схватить в неожиданном месте и ружья забрать.

Не дождавшись ответа от Мирона, Анисим повернулся и вместе с рабочими пошел прочь от конторы.

Мирон опомнился. Пересиливая себя, крикнул:

— Эй, Крюков! Погоди!

Анисим остановился. Задержались и другие.

— Согласный я... — угрюмо сказал Мирон.

— Добро,— сказал Крюков.— Народ знать хочет: будет ли контора, как обещано, платить на копейку больше?

— Будет.

Крюков кивнул.

— Сход утвердил: впредь мастеровые и рабочие конторе подсудны быть не желают, а казнить или миловать — то решает земская изба. Согласная ли на это контора?

Мирон задохнулся, в глазах потемнело. Однако сдержался, видел: сила не его. Хоть для виду, а согласиться надо. Иначе не поднять завод.

— Пусть так,— сказал глухо.

— И еще: мастеровые и рабочие не желают именоваться крепостными, хотят быть вольными, как государственные люди.

— То не от меня зависит,— проговорил Мирон.— Надо ждать установления князя Вяземского.

Анисим подумал. Понял — надо уступить.

— Добро, потерпим... Однако ж изба требует за приведение в должный порядок всех заводских дел назначить особую плату.

— Побойся бога, Крюков! — Мирон схватился за голову.— Виданное дело — платить за то, что сами поломали!?

Но тут Крюков стоял на своем твердо. Пригрозил, что немедля уведет людей; и Мирон сдался.

— Еще чего? — спросил он хрипло.

— Плату на руки каждому, а не в запись. Выдать вперед.

Миرون покачнулся. Рассчитывал, что когда рабочие восстановят завод, можно будет отпираться от своих слов. Крюков оказался хитрее. Миرون смотрел на него с ненавистью.

— Все?

— Пока все.

— Ладно, согласный...

К Крюкову подошел Салаутин. Поглядел на Мирона, громко спросил:

— Этих вояк куда?

Крюков оглянулся на солдат.

— Пускай Миرون выделит возок, отправьте обратно в Екатеринбург.

Снес Мирон и это. И возок выделил, и распорядился о выдаче денег. Не глядя вокруг, ушел в контору. Давило бешенство: где взять сил, чтоб стерпеть такое? Неужто мир перевернулся?...

Плохо было Гликерье. За что бы ни взялась, все из рук валилось. В три дня вся извелась, осунулась.

— Чтой-то с тобой худо, девка,— сказала однажды Мавра, приглядевшись к дочери,— не ешь, не пьешь, с лица тупала... Постой-ка, да ты часом не об солдате тужишься? — догадалась вдруг она.— Ну! Говори!

— Об солдате, мамонька,— сказала Гликерья, всхлипывая.— Люб он мне...

Мавра так и села.

— Што-о?!..

Подхватилась, подбежала к Гликерье.

— Что ты сказала, бесстыжая? Люб?.. А я-то, старая негодина, гляжу! Гликерья! Забудь и думать об солдате — не пара он тебе!

Гликерья упрямо поджала губы.

— Не забуду я! Вот хоть режьте, не забуду! Люб он мне, и все тут!

— Да ты ополоумела! — вспыхнула Мавра.— Опомнись, что ты говоришь?!

— Люб, люб, люб! — топнула Гликерья ногой.

Мавра всплеснула руками.

— Господи, боже мой, этого еще не хватало... Да что ж это за напасть такая?! Да неуж тебе других парней нет?

— Не хочу никаких других! — закричала Гликерья.

Мавра уронила руки.

— Гликерья, да ить Анисим убьет тебя, ежели узнает. Господи, боже мой...

— Ну и пускай! Пускай убьет! А мне никого другого не надо!..— Гликерья разревелась, бросилась на кровать. Мавра подбежала к ней.

— Что ты, ну, перестань...— забормотала она.— Господи, не плачь, найдется он...

— Мамонька,— простонала Гликерья,— житья мне без него нет... Пошто батя не требует с конторы? Скажи ему — чует мое сердце, что приказчики его схватили, замордуют они его!..

— Тихо, тихо... Бог даст, не замордуют,— сказала Мавра. Потом снова заломила руки, вскричала: — Но почему — солдат?

Вроде бы и Мавре стало жаль солдата. Такой он приветливый, душевный... А все ж — не пара он дочери. Что вот теперь делать? Сказать Анисиму? Смолчать? Беда, ох, беда... Да и где теперь этот супостат? Может, домой сбег к себе, а может, и правда — в тюрьме у Мирона

мается... И мужиков дома нет, неведомо куда подевались...

Не знала Мавра, что Анисим с Семкой давно засадили в земской избе.

После полудня в заводе к Семену Салаутину подошел Харитон Кадников. Сторожко оглянувшись, прошептал:

— Слышь, Семен... солдата-то беглого конторские схватили, в тюрьме, слышь, сидит...

— Врешь?! — вскинулся тот.

— Лопни мои глаза! — Харитон перекрестился.— Его Клементий Гольшев заманил. А еще, слышь-ка, Мирон собирается отправить солдата в Екатеринбург.— Глянул Семену в глаза.— Ты не думай, что ежели я в конторе, то и демидовский пес. У самого сердце кровью исходит.

Семен сказал:

— Спасибо, Харитон. Услуги не забуду.

Харитон махнул рукой:

— Услугу можешь и забыть. Людишек мне жалко. Солдата били смертным боем на козле... Крепенький солдат-то... Уж как его Мирон ни казнил, только плюется. Не выручите — погибнет...

— Спасибо, Харитон...

Семен разыскал Анисима, рассказал. Отрядили трех человек, привели в земскую избу Клементия. После необходимого внушения тот рассказал, как заманил солдата, валялся в ногах, прося прощения. Клементия бросили в холодную под караул.

— Надо выручить солдата,— сказал Анисим.

— Приступ?

— Да!

Сильно не хотелось Анисиму этого. Хотел — миром, думал — добром получится. Но нет, добром не получилось. Пришлось-таки объявлять приступ, нельзя было оставить солдата в руках лихих людей!

В который раз пытали Алексея Делакова в пыточной камере... Распяв на козле, били кнутом без пощады. Рядом, на стульчике, подвернув полы шубы под колени, сидел Мирон Попов. Глядя на окровавленного солдата, спрашивал:

— Пошто пришел в завод — говори!

Алексей кривил разбитый рот, харкал Мирону под ноги. Грозился:

— Погоди, ирод... Не забьешь, еще встретимся. Отквитанюсь.

Зверел Миرون...

— Бей! — кричал палачу.

Кнут со свистом прилипал к спине. Живого места на ней не осталось.

— Скажешь?

Солдат молчал, ворочал белками.

— Что замышляют учинить бунтовщики? — спрашивал Мирон.— Скажешь, помилую. Ну?

— Поди отнеси свою милость кобыле под хвост,— хрипел солдат.

— Бей!

Снова свистел кнут.

— Кто подбивал волю требовать? Кто челобитную князю Вяземскому сочинял? Кто повез? Говори! — кричал Мирон.— Ну? Бей! Бей!..

Он стучал ногами по полу, пьянея от вида крови. А солдат молчал, не клонил голову и в упор глядел на Мирона ненавидящими глазами. От этого взгляда Мирон зверел еще больше. Палач поглядывал искоса — как бы приказчика

Не хватил кондрашка. Мирон багровел, на лбу выступали синие, в палец толщиной, жилы, с впалых пергаментных висков стекал пот.

— Скажешь? Нет? — тонко кричал Мирон. С бесстыдством пытал о Крюковской дочке Гликерье и от молчания солдата совсем терял власть над собой.

Палач в душе радовался: не всеилен Мирон Попов, не все у него ладно. Знал, что Мирон зарился на девку, а солдат отбил — не побоялся. Сам безответный хозяйский холуй, палач все больше проникался уважением к человеку, который не клонил голову перед хозяином. И потому хоть и делал вид, что бьет солдата безжалостно, — сильно не старался.

В разгар пытки в камеру вбежал караульный Аникей Безбородов. Остановился перед Мироном, выговорил, крестясь:

— Батюшко Мирон Петрович, бунтовщики замки с тюрьмы сбивают... Многих поубивали, сюда бегут...

— Как смеют?!.. — гаркнул Мирон и, уже приходя в себя, понимая, что стряслась беда, вскочил со стульчика, заметался по камере. Палач глядел на приказчика со страхом, забыл опустить кнут — так и стоял, замахнувшись.

— Далеко? — спросил Мирон.

— Ближе уже, батюшко... Бегчи надоть, — тревожно сказал Аникей.

Мирон бросился к двери, ведущей в подземный ход. Обернулся на пороге, ткнул пальцем в сторону солдата:

— Засечь!

Скрылся Мирон.

«Засечь, как же!» — подумал палач и переступил с ноги на ногу. Поглядел на солдата, бросил кнут в угол и, спасая голову, со всех

ног ринулся вслед за Мироном. В камеру ворвались работные. Вместе с дюжиной других измордованных людей вынесли на волю Алексея Делакова.

— Отлежусь, — сказал Алексей Салаутину, когда тот подошел. — Я — живущий... Контору разбили?

Тот замотал головой.

— Не осилили... Только тюрьму. — Помолчал, добавил хрипло, кривя рот: — У Анисима горе... Семку убили... Команда под его началом ударила на тюрьму от пруда...

Он не договорил, махнул рукой и отвернулся.

Сгинул Семен Крюков. Первым кинулся на забор, чтоб не успели опомниться караульные. За ним попрыгали другие работные, сыпанули во двор. Да только не успели до тюрьмы добежать — треснул выстрел, и Семен упал как подрубленный. Когда подбежали, уже и глаза закатились, не дышал.

Анисим враз состарился на десять лет. Сгорбил, затрясся весь.

— Ах, сын, сын... — проговорил горько. — Не уберется...

Сказал нести Семена домой, сам вперед пошел с вестью. Когда Мавра увидела его на пороге, захолонуло сердце.

— Ну! Говори! — закричала.

Анисим подошел к Мавре.

— Помолись, мать, — сказал глухо. — Молись и ты, Ефимья, и ты, Гликерья... Нет боле Семки... Мавра, как стояла, — грохнулась на пол. Зашлась немим криком Ефимья:

— Семе-ен!..

Забилась, как перепелка.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

А. Е. Шулешова

А. И. Лохнева

Е. Н. Пенчук

предыдущем номере журнала читатели познакомились с документальным рассказом Анны Ефремовны Шулешовой

ПАРОЛЬ НА СУТКИ «ACHTUNG!»

о том, как в оккупированном Змиеве, буквально на глазах у фашистов, работники городской больницы оказывали квалифицированную помощь раненым советским военнослужащим. Подпольный госпиталь просуществовал год и три месяца, вплоть до освобождения города нашими войсками. Было спасено около полутора ста советских бойцов и офицеров.

Их была горстка, работников больницы, оставшихся на своем посту с первого до последнего дня оккупации, и мы еще раз назовем их имена:

*Главный врач и хирург больницы
Анна Ефремовна ШУЛЕШОВА,*

*старшая операционная сестра
Елена Николаевна ПЕНЧУК,*

*санитарки
Агафья Ильинична ЛОХНЕВА,
Мария Даниловна САЙДАМЕТОВА,
Александра Романовна СЕРГИЕНКО,*

*фармацевт
Анастасия Максимовна МАМНИЦКАЯ,*

*повар
Мария Никитична ФЕДОТА,*

*конюх
Петр ПАНЧЕНКО.*

Через некоторое время после начала оккупации им на помощь пришли:

*медсестра
Мария Ивановна ЩЕРБИНА,*

*акушерки
Нина Павловна ЮЩЕНКО,*

*Зинаида Семеновна ЛИМАНОВА,
санитарки
У. НАБОКА, С. БАБИЧ, Д. ГОРОШКО,
А. ОНОПКО.*

Многие из них и сейчас работают в той же больнице, другие ушли на заслуженный отдых. До сих пор продолжает трудиться Анна Ефремовна Шулешова. Она врач-акушер Харьковской областной клинической больницы, кандидат медицинских наук.

Ну, а где же теперь те люди, которым была оказана помощь в подпольном госпитале?

Пока отозвались лишь несколько человек. Мы попросили их рассказать о себе. Представляем им слово в надежде, что со временем отзовутся и другие участники описанных событий.

Василий Евсеевич ТИЩЕНКО

В начале сорок второго года, когда часть наших войск попала в окружение, к нам на хутор Беликов стали группами выходить из лесов бойцы Красной Армии. Они спрашивали, как им лучше всего пробраться к своим. Мне тогда шел двенадцатый год, и я знал каждую тропинку в округе. Ночью я провел несколько небольших групп в село Кисели, где были наши. Но в последний раз сам попал под артиллерийский обстрел. Осколком мне оторвало левую кисть. Кое-как добрался до дома и несколько дней лежал в постели. Мне становилось все хуже и хуже. Тогда я

пошел в Змиев, в больницу, но в селе Лиман лишился последних сил. Какой-то мужчина положил меня на сани и привез в больницу. Доктор Шулешова сделала мне операцию, и скоро я почувствовал себя лучше. Я лежал в палате № 4, вместе с Мишей-сибиряком, у которого были обморожены обе раненые ноги. В углу лежал командир с тяжелым ранением в грудь, и еще помню одного беднягу, раненного в челюсть.

22 апреля сорок второго года, когда немцы выгнали раненых из больницы, решив устроить здесь для себя санаторий, я вернулся домой.

В настоящее время работаю на Змиевской ГРЭС.

Николай Лукьянович ПИЛЯЙ

Зимой 1942 года наша танковая бригада в составе кавалерийской дивизии двинулась на воссоединение с частями генералов Горбатова и Тер-Гаспаряна. Углубившись на 160 километров в тыл противника, мы сами попали в окружение. С тяжелыми боями выходили к своим. Когда уже осталось два танка, при выходе из деревеньки Лозовеньки, снаряд попал в мою машину. Я был тяжело ранен. Немцы вытащили меня из танка, погрузили вместе с другими ранеными в эшелон и повезли в город Смела, Черкасской области, в лагерь для военнопленных.

Среди узников этого лагеря были врачи. Один из них, Николай Корнев, оказал мне первую помощь, а вскоре помог бежать из лагеря: как-то утром носильщики стали подбирать мертвых, и меня унесли вместе с трупами за ворота. Уложили в яму и сверху присыпали землей. Ночью я выбрался из ямы. В одном доме мне дали одежду, смастерили костыли.

Добрел я до родного села Чутова, на Полтавщине, но родных никого не нашел. Все же раздобыл справку, будто иду на розыски семьи. Двинулся на восток, в сторону фронта. Дней через восемь прибыл в Змиев. Здесь я было пристроился у тестя сапожничать, на время, пока не заживет нога. Растревоженная в пути рана опять разболелась, а вскоре ногу так раздуло, что моим близким ничего другого не осталось, как взвалить меня на санки и отвезти в больницу.

Анна Ефремовна глянула на мою ногу и без лишних слов распорядилась: «На стол!»

Нас в угловой палате лежало человек пятнадцать раненых. Из гражданских лиц не было никого. Помню одного кавалериста, старшего лейтенанта. Он все кричал по ночам в бреду, и нас, остальных, в эти минуты трясло от страха: мы были совершенно беспомощны, и если бы, случись, в палату заглянули немцы и услышали, что кричит этот кавалерист... А немцы не раз наведывались к нам. Правда, дальше дверей не проходили — Анна Ефремовна каждый раз чем-нибудь отвлекала их, вводила в дежурку.

49

Пролежал я в больнице около двух месяцев. Незадолго до прихода наших войск меня забрали родственники.

А когда наши освободили Змиев, я взял папочку и пошел пешком в Харьков, в комендатуру. Встретил в пути военную машину — попросил подвезти. Так я попал на сборный пункт, а оттуда — в армию. В сентябре 1943 года меня на-

правили в 10-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную Криворожскую дивизию помощником начальника связи. Участвовал в Яско-Кишиневской операции, воевал в Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. В городе Граце, в Австрии, закончил войну.

Сейчас работаю мастером на Харьковском заводе «Металлобытремонт».

Иван Семенович КОСТЕНКО

В октябре сорок первого года все мои дружки были мобилизованы на фронт. Мне же к этому времени исполнилось

только шестнадцать лет, и я не попал под мобилизацию. Тогда я пошел в Змиевский военкомат и попросил зачислить меня в действующую армию добровольцем.

Вскоре нас всех отправили на передовую. Возле села Васищево я был тяжело ранен. К этому времени военный госпиталь эвакуировался из Змиева, и меня поместили в городскую больницу, которая к приходу немцев была забита ранеными бойцами и командирами.

В этой больнице мне пришлось пробыть весь оккупационный период — с первого и до последнего дня. Помню, как выселяли нас немцы из больницы весной сорок второго, как однажды ночью наши санитарки и словацкие солдаты внесли в больницу закутанных в одеяла раненых советских бойцов. Помню, как наша доктор, наша «мама», загораживала нас от немцев, когда те заглядывали в двери палаты, и старалась по-

быстрее увести их в свою дежурку. Помню, как умирали Васильев и машинист санитарного поезда Ведмицкий. К сожалению, в памяти осталось лишь несколько фамилий из тех полутора сотен раненых, что лежали вместе со мной в подпольном госпитале: это Марченко, Филоненко, Петлицкий и Фридрих Август.

Когда в начале марта сорок третьего года после взятия города нашими войсками фашисты вновь пошли в наступление, раненые, находившиеся в больнице, были эвакуированы. Я же на костылях (рана еще давала себя знать) отправился домой в село Лиман и там дождался окончательного освобождения Харьковщины от фашистов.

Осенью сорок третьего года я вернулся в ряды Советской Армии. Был пулеметчиком, снайпером, разведчиком пехотного полка. Перед самым Берлином был снова ранен и встретил День победы в полевом госпитале. Но с 12 мая 1945 года вновь вернулся в строй и еще пять лет служил в рядах Советской Армии.

После демобилизации работаю в военизированной охране Министерства путей сообщения.

Владимир Маркович ТКАЧЕНКО

...И вот снова я в наступлении. Рядом со мной товарищи: Ткаченко Андрей Семенович, Ткаченко Иван Семенович,

Бондаренко Василий Захарович. Уже освобождены Беспаловка, Тарановка и Дудковка. Мы наступаем на Медведовку и Се-

меновку. На этом участке я два раза ходил в разведку. Несколько суток находились вне укрытий, окопавшись прямо в снегу. Я отморозил себе ноги. Стало очень трудно передвигаться. Вначале было такое чувство, словно у тебя не ноги, а деревяшки. Затем стали беспокоить боли. Мы держали оборону, ждали подкрепления.

Но тут на нашем участке прорвались немецкие

танки. Мы открыли по ним огонь. Фашистские самолеты стали бомбить и обстреливать наши фланги. Затем двинулась на нас пехота.

В неравном бою пало много наших солдат. Немцы добивали раненых. Я и еще несколько товарищей прикинулись мертвыми, и немцы прошли мимо. На поле боя наступила тишина.

Ночью я пополз. Ноги страшно болели. Иногда мне казалось, что все, конец — замерзну до утра. Обидно было до слез — для моряка глупее смерти не придумаешь. А я же был моряком: до войны пять лет служил на корабле в Севастополе, потом воевал в морской пехоте.

Неужели, думаю, теперь пропаду?

Нет, выцарапался! Еще затемно приполз в Дудковку — как раз в это время там шныряли немцы и полицаи.

Постучал в крайний дом. Хозяйка уложила меня в постель и почти сразу же — так мне показалось — в дом пришла Анна Ефремовна, осмотрела мои ноги, сделала уколы, приложила какое-то лекарство, перевязала. А я смотрел на нее, и меня ни на секунду не покидала мысль: как эта женщина-врач не побоялась прийти ко мне на помощь!

Вскоре Дудковка была освобождена, и меня на санках отвезли в школу, где уже лежали — прямо на застеленном соломой полу — раненые наши бойцы. У меня уже началась гангрена, и Анна Ефремовна вынуждена была ампутировать одну стопу.

В настоящее время работаю в колхозе, в селе Жадановка.

Иван Павлович БАБИЧ

Перед самым приходом немцев я записался добровольцем в истребительный батальон, но из-за болезни вынужден

был остаться на оккупированной территории. Одна моя соседка, сын которой добровольно уехал в Германию, заявила немцам, что я красноармеец и, к тому же, комсомолец. Раз ночью пришли за мной немцы с полицияями, стали ломиться в дверь. А я в окно выпрыгнул и — в больницу. Там работала моя мать. Она привела меня к главврачу.

— Спасите парня, Анна Ефремовна!

Анна Ефремовна велела поместить меня на койку. Два месяца я, здоровый, лежал вместе с ранеными. После выписки тайком вернулся домой.

Это было летом 1942 года. А осенью меня все же схватили полицаи. Как раз тогда в Змиеве, как и в других оккупированных фашистами

городах и селах, проводилась принудительная мобилизация молодежи на работы в Германию. Меня и еще нескольких молодых змиевчан втокнули в вагон и повезли.

В Харькове, на станции, мне удалось бежать. Я вернулся в Змиев, но дома оставаться было опасно: кругом — обыски, облавы, несколько раз я слышал, как в соседних домах немцы и полицаи взламывали двери. И снова Анна Ефремовна положила меня в больницу, на время, пока не кончилась мобилизация. Таким же образом спаслись от угона в Германию Л. П. Кубрак, Валентина Лиманова, Клавдия Ханжий и другие. Некоторым Анна Ефремовна делала для видимости легкие операции, другие фиктивно зачислялись в штат больницы, третьим выдавались справки о нетрудоспособности.

После освобождения Змиева меня зачислили пулеметчиком в одну из дивизий. В марте 1945 года был тяжело ранен. Работал шофером. Год назад окончил техникум.

ЛЕВ КВИН

ДВАЖДЫ ДВА...

Рассказ о любви

Лица и старше
шестнадцати
читать
встречается

Зазвонили в прихожей. Голосисто, долго, требовательно.
— Ксанка! Не слышишь?! — крикнул Алик.
— А ты?! — крикнула Ксана из кухни.

Алик промолчал, настороженно прислушиваясь. Пойдет или не пойдет? Наконец, по коридору звонко прохлопали сестрины шлепанцы. Он удовлетворенно усмехнулся и, откинувшись в кресле, снова взялся за чтение.

Из-за этих звонков у брата с сестрой шла постоянная война. То позвонит соседка: ключ оставить. То контролер из горэлектросети. То девочки из седьмого — Ксанка у них в классе по математике за предводителя. А с тех пор, как поставили телефон, и вовсе покоя не стало: всему подъезду нужно срочно разговаривать — как только раньше обходились?..

Алик не успел и двух фраз прочесть, как сестра позвала:

— Алик! Тебя!

Он вышел в прихожую. Там стояла с сумкой, полной газет и писем, коренастая приземистая женщина.

— Скороходов? Александр? — она хмуро взглянула на Алика. — Тебе доплатное. Брать будем?

Почтальонша держала письмецо, сложенное треугольником. Рядом вертелась Ксанка, стараясь разглядеть фамилию отправителя.

— Будем, — сказал Алик.

Интересно, от кого? От Леньки Митюхина, наверное, из лесного санатория.

— Десять копеек! — почтальонша требовательно протянула руку, сложенную лодочкой.

— Ого!

— Так будем или не будем?.. Давай, давай, думай скорее! Мне вон еще сколько добра разнести.

Алик уже хотел было сказать «нет» — очень надо по десять копеек за Ленькины письма расплачиваться. Но тут Ксане удалось, наконец, прочитать:

— От Н. Шевцова какого-то.

Алик вспыхнул.

— Сейчас!

Он кинулся на кухню, пошарил в ящике, где мама держала мелочь на хлеб.

— Вот!..

Почтальонша ушла, не попрощавшись, недовольная, видимо, тем, что пришлось подниматься с такой тяжелой сумкой на четвертый этаж. Мокрые следы от ее валенок темнели перед дверью.

— Кто такой «Н. Шевцов»? — Ксана тянулась к письму, а он не давал, сунул в карман. — Ну покажи, покажи же!

Пришлось цыкнуть на сестренку и загнать ее на кухню: там, согласно последнему территориальному переделу квартиры, находилась ее резервация.

В комнате Алик вытащил из кармана письмо. Да, «Н. Шевцова» — Ксанка прочитала неточно. Алик почувствовал, как у него снова загорелись щеки. Наташа Шевцова сама написала ему!

Он с лихорадочной быстротой развернул треугольник и прочитал:

«Отдал десять копеек? Спасибо.
Привет от братьев Карамазовых.
Остап Бендер».

— Гады! — крикнул Алик со злостью и, смяв письмо, швырнул его в угол. Долго шагал по комнате от двери до окна, от окна до двери и все никак не мог успокоиться.

Остапа работа, его дружка Остапа Ревенко! Больше никто, ни единая душа не знает, что он тайно влюблен в Наташу Шевцову из параллельного «А». Только с ним, с Остапом, поделился, вот здесь, на этом самом месте, три дня назад. Дернул черт! Остап слушал, молчал, вздыхал сочувственно, а теперь...

Алик поднял смятое письмо, расправил. Почерк чей — Остапа? Его или не его?

Иди, угадай!.. А это — Остап Бендер? Явный намек!

Хорошо же!

Он выскочил в прихожую, быстро оделся.

— Куда? — поинтересовалась Ксана, высунувшись из своей резервации.

— Туда!

И прогрохотал по лестнице, перепрыгивая сразу через пять ступенек.

Остап, к счастью, оказался дома.

— Привет от братьев Карамазовых! — Алик уставился ему в лицо жестким насмешливым взглядом.

— Заходи, — Остап широко распахнул дверь, озадаченно моргая. — Хорошо, что пришел. Физики смотрел? У меня что-то с задачей не ладится.

Ну, артист! Ну, артист!

— Отдал десять копеек? — продолжал

Алик. — Спасибо!

— Какие десять копеек?

Притворяется? Или, в самом деле, не он?

— Вот! — сунул ему под нос письмо. —

Будто не знаешь!

Остап прошел в комнату, надел очки, прочитал письмо на свету у окна. Алик следил за каждым его движением.

— Ерунда какая-то! — Остап скривил толстые губы и брезгливо, кончиками пальцев, положил листок на подоконник.

— Ах, ерунда! — Алик схватил письмо. — Ты сюда смотри, сюда!

И показал ему подпись отправителя — «Н. Шевцова». Остап скользнул по ней глазами и снял очки.

— И ты подумал, что я?

— А кто еще? Я только одному тебе сказал.

Произнес это Алик, и сразу неловко ему стало. Нет, не мог ничего такого сделать медлительный добродушный Остап.

А тот повернулся, пошел в развалочку к столу, на котором в двух аккуратных стопках лежали тетради и учебники — справа уже «отрабочанные», слева, которыми еще предстояло заняться. Отыскал тетрадь по литературе и подал Алику:

— На, сличай. Я или не я?

И сразу исчезли все сомнения. Тетрадь была написана прямым мелким почерком, прописные буквы возвышались над строчками, как семафоры на железнодорожном пути. В письме же буквы круглые, каждая выписана отдельно, прописные почти на одном уровне с остальными.

Не он!

А кто тогда? Может, проговорился Остап?

Но Остап заявил торжественно: никому ничего он не рассказывал. Ему можно было верить. Немало тайн поверил Алик другу с тех пор, как их пять лет тому назад посадили на одну парту. И не было такого случая, чтобы он подвел.

Кто же тогда? Все-таки — кто?

— Да плюнь ты, — посоветовал Остап. — Купился, и ладно!

— Нет, я этого не оставлю!

— А как ты найдешь?

— Есть способы! Найду, вот увидишь, найду! — кипятился Алик. — Как дважды два!

Он засел за исследование письма. Остап стоял рядом и своими дельными замечаниями направлял ход исследований из теоретического в практическое русло.

— Во-первых, отпечатки пальцев. — Алик рассматривал бумагу под ярким светом настольной лампы. — Вот здесь... И вот.

— А если это твой? Или мой? И потом, как ты по ним отыщешь, кто написал? Заставишь весь класс макать пальцы в чернила?

Пришлось с ним согласиться.

— Ну, хорошо, отпечатки пока оставим... А бумага? Видишь, с одной стороны зубцы. Что это значит?

— Вырвана из блокнота, — сказал Остап. — В киосках продают.

— Правильно! Вот уже продвинулись...

Таким путем удалось установить следующие неоспоримые факты. Письмо написано круглым и ровным почерком на плотном, белом, без линеек и клеток, листе из блокнота форматом двадцать пять сантиметров на двадцать, шариковой авторучкой с синей начинкой стержня.

Остап под диктовку Алика записал результаты экспертизы в особую, специально заведенную для этого случая тетрадь.

Алик ликовал.

— Витька Сазонов — точно. У него синяя шариковая. Ну, дам я ему завтра, ну, дам!

— Погоди давать, — урезонивал Остап. — Мало ли еще у кого синяя.

— Нет, в классе только у Витьки.

Все же уговорил Остап Алика сначала выяснить все основательно, а потом уже действовать.

Утром, придя в школу вопреки своему обыкновению задолго до начала уроков, Алик дождался в раздевалке Витьку Сазонова и, не здороваясь, потребовал:

— Давай сюда свою шариковую.

— Фиг! У тебя у самого есть! — отрезал Витька.

Ага, боится!

— Давай, говорят тебе, на минуту. Надо ответ по алгебре записать, а я свою дома оставил.

Витька нехотя вытащил из портфеля обведенную, без колпачка, с торчащим металлическим стержнем ручку. Алик провел черту по подготовленной заранее бумажке. Паста была фиолетовой.

— У тебя же синяя.

— Вспомнил! — Витька отобрал у него ручку. — Полгода назад синяя была, когда купил.

Подозрение отпадало.

В течение всего дня Алик только тем и занимался, что под разными предложениями выпрашивал у ребят шариковые авторучки и проверял цвет пасты. Ни одной синей, как на зло! Нет,

одна все-таки нашлась, у Мишки Боброва, но не такая синяя, как в письме, а скорее голубая. Мишка начинил стержень пастой собственного изготовления, и получилась, как он сам выразился, «полуручка»: одну букву шарик выписывал, на другой прокатывался всухую.

— Все равно найду! — упрямо твердил Алик. — Как дважды два!

После уроков он съездил к больному английской Косте Пришвину. Может быть, тот от нечего делать вздумал подшутить. Костя жил на самой окраине, в недавно заселенных кварталах. Тут мало кто знал названия улиц и номера домов, и пока Алик добрался, наконец, до Кости, уже стало темнеть.

И самое обидное — опять неудача! У Кости вообще не было никаких шариковых авторучек.

Вернувшись домой и наскоро пообедав, Алик хотел было сесть за уроки, но тут же передумал. Вытащил письмо, прислонил к толстому учебнику литературы, опять стал изучать.

Ничего нового он не обнаружил. Бумага из блокнота. Синяя паста, круглый почерк. Все уже известно.

И вдруг — долгий звонок. Как вчера.

На этот раз он не стал кричать сестренке, чтобы открыла. Понесся к двери сам.

Опять почтальонша! Та же! Только еще более злая.

И опять доплатное письмо!

— Будем брать? — спрашивает, помахивая письмом.

Алик прочитал: «Н. Шевцова».

— Нет.

Ничего не сказала. Вышла. Захлопнула с треском за собой дверь. А Алик стоял и размышлял напряженно. А если на этот раз совсем другое? Если на этот раз — всякое же случается! — и в самом деле Наташа? Кажется, почерк не такой, как вчера.

Побежал на кухню. Открыл ящик. Три копейки, пять копеек. Все!

— Ксанка!

— Что?

— Дай две копейки!

— Зачем?

— Быстро, ну!

Завредничает она сейчас, а почтальонша тем временем уйдет. Ищи потом — свищи!

Нет, сестренка вредничать не стала. Принесла откуда-то, из своего тайника, две копейки.

— Вот видишь, — не удержалась от морали. — Ты меня гоняешь, радио включаешь, когда мне на аккордеоне играть, а я...

Не дослушал Алик, помчался, схватив по дороге шапку, за почтальоншей.

Догнал ее уже на выходе со двора.

— Вот... — сунул деньги. — Я передумал... Дайте письмо!

Больше всего Алик боялся, что почтальонша сейчас заупрямится и не отдаст конверт. Теперь Алик уже несколько не сомневался, что это письмо, наверняка, от Наташи. Вчера на перемене она на него так посмотрела...

Почтальонша пересчитала копейки, порылась в своей отощавшей сумке и достала письмо. Позабыв даже сказать «спасибо», Алик заячьими скачками рванул через двор к своему подъезду. При тусклом свете маловаттной лампочки на лестнице прочитал письмо.

«Еще десять копеек отдай? Спасибо!

Так будет, пока не отдашь весь миллион.

Привет от братьев Карамазовых и Наташи Шевцовой.

Остап Бендер».

Он не злился — бесился. Швырнул шапку на вешалку — она упала. Пнул ногой, как футбольный мяч. Дураки! Дураки! Насмотрелись всяких там «Золотых телят».

Вошла Ксанка.

— Что там было? — глаза горят любопытством.

— Не твое дело! — Алик заорал так, что под конец даже взвизгнул.

— Деньги давать так мое... — обиделась Ксанка.

Алик замажнулся.

— Ой-ей-ей! — она, округлив глаза, поспешила скрыться за кухонной дверью.

Захватив с собой оба письма, старое и новое, Алик двинул к Остапу.

Тот сразу же понял.

— Опять?

— Опять... Но я их поймаю! Я их выведу на чистую воду. Как дважды два!

В его представлении злоумышленников теперь уже было много. Они, собравшись в каком-то темном подвале, сочиняли ему доплатные письма при мигающем неверном свете свечи и злобно хихикали.

Остап уговаривал:

— Брось! Не выкупай больше — и все.

— А я специально выкупаю, — горячо доказывал Алик. — Как думаешь, почему сегодня выкупил? Чтобы было больше улик.

Бумага во втором письме была точно такой же, из блокнота, почерк тот же, ручка тоже. Следствие не продвинулось ни на шаг.

— Придется добывать образцы почерка всех ребят, — поставил Алик очередную задачу перед собой и другом и все-таки еще раз спросил: — Так ты никому не разболтал?

Остап нахмурился:

— Что, поклясться?

— Ну, ладно, ладно, верю...

На следующий день, к концу уроков, следствие располагало образцами почерков всей мужской половины класса, даже отсутствующих по разным причинам. Остап, редактор школьной стенной газеты «За отличную учебу», разыскал часть образцов в архиве редколлегии. Остальное раздобыл Алик, усердно переписываясь на уроках с ребятами о разных пустяках и требуя немедленного письменного ответа. Недостающие образцы в количестве трех штук он самым дерзким образом вырвал из тетрадок во время большой перемены.

Всего было собрано семнадцать образцов.

Экспертизу проводили дома у Алика. Включили, как всегда, радио на полную мощь, чтобы Ксана не слышала, что у них тут происходит, и приступили к сверке.

Прошлись по одному разу, по второму.

— Ничего похожего, — вздохнул Остап.

— Давай еще раз! — не унимался Алик. — Мишкины буквы вроде соответствуют.

Нет, не соответствовали.

Следствие зашло в тупик. И почтальонша, которая могла бы доставить новый уличающий материал, сегодня тоже не явилась...

— Все? — Остап поправил очки, избегая смотреть в глаза Алику. Ему это дело с доплатными письмами уже надоело, и он бы давно с ним покончил, только друга боялся обидеть,

— Как все! Как все! — Алик забежал по комнате. — Мы еще только начинаем.

— Но ведь почерк явно не из нашего класса.

— А девчонки? Забыл? Завтра соберем их почерки... Нет, я это дело так не оставлю..

Утром, на первом же уроке, Алик с Остапом заработали по двойке. Они так долго шептались, что даже мягкосердечная Зинаида Петровна не выдержала:

— А ну-ка, оба к доске!

Двойки эти сами по себе ничего не значили, но предвещали неприятности и на следующих уроках, так как за последние дни Алик, да и Остап тоже, домашние задания выполняли с пятое на десятое — времени не оставалось. Остап тот хоть пытался на переменах наверстывать упущенное, но Алик, махнув на все рукой, продолжал усердно добывать образцы.

И кто знает, чем бы все это кончилось, если бы на большой перемене, сунув в парту завтрак, принесенный Ксанкой, Алик вдруг не наткнулся на записку:

«А. С., почему ты не ходишь на каток? Приходи сегодня в шесть. Н.»

Бумага такая же, без линеек и клеток. Почерк такой же — круглый. Алик побелел от злости. Вот ведь до чего дошло — стали донимать и в школе! Еще немного — и его тайна станет известна всем. «Алик влюблен в Наташу Шевцову из параллельного», «Алик влюблен»... Какой позор!

— Записка? — Ксанка ловким движениемхватила у него бумажку из рук. — Дай прочитаю!

— Отдай сейчас же!
Он сгреб сестренку в охапку, безжалостно заламывая руку, отобрал записку и порвал на мелкие клочки...

На уроке, ловя позади себя чьи-то насмешливые взгляды, Алик внезапно оборачивался.

Мишка!

Через минуту оборачивался снова.

Володька!

Еще раз.

Танька Чернова! Даже хихикнула.

Алик покрылся потом. Неужели они все знают!

Оказалось совсем другое. Чертика бумажного кто-то нацепил ему на спину, оттого все и смеялись.

Это выяснилось, когда его вызвали отвечать на уроке химии. Третья двойка за день!

Учительница по химии не только двойку вlepила. Еще велела остаться после уроков и решить задачу, не сделанную дома. Алик долго пытался в пустом классе, пока не справился с этими проклятыми молекулами. К тому же,

чернила в авторучке кончились, пришлось простые в нее засасывать. Испачкался, забрызгался. Стал бумагу искать, чтобы стереть чернильные потеки.

И нашел!

В парту Остапа нашел смятый лист белой бумаги. Даже целых два листа. С зубцами. Из блокнота. Та самая бумага! У Остапа в парте!

Надо ли говорить, что задачу он больше решать не стал, плюнув на все завтрашние неприятности.

Надо ли рассказывать, как он летел к Остапу, обгоняя трамваи, автобусы и даже легковые автомобили!

Надо ли описывать, с каким видом он вошел к Остапу:

— Ты! Все-таки ты!

Алик предъявил главную улику: белые-мятые листы. Остап долго морщил лоб, разглядывая бумагу, все соображал, как она попала к нему в парту.

— Ксанка ведь тебе бутерброды в ней принесла! — воскликнул, наконец. — Ты один сам съел, другой мне дал в этой бумаге. Я ее туда, в парту, кинул.

Ксанка?!

У Алика словно пелена с глаз спала.

Он вспомнил и блокнот, который Ксанка выиграла в лотерею во время школьного праздника песни. И шариковую авторучку с синим и красным стержнями, которую ей папа привез из Болгарии. И ехидные взгляды вспомнил, которые бросала на него Ксанка, когда он выкупал у почтальонши первое письмо.

И еще вспомнил Алик, как она у него в классе записку из рук выхватила. «Записка? Дай прочитаю!». Это она, змея, для большего правдоподобия!

Но как она узнала про Алькину тайну, как узнала?..

Остап пошел вместе с Алькой, не пустил его одного. То и дело взывал, задыхаясь:

— Обожди, я не могу так быстро.

Уговаривал:

— Ты ее не трогай, ты с ней по-мирному, по-мирному, понял?

Допрос вели вдвоем. Алик кричал, визжал. Остап бубнил:

— Признайся, ничего тебе тогда не будет.

А Ксанка и так не отпиралась, только уточнила:

— Двадцать копеек не твои, а мамыны. И даже не двадцать, а всего-навсего восемнадцать. Две-то мои были — помнишь?

Хитрущие ее глаза так и поблескивали.

Как она узнала про Наташу Шевцову? Очень просто! Алик с Остапом как начинают про тайны свои всякие, обязательно поворачивают ручку приемника до отказа. Радио орет благим матом, они друг у друга ничего разобрать не могут, и орут тоже. А в соседней комнате весь их разговор очень даже хорошо слышно. Куда лучше, чем радио.

Так она и узнала — от самого Алика.

Почему придумала все это, с доплатными письмами? Очень просто! Чтобы ему отомстить — вот почему! Пусть не гоняет ее по квартире, как зайца! Она тоже человек, такой же, как Алик, может еще и получше. В квартире две комнаты. Одну ей, другую Алику. А он ее на кухню; это что — по справедливости? Да еще слово какое обидное выдумал: резервация.

— Как будто он американский капиталист, а я индейка какая-нибудь! — заключила Ксанка возмущенно.

— Положим, не индейка, а индианка, — пробормотал Остап и покосился сквозь очки на друга. — Это ты уж, действительно, того...

— Вот и все! Мне пора в музыкальную!

Ксанка решительно встала со стула в углу, куда ее водворила следственная комиссия.

— Нет, погоди! — обозленный Алик заставил ее снова сесть. — Ты сначала про записку, про записку скажи! Записка — это самое подлое, а она про нее молчок!

— Никакой записки я не писала.

— Нет, писала!

— Нет, не писала!

— Не ври, хуже будет!

— Я не вру.

— Хорошо же! — Алик выбежал в прихожую, сорвал с вешалки Ксанкину шубку. — Пока не признаешься — не отдам.

— Я опоздаю в музыкальную! В полседьмого начало.

— Признавайся!

— Нет!

Ксанка заплакала.

— Вот мама придет, она тебе задаст!

— Еще посмотрим, кому она задаст!

— Может, в самом деле, не Ксанка? — робко вступился Остап.

— Кому поверил — тоже хорошо! — теперь Алик обрушился на друга. — Она, как дважды два! Письма кто писал? На перемене в класс к нам кто заходил? Бумага та! Почерк тот...

Факты стройно выстраивались, смыкались звено со звеном в единую нерушимую, нерасторжимую цепь.

А в это время Наташа Шевцова стояла с коньками в руках у входа на каток. Она совсем застыла, бедная, ожидая на холодном ветру. Не надо было, ох, не надо было писать ему первой! Это все Танька Чернова: влюблен да влюблен! Послала с ней записку — и что? Он взял да и не пришел.

Но почему все-таки, Почему?

СУДЬБА ГИПОТЕЗЫ

Урал и Эбеко

Эти удивительные истории мне рассказывали на Урале различные люди. Пытались даже подтвердить сказанное документами. И самое интересное — они сами верили в эти истории.

Начало рассказов звучит весьма впечатляюще.

Мощный взрыв разорвал безмолвие ночи. Огненными брызгами разлетелись в небо гигантские бомбы, выброшенные из жерла вулкана. Густым пеплом покрылись острова безбрежного Уральского океана четыреста миллионов лет назад. А затем...

Затем мнения расходятся. По одной версии из жерла стала выдавливаться рудная магма. Она вся состояла из сернистых соединений меди и железа. И в доказательство меня подвели к сернистой руде, содержащей медь и железо, и говорили:

— Ну вот, видите, нельзя не верить. Ведь это факт. Руда подтверждает наш рассказ.

По другой версии, после выброса вулканических газов и пепла, по трещинам, образовавшимся вблизи вулкана, стали пульсировать горячие воды. Они несли в своих растворах медь, железо и отлагали сернистую руду в уже сформировавшиеся горные породы.

В доказательство меня подводили к тем же рудным линзам и говорили:

— Ну вот, видите, нельзя не верить. Ведь это факт. И не только руда подтверждает наш рассказ. Вспомните историю вулкана Эбеко.

Что ж, давайте вспомним.

На острове Парамушир, в Курильской дуге, есть два вулкана: Эбеко и Влодавец. Недавно кандидат наук Е. П. Денисов описал то, что происходит там сейчас. Оказывается, из зоны расположения этих вулканов вытекает речка, несущая в море за сутки десятки тонн окислов алюминия и железа.

А газы Эбеко содержат сероводород. В окрестностях вулкана можно встретить источники из чистых соляной и серной кислот, выщелачивающих с глубин медь, железо и другие металлы. Эти растворы и стекают в море.

— Совершенно ясно, — говорили мне рассказчики, — что эти металлы могут не сте-

кать в море, где они бесполезно теряются, а накапливаться в трещинах горных пород или просто на их поверхности.

Когда я робко спрашивал рассказчиков, а где же наши, уральские вулканы, то в ответ встречал недружелюбные взгляды. Либо меня не достаивали ответом, либо коротко бросали:

— Разве не ясно, что там, где есть вулканические породы, там должны быть и вулканы.

Я видел, что за кажущейся сухостью таких ответов кроется действительное недоумение тех, кто верит в эти гипотезы. И все-таки — где же они, уральские вулканы? Вулканических пород здесь действительно много, но самих древних вулканов, таких, как сейчас на Камчатке, здесь никто не видел.

Более объективные рассказчики пояснили, что события, пережитые Уралом за четыреста-пятьсот миллионов лет, не оставили и следа от древнего рельефа. Все вулканы были разрушены (ведь сколько времени-то прошло!), и нам надо довольствоваться только наличием вулканических пород.

Другие говорили, что в те времена и вулканы были особенные. Продукты их извержения могли изливаться не через жерло, а по трещинам. А таких трещин-разломов на геологических картах нарисовано геологами очень много.

И вдруг произошло невероятное.

Существенные коррективы

Открытие, сделанное Ольгой Николаевной Щегловой-Бородиной, было потрясающим по простоте и стопроцентной убедительности. Изучая керн, поднятый из одной скважины на Сибайском медноколчеданном месторождении, Ольга Николаевна нашла в руде органические остатки. Вернее, вся руда была сложена из кораллов и пелеципод, изменивших свой облик. Они состояли не из кальцита, а из медноколчеданной руды. Стало совершенно ясно, что представление о колчеданной магме надо полностью отбросить: в вулкане фауны быть не могло.

Тогда и появилась новая гипотеза, согласно которой не обязательно связывать образование колчеданных залежей с вулканами. Насыщенная растворами горячая вода шла не из вулканов, а откуда-то из глубины. Она растворяла известняк, выносила его и на его место отлагала руду.

В доказательство меня приводили на месторождение, показывали ту же колчеданную залежь и говорили:

— Ну вот, видите, нельзя не верить. Ведь это факт. Руда подтверждает наш рассказ.

— А почему только на Сибайском месторождении в руде сохранилась фауна?

— Ну, знаете, вы слишком многого хотите от природы. Скажите спасибо, что хоть на одном месторождении остались следы фауны.

Есть свой вулкан

И вот свершилось! Впервые за полутора-столетнюю историю изучения Урала нашли вулкан!

Об этом появилась публикация в центральной геологической прессе — в «Известиях Академии наук СССР» (серия геологическая № 1, 1966 год). Опубликовали статью два исследователя: кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник института геологии и геохимии Уральского филиала Академии наук СССР Я. П. Баклаев и А. А. Беляев, по-видимому, работник производства. К статье приложено много химических анализов, фотографий, описаний петрографического состава горных пород. Словом, статья внушительная. Авторы сообщали, что в зоне вулкана ими проведены детальные исследования. Не верить авторам было нельзя.

Судя по описанию, вулкан не поражал размерами. Высотой он был всего метров 50—60, при основании вулканического конуса 1 на 2 километра. То есть это даже был не конус, а очень пологое всхолмление.

У вулкана оказалось и жерло, и околожерловое пространство, и лавовый поток. На профилях и схемах все выглядело настолько внушительно, что мы обрадовались: ну, наконец-то, и у нас есть вулкан! Хоть маленький, да свой!

И мы решили посетить этот наш, уральский, вулкан. Расположен он вблизи тракта из Миасса на Верхнеуральск. Нужно около деревни Урляды свернуть к деревне Самарской, проехать километра три — и вулкан как на ладони. После этого можно наслаждаться уральской вулканической экзотикой.

25 июня 1967 года мы разбили палатку в жерле вулкана. Было поздно. Осмотр отложили на утро. Конечно, всю ночь нам снились извержение огненной лавы, раскаленные бомбы и удушающий пепел. Едва проснувшись, мы бодро приступили к исследованиям.

Памятую о том, что авторы провели «детальные исследования», мы бросились искать их следы. Но увы! Ни шурфов, ни скважин не заметно на всем пространстве небольшого хол-

мика, который должен был представлять древний уральский вулкан.

Уральские геологи иногда подменяют детальные исследования так называемым «вышагиванием». Этот термин я заимствовал у студентов, которых, вместо геологической съемки, часто заставляют ходить взад и вперед по определенным линиям и фиксировать на плане все, что встречается на пути.

Здесь «детальные исследования» также были заменены таким способом картирования.

Нет слов, такой прием мы все используем довольно часто. Но здесь шла речь о принципиальных вопросах уральской геологии! Можно было бы и пробурить скважины или хотя бы пробить шурфы.

И вот мы тоже стали «вышагивать». На нашем пути встречались глыбы горных пород, выходящие довольно редко из скрытой дерном поверхности холма.

То, чего не было

Скажем прямо: экзотики не получилось! Мы не нашли ни жерла вулкана, ни кольцевых даек, ни околожерловых пород. Разрозненные глыбы и валуны были «скреплены» одной только идеей.

А факты были. Они встречались в виде редкой сети высыпок то ли коренных, то ли принесенных в виде валунов пород. Нанеся их на план, можно объяснить их расположение с любой из принятых точек зрения. Можно, обладая богатой фантазией, нарисовать вулкан; можно обойтись и без вулкана.

Да, породы, имеющие сходство с вулканическими, здесь есть. Но вулканические ли они?

Допустим на минуту, что правы Я. П. Баклаев и А. А. Беляев. Они рисуют в жерле своего «вулкана» необычные «шариковые лавы», состоящие из пород, содержащих малое количество кремнекислоты. Такие шарики, по их мнению, произошли за счет «автобрекчирования», то есть самоогатывания в узком канале (в жерле) вулкана быстро застывающей магмы при ее продвижении к поверхности.

Как правило, тип извержений вулканов всегда связан с характером (с химизмом) лав. Судя по типу пород, слагающих «жерло», лавы этого «вулкана» должны были бы быть похожими (даже еще более жидкими) на лавы вулканов, расположенных сейчас на Гавайских островах. Такие лавы не закупоривают жерла. Они образуют чрезвычайно жидкоплавкую лаву. Наличие шариков здесь совершенно не оправдано.

Точно также я мог бы разобрать каждый тип обнаруженных здесь пород. Найдены были здесь даже самые обычные конгломераты с окатанными гальками, возникающие при речной, морской или ледниковой деятельности. Но валуны конгломератов не были нанесены на «детальный» план. Они, видите ли, представляют собой глыбы, легко передвигаемые человеком. Наносились же на план лишь те глыбы, вывернуть которые исследователь был не в состоянии. Не приходится доказывать, что это не метод научного познания объекта.

Новые факты

Уж если говорить об увлекательных путешествиях, то следует сказать, что в старые времена можно было бы морем проехать от Москвы через Свердловск до Пекина. «Старые времена» — это около 350 миллионов лет назад.

В то время на просторах Российского океана можно было встретить мириады микроскопических существ — фораминифер. Каких только оригинальных форм не имели они! Характерной особенностью фораминифер была бурная изменчивость. И теперь периоды в один-два миллиона лет легко отличить один от другого по изменившемуся облику этих «животных».

А по краям океана и на его островах вздымались пышные рощи древовидных папоротников, лепидодендронов, сигиллярий, хвощей. Все они размножались, как и современные папоротникообразные, с помощью спор. Ветер уносил споры и разбрасывал их не только по суше, но и на поверхности моря. Намкнув, споры опускались на дно и захоронялись вместе с фораминиферами.

Многo различных событий претерпел после этого морской ил. Порой он изменился настолько, что в нем трудно распознать его морскую первичную природу. Помогают в этом, главным образом, фораминиферы. Их можно встретить в любом кусочке морского ила.

И вот в центральной геологической научной прессе стали появляться одна за другой статьи и сообщения доктора геолого-минералогических наук Н. П. Малаховой о том, что она нашла фораминиферы в вулканических породах восточного склона Урала.

Статьи и сообщения Малаховой были дополнены научной информацией споровиков Е. Силовой, Б. Беркович, Е. Андреевой, М. Заварзиной, нашедших в породах вулканического комплекса многочисленные остатки спор растений каменноугольного, девонского и других периодов.

А затем кандидат наук И. С. Вахромеев обнаружил фораминиферы и в типичнейших древних породах, ископан веку относимых к застывшим лавам.

Что тут началось!

Один из «авторитетов» заявлял:

— Не верю я этим фораминиферам, спорам и пыльце.

— Почему?

— Да они уж больно маленькие. Подойдешь к скале или к забюю в карьере и не увидишь эту мелочь. Я привык к крупным ископаемым формам. Таковую возьмешь в руки, так не только видишь ее, но и чувствуешь вес!

Новые времена захватили новыми методами весь мир. В наши дни почти повсеместно закончены исследования поверхности планеты, и геологи всего мира перешли к изучению глубинных зон Земли.

На очереди и в нашей стране переход на алмазное бурение. Тогда из глубин земли будут доставать керн чуть толще карандаша. Попробуй найди в таком керне отпечаток крупного существа! В лучшем случае обнаружишь его

частички. А фораминиферы и пыльца имеют размеры, исчисляемые микронами. В одном шлифе диаметром в два сантиметра можно встретить сотни и тысячи микроскопических остатков.

Не случайно именно с помощью микроскопических исследований были открыты огромные нефтяные богатства Волго-Уральской области. А за исследования фораминифер руководителю этих работ Дагмаре Максимилиановне Раузер-Черноусовой была присуждена Ленинская премия!

В нашей стране, пожалуй, только на Урале еще ведется ненужная дискуссия на тему: изучать фораминифер или не изучать? Это, по-видимому, связано с малым размахом буровых работ. Начнут бурить большее количество скважин (алмазным бурением) — будут изучать фораминиферы. А пока, при «вышгиваниях», можно пользоваться и старыми методами.

Но и сейчас уже накопились научные материалы, которые позволяют по-новому оценивать древнюю историю Урала. На смену представлениям о повсеместном бурном вулканизме приходит основанная на изучении десятков тысяч ископаемых планктонных организмов картина сложной жизни горных пород Урала. Из морского ила сформировались сначала известняки. Потом, в зависимости от конкретных условий, эти известняки в одних районах превратились в мраморы, в других стали похожими на вулканические породы. Но как бы они ни видоизменялись, их первоначальное происхождение выдают фораминиферы и пыльца.

Планктон в жерле

Ну, а теперь снова об уральском вулкане. Нужно ли рассказывать, как мы торопились домой со своей добычей — горными породами, собранными в районе вулкана, разрезанного центральной геологической прессой! Мы собрали много образцов. Теперь их надо расшлифовать и посмотреть под микроскопом.

Первые же шлифы из шариковых лав легли на столик микроскопа. И снова Н. П. Малахова резюмировала: есть микрофауна!

И хотя для нас это не было неожиданностью, мы ждали этих слов, все же мы вздрогнули. Значит поездка была нужной. Поездка подтвердила, что Я. П. Баклаев и А. А. Беляев невольно выдали желаемое за действительное. Уж очень им хотелось иметь на Урале хоть один вулкан. Они и поторопились с выводами.

Фауна, оказавшаяся в «жерле», принадлежала к обычным планктонным формам, имевшим известковую раковину. Н. П. Малахова легко определила так называемые эндотиронидные фораминиферы, гастроподы и другие микроорганизмы, характерные для времени в 340 миллионов лет назад (грань девонской и каменноугольной систем).

Жизнь этих фораминифер после их смерти была очень сложной. При изменении (метаморфизме) породы каждая ее составляющая часть замещалась другими минералами по-сво-

ему. Особенно долго такому изменению сопротивлялась оболочка раковины, содержащая хитин. Вот эта-то оболочка и была отчетливо видимой в шлифе. И хотя порода в итоге всех изменений приняла совсем не свойственный ей облик, в ней появились совсем не «подходящие» ей минералы, приближающие ее к вулканическому, все же первичная ее основа просветилась сохранившими свою форму контурами раковин. Они-то и выдали исследователю происхождение горной породы.

Значит, и этот район, на который мы так надеялись, ожидая, что он действительно окажется вулканическим, не представил исключения из той общей картины, канва которой наметилась многолетними исследованиями Н. П. Малаховой и целого коллектива других геологов, всматривающихся в первичную природу камня.

Золотые реки

Ну, а если вулканические породы Урала произошли не из вулканов, а из морского ила, так откуда же в них руда?

Еще на университетской скамье нас поражал один из курсов, из года в год повторявшийся профессором на вводной лекции по геологии. Чтобы поразить воображение первокурсников, профессор говорил, что в морской воде растворено 10 миллиардов тонн золота. Да, да, золото там находится в растворенном состоянии!

— Позвольте, — спросит любой читатель, — ведь золото растворяется только в царской водке. Надо, прежде чем писать об этом, заглянуть в учебник элементарной химии!

Все это так. Но в учебниках химии не пишут об удивительных существах, растворяющих все что угодно. Я имею в виду бактерии. Золото легко растворяется в органических кислотах. Есть, кстати, оно в растворенном виде и в человеческом организме, как и в организмах многих других существ.

Обычный плесневой грибок пенициллиум (да, да, тот самый, который нужен для изготовления пеницилина) более жаден, чем Скупой рыцарь. Пенициллиум делает то, чего не умеет сделать самый жадный из всех существ. Он ест золото! Ну, а ест, значит, растворяет. А потом откладывает в ил.

— Счастливейший день! Могу сегодня я В шестой сундук (в сундук еще неполный) Горсть золота накопленного всыпать, — так говорил герой трагедии Пушкина — Скупой рыцарь. Так мог бы сказать и пенициллиум, обогащая продуктами своей жизнедеятельности морской ил.

Недавно малыйские геологи провели несложный опыт. В золотоносный песок они пустили золоторастворяющие бактерии. Через год 85% золота в песке было съедено и переведено в раствор. А потом выпарено из раствора и положено в сейф.

По данным А. Жукова, опубликованным в 1966 году, не только пенициллиум усваивает растворы золота, переводя их в красные и сине-фиолетовые пленки и нити. Это же дела-

ют и леичная плесень аспергиллюс, и грибок леичный черный, и бактерия микрококк киноварно-красный. Подтверждается также принципиальная возможность выделения золота из горных пород с помощью микроорганизмов.

Несколько лет назад работники Дегтярского медного рудника на Урале были приятно удивлены. К ним приехали сотрудники института «Унипромедь» и стали извлекать медь из совершенно убогих руд с помощью бактерий. Бактерии и здесь работали дружно, переводя соединения меди в раствор.

Инженер А. Шибанов сообщает, что горняки научились «дрессировать» бактерии и «обучили» их извлекать как можно большее количество металла из руды. Если раньше бактерии извлекали за 75 дней 30—40% меди, то после «обучения» они за 35 часов перевели в раствор 80—90% металла.

Само собой разумеется, что для каждого металла нужны свои бактерии. Есть бактерии, питающиеся ураном, железом, хромом, цинком и многими другими металлами.

Вот и нашли источник растворов. Под землей текут в прямом смысле этого слова золотые реки! А мы все еще ссылаемся на литическую магму, как на источник любых металлов. И упорно не замечаем непосредственных виновников создания растворов. Почему? Может быть, потому, что получается слишком просто, прозаично? Или потому, что их не видно, этих работников невидимой подземной промышленности? А, может быть, потому, что привыкли думать иначе, и стоит ли перестраивать свое мышление?

В 1965 году исследователь Е. Щадески-Кардосс опубликовал во Фрейберге, на родине магматической геологии, обзор взглядов на образование рудных жил сторонников магматической и немагматической теорий. Он показал, что рудные металлы имеются и в магматических горных породах, и в осадочных. Причем в осадочных больше элементов группы меди. Он показал, что из любых горных пород могут возникнуть рудные жилы. И пришел к выводу, что магматическая теория отвечает возможно-му, но крайнему случаю рудообразования. Проще и легче представить возникновение концентраций медных, цинковых и многих других рудных жил не в связи с магматическими процессами, а за счет их выщелачивания из любых горных пород и дальнейшей концентрации.

Железные берега

В 1966 году в трудах Московского общества испытателей природы (в биологической серии) Г. А. Заварзин опубликовал любопытные результаты исследований. Эти работы приоткрывают тайну связи руд с некоторыми вулканами. Г. А. Заварзин исследовал районы вулканов Головинина и Менделеева на острове Кунашир в Курильской гряде. Он обнаружил там большую концентрацию железа. Казалось бы, все ясно: классическое сочетание — руды и вулкан, — что тут дальше исследовать!

Но ученый задумался над причинами повышения концентрации железа и обнаружил большое количество железобактерий!

Бактерии тиобасиллус тиооксидус в процессе жизнедеятельности образуют серную кислоту. Она-то и выщелачивает железо из «первозданных» пород. Заметим в скобках, что эту работу тиобасиллусы тиооксидусы могут проводить на любых горных породах, но выбирают куски «полакомее», то есть те, в которых больше железа.

В последние годы техника исследований позволила глубже заглянуть в мир бактерий. Особенно интересны в этом отношении работы члена-корреспондента Академии наук СССР А. Г. Вологодина. Оказывается, мы уже почти не знаем такого геологического времени, когда бы не работали бактерии! Вологодин спустился в своих исследованиях по геологической лестнице до пород, возраст которых исчисляется внушительной цифрой — 2 миллиарда 600 миллионов лет! И всюду он встретил бактерии! Вологдину уже тесны рамки нашей геологической шкалы. Он спускается по лестнице времен все глубже и глубже. И везде Вологодин отмечает в первую очередь работу железобактерий. Он нашел их в рудах Кривого Рога, в рудах Сибири, Дальнего Востока и Кольского полуострова.

Академик Н. М. Страхов в своих трудах приводит данные о главных запасах железных руд мира. Оказывается, наибольшие скопления железных руд приурочены именно к тем зонам, которые ранее нами назывались докембрием и считались безжизненными. И пока мы не вскрыли этот мир удивительных работников, мы, конечно, ссылались и на вулканы, и на подземные магматические очаги, чтобы объяснить такие концентрации.

Мир невидимых работников вскрывать необычайно трудно. Вот как описывает эти работы Эрнест Элерс, встретивший ископае-

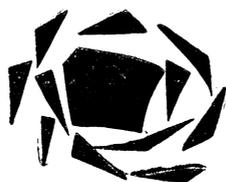
мые бактерии в пиритах каменноугольного периода в штате Огайо.

Пирит вначале разрезали алмазной пилой на тоненькие пластиночки. Поверхность пластин обработали алмазной пастой, толщина зерен которой не превышала 0,25 микрон. Полировали на шелковом круге. Отполированные образцы помещали на три дня во влажную атмосферу при температуре 60°. В это время шли окислительные процессы, слегка разрушавшие поверхность образцов. Промыв после этого образцы в ацетоне, наносили на обработанную поверхность немного коллоида. Потом на эту коллоидную пленку наносили дуговым методом распыленный в вакууме слой атомарного углерода. Затем образец покрывали гадолинием и погружали в раствор амилацетата и изопропилового спирта. Здесь коллоид растворялся, и углеродно-гадолиниевый слепок с бактерий помещали на медной сетке в электронный микроскоп. При увеличении в десятки тысяч раз были хорошо видны бактерии.

И снова я вспоминаю своего незадачливого друга, который обижался на малый размер ферраминифер. Конечно, бактерий он совсем не признавал.

Исследователи отмечают, что железобактерии любят вулканические породы потому, что в зонах вулканов много сероводорода. Но они живут и там, где есть сероводород и нет вулканов. Исследователь Ролф Галлберг специально изучал условия биологического синтеза пирита среди современных прибрежных осадков на островах Дании. Ему удалось доказать, что черные пески прибрежной зоны образуются здесь за счет концентрации пирита. Пирит же формируется при работе бактерий десульфовибрио, выделяющих сероводород.

Вот почему у многих геологов и сложилось впечатление о ведущей роли магматических процессов при образовании месторождений железных руд.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ, КАК СЪЕМКИ

оворят, хороший фотоснимок в комментариях не нуждается. Он сам о себе расскажет. Но сможет ли самая блестящая фотография рассказать о том напряженном поиске мысли, о горьких неудачах, сотнях испорченных кадров и о той мгновенной вспышке прозрения, когда про фотографа говорят: «Вот повезло — такой поймал кадр!»

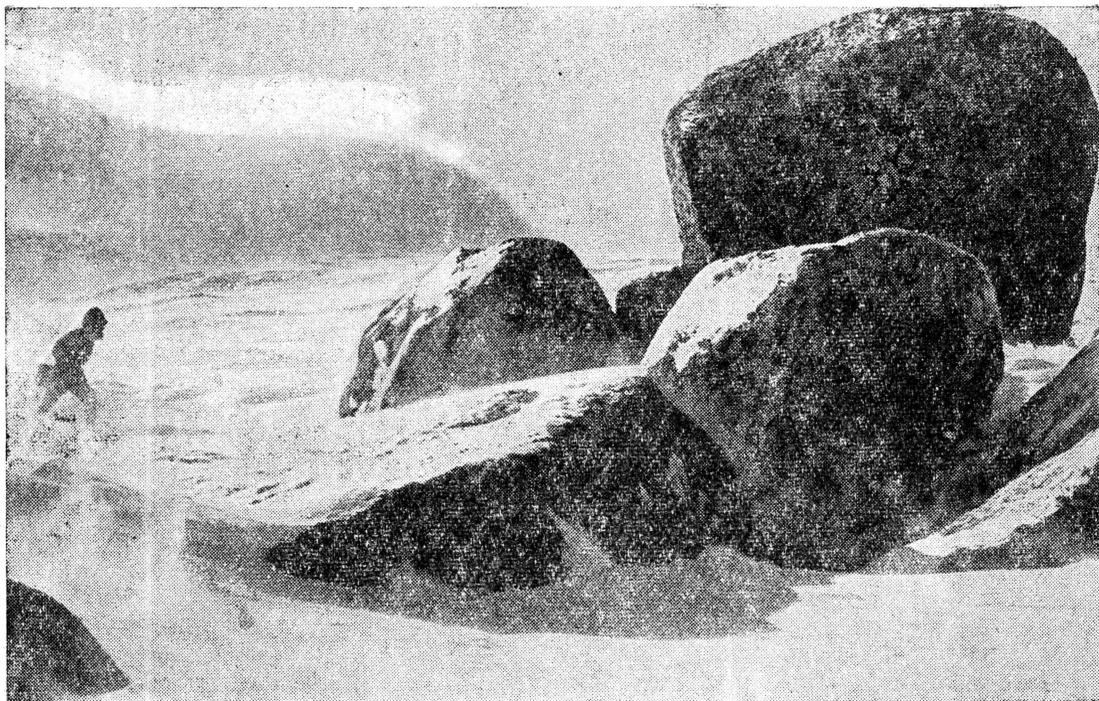
Может и в самом деле «поймал» Борис Коробейников пастуха совхоза «Вперед» Анатолия Камеергина. Поймал объективом в тот самый момент, когда Камеергин обходил свое стадо. Но еще задолго до того Борис Коробейников выносил образ хозяина тундры — гордого, уверенного в себе и знающего себе цену человека.

Мгновение, которое потребовалось, чтобы запечатлеть на фотопленке пастуха-оленевода, длилось сотую долю секунды. Но это было самое яркое мгновение. В Анатолии Камеергине, в его вольной, уверенной позе, в незаконченном шаге, в звонком крике «Эх-хо-хо!» увидел фотограф хозяина тундры.

Не будь этого непрерывного поиска фотокадра и вместо символического снимка была бы заурядная фотография одного из оленеводов.

Борис Коробейников живет в Магадане — самой дальней области нашей страны. От Чукотки, входящей в Магаданскую область, от ее крайней восточной точки — мыса Дежнева начинается Россия. Природа здесь сурова и удивительна. По бескрайним просторам тундры бродят неисчислимые стада оленей, здесь, на Чукотке, в середине лета вдруг задувает метель, и тогда на небе вместо одного появляются два солнца.

Чукотка на снимках Бориса Коробейникова всюду имеет свое, неповторимое лицо. Только здесь, в ледовых чукотских морях, можно встретить «воздушного лоцмана», разыскивающего ледоколу путь во льдах. Только здесь, на Чукотке, можно рядом с чумами оленеводов встретить гигантские драги — настоящие плаву-

чие фабрики золота. Экзотика? Возможно. Хотя в наше время экзотикой скорее можно назвать телевизионную станцию «Орбита», следящую своей огромной параболической антенной за космическим спутником земли «Молния», нежели шамана, исполняющего ритуальный танец с солнцем.

Кстати, о шаманах. Было время, когда шаманы являлись такой же необходимой принадлежностью чукотских поселков, как ныне радиоприемники. А сейчас... Любопытно хотя бы для этнографии разыскать настоящего шамана и заснять самый настоящий ритуальный танец. Там, где речь идет о науке, инсценировка недопустима, наука признает сугубо документальные кадры. Так родилась тема фотоснимка.

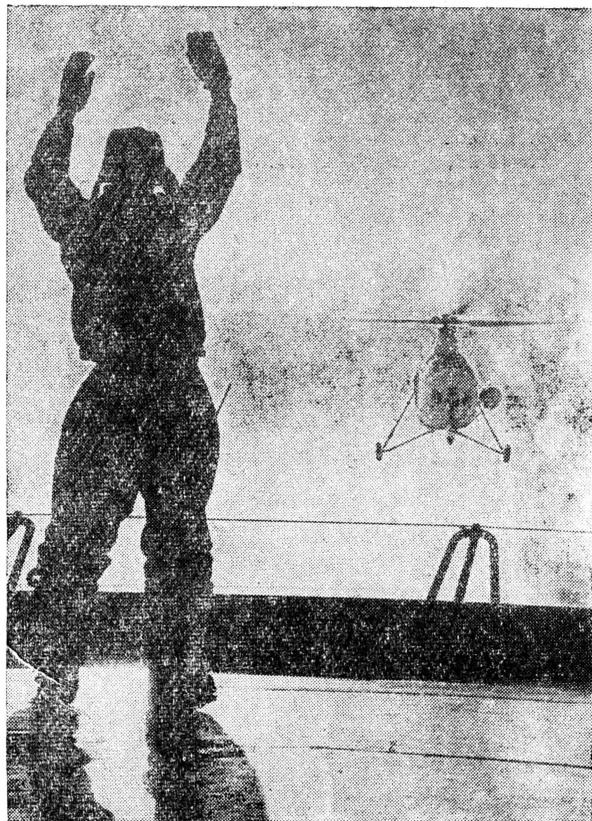
Тема дала пищу творческой фантазии. Как решить кадр? Как выбрать точку съемки? А свет?

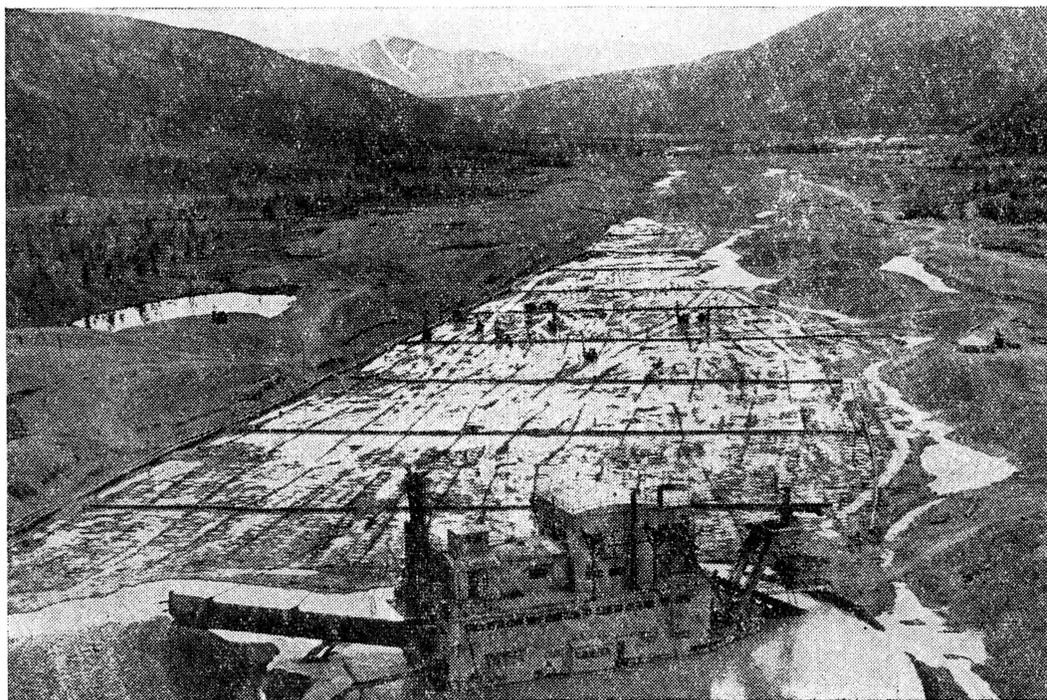
Прежде всего был решен вопрос со светом: контражур. Такое решение со светом подсказала тема снимка: шаман давно в сознании чукчей стал олицетворением темных сил. Темных... Значит фигура шамана должна быть темной.

А кадр? Пустая заснеженная тундра. Только темный шаман и ослепительное солнце...

Осталось найти шамана. Хотя бы бывшего. Хотя бы на пенсии.

Такой шаман нашелся в поселке Кэпервеем. Зовут его Вальгырлеле. Он и в самом деле оказался на пенсии, хотя, конечно, пенсию получает не за свои прошлые оккультные заслуги, а за труд в колхозе. Но Вальгырлеле шаманских об-

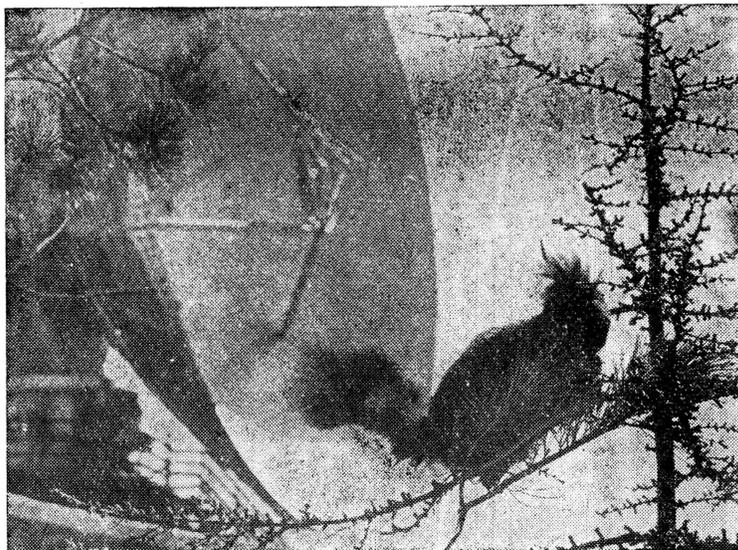
рядов еще не забыл и после длительных уговоров согласился «поколдовать».

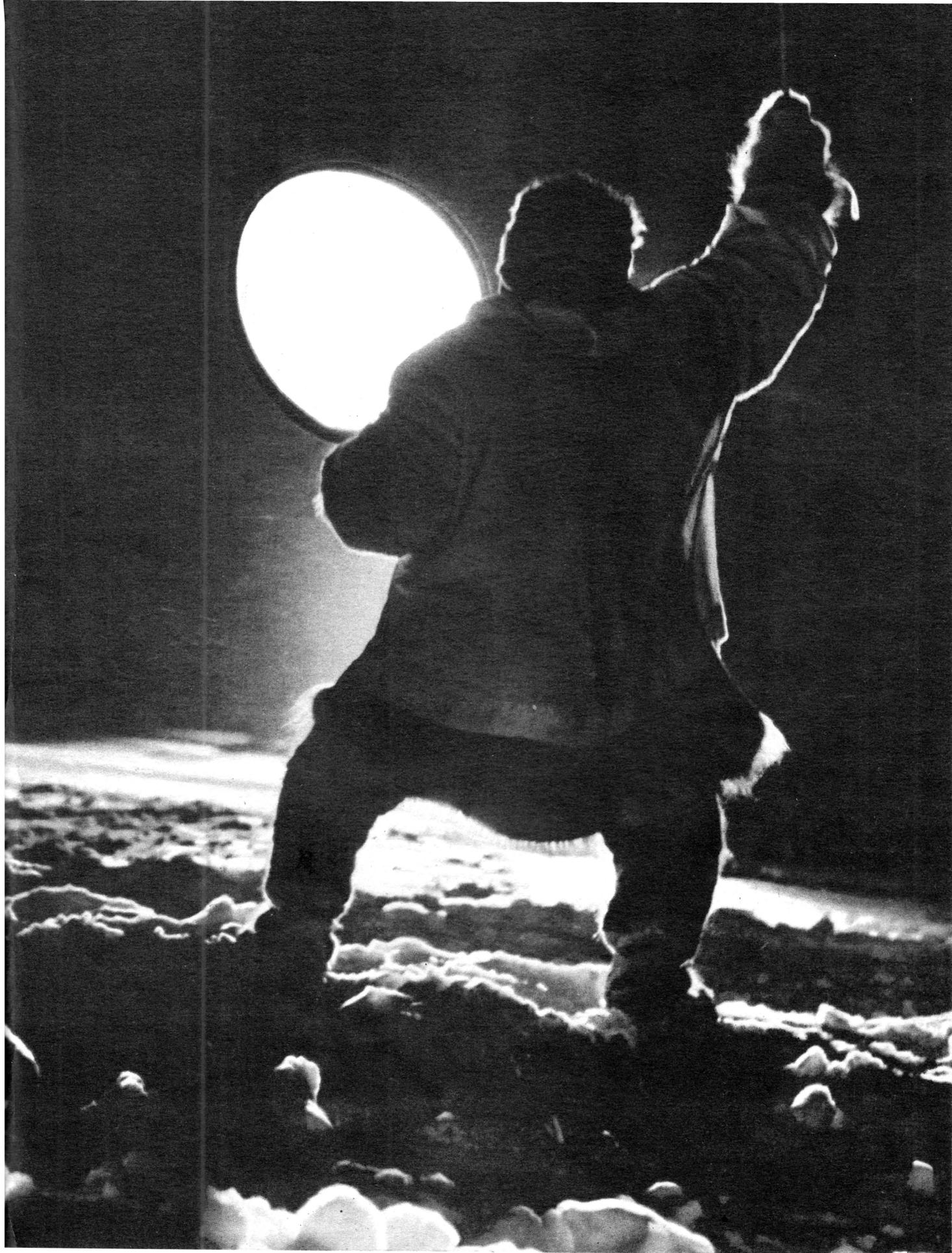
И вот глухо рокочет бубен, Вальгырле все более входит в свою полужабытую роль, а вокруг него, чуть ли не повторяя все конвульсивные движения шамана, прыгает на снегу фотограф. Один щелчок, второй, третий... Нет, что-то не то. Что-то в этом кадре недодумано.

Слишком прямолинейное решение — темный, в контражурном свете шаман и ослепительно яркое солнце. В жизни все было сложнее и... страшнее. Да, именно страшнее! Шаманы для чукчей были не просто знахарями, заклинателями. Шаманы в сознании чукчей были посланниками духов, тех всемогущих богов, которые могли бы отнять у чукчей самое для них дорогое и священное — солнце.

И снова глухо рокочет бубен, и снова прыгает, крутится вокруг танцующего Вальгырле фотограф, ловя ту единственную точку, когда шаман поймает своим бубном солнце.

Нужны ли комментарии к этому снимку? Может быть, и не нужны. Может быть, снимок и сам расскажет о далекой снежной Чукотке, о скудном полярном солнце и шамане, вдруг из экзотической фигуры прошлого выросшего в само прошлое Чукотки. Но никогда, конечно, этот снимок не расскажет сам о том, как он рождался.

В. СОЛНЦЕВ (*Ленинград*)

ТКАЧИХИ

М. ГУМЕННЫХ (Свердловск)

КАМЧАТКА. ЗАЛИВ КОРФА

ГЕСТАПО ИЩЕТ КОСУХИНА

Н. МЫЛЬНИКОВ

Июнь 1963 года. На заседание ученого совета, посвященное обсуждению кандидатской диссертации А. Н. Косухина, собрались преподаватели института, аспиранты, студенты.

Представляя соискателя, ученый секретарь кафедры строительной механики Уральского политехнического института имени С. М. Кирова зачитал послужной список Анатолия Николаевича: 1941—1942 гг. — комсомолец-подпольщик; 1942—1943 — секретарь Симферопольского подпольного горкома комсомола...

Многие из ближайших коллег Косухина, не говоря уже о студентах, в этот день впервые услышали о его боевых делах.

дарив от Перекопа двумя острыми клиньями на Севастополь и Керчь, гитлеровские войска окружили Симферополь, и горожане, в большинстве своем, эвакуироваться не успели.

Анатолий Косухин, тонкий остроплечий подросток, проснулся раньше обычного.

— Мам, дай мне ту коробку, в которой у тебя всякие порошки и таблетки.

— Зачем она тебе?

— Хочу положить в нее комсомольский билет и закопать.

В квартиру к Косухиным вселили на постой немецкого солдата из прибывшей в Симферополь тыловой части.

Два дня Анатолий бычился на грудастого черноволосого немца Франца Вольфа, старался не встречаться с ним. И вдруг услышал, как, перебирая в чемодане свой походный скарб, Франц тоненько, вполголоса запел:

Вольга-Вольга, мать родная,
Вольга — русская река.

— Вы-то откуда знаете эту песню? — задиристо спросил Анатолий.

— Я много знаю русских песен. Франц Вольф есть певец гамбургского радио. Сольдатом сделала меня война.

Когда Франц принес фронтовую сводку гитлеровского информгентства, Анатолий пробежал ее глазами (он неплохо знал немецкий язык) и покачал головой:

— Я этим сводкам не верю. Вот бы Москву послушать...

— Надо радиоприемник, — сказал Франц Вольф. — Я немного радиотехник понимаю. Надо деталь, схема.

Не сразу и не вдруг согласился с предложением немца Анатолий. Он проверял его в разговорах, советовался с матерью, с дедом Пав-

лом Лаврентьевичем. Наконец, решившись, побегал к школьному товарищу Николаю Долетову, в прошлом опытному радиолюбителю городской технической станции — может, у него остались какие-нибудь детали. Он и схему вычертил.

Всегда отчаянный и решительный, Долетов вдруг оробел:

— Ты знаешь, что с тобой немцы сделают, если влипнешь?..

— Не влипну, все обдумано, — успокоил его Анатолий.

И вот приемник готов.

Поздно вечером, в час передачи сводок Совинформбюро, вокруг приемника уселись Анатолий, Мария Павловна, Франц Вольф и Павел Лаврентьевич.

После сводки и фронтовых эпизодов, когда кремлевские куранты отбили полночь и заиграли «Интернационал», Франц Вольф встал и быстро заходил по комнате. Он заметно нервничал.

— Никому об этом ни слова, Толлер! Иначе... капут нам с тобой!

— Я буду молчать, — заверил его «Толлер». Но разве можно утаить такое от друзей?

В эти дни он встретил в городе комсомольца Бориса Хохлова, кражистого рыжеватого парня в серой, сдвинутой на затылок кепке. А тот познакомил Анатолия со своим другом Евгением Семняковым.

Так возникла подпольная комсомольская группа. Из трех человек.

Теперь, когда Франц Вольф уходил на службу, Анатолий, Евгений и Борис доставали радиоприемник, записывали сводки Совинформбюро, размножали их и по вечерам распространяли каждый в своем районе. Один листок сунут в почтовый ящик, другой — в форточку, третий приклеят к тумбе или забору.

Листовки наделали много шума в Симферополе. Гестаповцы сблизись с ног. Они даже по радио объявили о том, что лица, «занимающиеся красной пропагандой», подлежат расстрелу. Но подпольная группа действовала все активнее. Франц Вольф вскоре уехал со своей частью на новое место, и это развязало комсомольцам руки.

В Симферополе с каждым днем учащались облавы: всех, кто был молод и здоров, угоняли на каторгу в Германию. Гроза нависла и над подпольщиками.

— Надо, Толя, принимать какие-то меры, — посоветовала сыну мать. — Иначе, неровен час, — увезут и тебя.

— Что-нибудь сообразим, — пожал плечами Анатолий.

Получив повестку явиться на биржу труда, он поймал в саду пчелу и весело сказал матери:

— Смотри, как я буду освобождаться от работы.

Еще в детские годы, играя в баскетбол, Анатолий упал и разбил коленку. На месте ушиба образовался костяной нарост. Сейчас, закатав штанину, Анатолий прижал к этому наросту пчелу, а потом налил в ладонь скипидара и растер место укола.

На коленке вздулась большая опухоль. Наложив повязку и взяв приготовленные заранее костыли, парень заковылял в больницу. Домой он вернулся со справкой:

«Комиссия по врачебному контролю четвер-

той симферопольской поликлиники при освидетельствовании сего числа состояния здоровья Косухина Анатолия Николаевича установила у него болезнь Шляттера, вследствие чего он признан негодным к тяжелому физическому труду».

Эту справку Анатолий показал Хохлову. Тот прочитал ее, повертел в руках и сказал:

— Поздравляю! Вполне законно и масштабно.

— А как твои-то дела?

— В ажуре. Сработано по всем правилам...

В школьные годы Борис Хохлов хорошо рисовал. Ему прочили славу художника. Но в дни оккупации способности рисовальщика пришлось обратить на иные дела. Пару справок, на полгода освобождающих от посещения биржи труда, он подделал с такой ловкостью — и себе, и Евгению Семнякову, — что Анатолий только руками развел:

— Это ж надо: «...Страдает заболеванием легких и нуждается в диспансерном лечении...»

Заручившись такими документами, подпольщики решили, что они смогут теперь сделать гораздо больше, чем делали до сих пор. Они поставили перед собой цель — установить связь с партизанами.

Стояла теплая осенняя погода.

С утра Анатолий объехал на велосипеде друзей и определил им задания на неделю. Вернувшись домой, стал собирать авоську.

Мария Павловна, заметив хлопоты сына, озаченно спросила:

— Ты куда-то собираешься?

— Иду, мама, в лес, к партизанам. Не беспокойся: проводник у меня надежный.

— Ну, а если кто спросит тебя?

— Отправился, мол, на Украину за продуктами.

В лыжной куртке, с авоськой, наполненной черными лепешками, на закате он подошел к кустарнику за городом. Связаный Григорий Гузий, бывший матрос, ставший партизаном после побега из плена, уже ждал его.

На место добрались почти через сутки. При партизанском же штабе находился областной подпольный центр, во главе с опытным партийным работником Петром Романовичем Ямпольским.

Ямпольский, довольно моложавый на вид, хотя и грузный, одетый в военную форму без погон, сидел на пенке и что-то записывал в тетрадь.

Он внимательно оглядел высокого, худощавого Косухина.

— А я-то представлял тебя богатырем! Выходит, самый обыкновенный... Слышали, слышали о вашей работе. Молодцы! Какую же помощь вы хотели бы от нас получить?

— Хотелось бы прежде всего получить добрый совет, — сказал Косухин. — Организация наша растет. А как ею дальше руководить?

И Петр Романович посоветовал создать городской подпольный комитет, распределить обязанности между его членами. Диверсионную службу возложить на самых смелых.

С магнитными минами, тремя пистолетами и полной сумкой литературы Анатолий возвратился домой.

Позади длинный и опасный путь. Но отдыхать

некогда. Анатолий помылся, переоделся, а тем временем дед ходил за Хохловым и Семняковым.

Увидев пистолеты, Борис крикнул:

— Даешь оружие!

Семняков толкнул Хохлова в плечо, и тот, опомнившись, стал оправдываться:

— Я ведь негромко. От радости.

— Подпольщику надо скрывать и радость,— произнес Косухин.

Комсомольский актив, собравшийся на конспиративной квартире, создал свой руководящий орган. Секретарем комитета был избран Анатолий Косухин. Борис Хохлов стал его заместителем по агитационной работе, Евгений Семняков — по диверсиям.

Руководить особой диверсионной группой, на которую возлагались самые ответственные операции, поручили Василию Бабию — сыну симферопольского железнодорожника. В начале октября сорок третьего года его группа отправилась на первое задание. Надо было взорвать нефтебазу.

Вечер стоял темный, ветренный, точно по заказу. Ребята подползли к базе, перелезли через забор, подкрались к нефтеналивному баку. Оставалось «примагнитить» мину и — возвращаться домой. И тут вышла заминка. Торопясь и волнуясь, Василий никак не мог выдернуть чеку.

...Утром Бабий, встретив Косухина, хмуро глянул на него и проворчал:

— Дал какую-то консервную банку вместо мины!..

— Не может быть,— вскинулся Косухин.— Я вместе с партизанами проверил каждую. Что ж, пойду сам на задание и докажу, что мина работает нормально.

Ночь выдалась такою же темной, как накануне. Косухин и Бабий перелезли через бетонную стену, залегли в траве, осмотрелись. Ползком преодолели открытую площадку перед огромной ямой, где штабелем лежали бочки с бензином. Спустились на дно ямы. Косухин достал мину, полой пиджака протер ее, завел часовой механизм и «прилепил» мину к бочке.

— Вот так, товарищ начальник,— весело шепнул Косухин Бабию.— Идем обратно.

В ожидании взрыва комсомольцы собрались у Косухиных. Мария Павловна покормила ребят похлебкой, напоила чаем с сушеной вишней.

Ровно в полночь все вышли в сад. Анатолий влез на ореховое дерево. Остальные уселись на скамейку.

— Прямо кино,— шутили ребята.

Но вот уже прошли все сроки, а взрыва нет! Анатолий старался не встречаться взглядом с Бабием. «В чем же дело? — думал он.— Ведь я все сделал по инструкции...»

Ребята просидели в саду до четырех часов. Продрогли от ночной прохлады. Наконец, Мария Павловна погнала их всех спать:

— Если что, я мигом разбужу вас.

Никто из ребят не проснулся, когда на расвете раздался сильный взрыв. Марии Павловне пришлось их расталкивать.

Протирая на ходу глаза, выскочили во двор и увидели клубы черного дыма и оранжевые языки пламени.

Как выяснилось позднее, на складе сгоре-

ло тридцать бочек бензина, шесть тонн мазута и три автомашины. Для начала неплохо.

За первой диверсией последовала вторая, третья, четвертая: взорвали склад горячего на Евпаторийском шоссе, вывели из строя бронетранспортер, сожгли на железнодорожной станции более сорока вагонов, шестьдесят тонн бензина и железнодорожные мастерские...

А в канун двадцатипятилетнего комсомольского юбилея Косухин встретился на конспиративной квартире с худощавым, заросшим бородой стариком в очках.

— Андрей,— назвал себя старик.— Мы как будто немного знакомы?

Это был секретарь подпольного горкома партии Иван Андреевич Козлов, старый большевик.

Декабрьское утро выдалось холодным, пасмурным.

Мария Павловна, стоя у шестка, пекла лепешки. Анатолий наскоро умылся, набросил на себя лыжную куртку, устроился на табуретке возле печки.

В кухонную дверь постучали. Пришел Семняков. «Что-то случилось,— с тревогой подумал Косухин.— Ведь он сегодня не должен был приходиться».

— Нигде нет Бориса! — шепотом, едва переводя дыхание, сообщил Евгений.— У них на двери замок.

Друзья отправились на розыски Хохлова. А ровно через час Анатолий вернулся домой и устало опустил на стул.

— Борис арестован,— сказал он матери.— Мне нельзя здесь больше оставаться.

В квартире Козлова состоялось экстренное заседание горкома партии. Анатолию было поручено предупредить членов молодежной организации о нависшей опасности. Он в тот же день обошел всех, кому угрожал арест, и велел временно укрыться в лесу.

Комендатура запретила гражданским лицам ходить по городу с шести часов вечера и до восьми утра. Усилилось патрулирование на улицах.

Тогда комсомольцы решили раздобыть немецкую форму и действовать под видом патрулей.

— Дело стоящее,— похвалил ребят Иван Андреевич Козлов.

Партизаны прислали им два немецких мундира. Однако для разросшейся организации этого оказалось мало.

— Есть идея,— сказал однажды товарищам Анатолий.— Немецких мундиров полно в казарме. Надо только суметь туда пробраться...

И вот пятеро молодых подпольщиков отправились ночью к зданию бывшей панорамы «Штурм Перекопа», где теперь располагалась немецкая казарма.

Впереди, с автоматами на груди — одетые в немецкие мундиры Бабий и Косухин. За ними, втянув шею в плечи, разыгрывая арестованных, понуро переступали Енджияк и Еригов. Замыкал шествие Алтухов, служивший в полиции и явившийся в «своей» форме.

На улице им встретился немецкий патруль. Василий Бабий не растерялся и окликнул:

— Хальт! Пароль!

— Стокгольм! — ответил один из немцев.

Теперь пароль был известен.

Подошли к казарме. «Дивильные» под охраной «полицейского» остались ждать у круглой тумбы, а Косухин и Бабий направились прямо к часовому.

— Пароль! — окликнул их часовой.

— Стокгольм!

Держа в зубах папиросу, Косухин попросил спичку. Часовой сунул руки в карманы. В это время Бабий наставил на него автомат.

— Хенде хох!

Немец опешил, вытаращил глаза, пустился в объяснения:

— Патруль не имеет права разоружать часового. Часовой — лицо неприкосновенное...

— Хенде хох! — снова скомандовал Бабий. Часовой поднял руки.

Оставив его под надзором Алтухова, остальные четверо ворвались в казарму. В помещении горел электрический свет. Солдаты кто спал, кто играл в карты, кто читал газеты.

— Внимание! Слушайте нашу команду! — крикнул по-немецки Косухин. — Всем сесть к спинкам кроватей и поднять руки вверх.

Уходя, предупредили немцев:

— Из помещения никому не выходить! Двери и окна заминированы.

Утром весть о дерзком налете на панораму распространилась по городу.

Когда Анатолий явился к Козлову на доклад, тот сначала обрадовался встрече. Нервно подергивая худыми плечами, спросил:

— Слышал про панораму?

— Слышал.

— Ну, и как?

— Хорошо получилось.

— Хорошо-то хорошо. Но кто это был?

— Мы, Иван Андреевич! — с гордостью ответил Анатолий. — Бабий, Енджияк, Еригов, Алтухов и я.

Лицо Козлова мгновенно изменилось. Морщины, казалось, стали еще глубже. С нескрываемой досадой старик опустился на стул и, не спуская глаз с Косухина, выговорил:

— Поступили вы храбро, ничего не скажешь.

Немцев перепугали насмерть. Но — нарушили дисциплину подпольщиков. Анархизм проявили! За такие штучки, знаете...

Подпольщики проникали туда, куда, казалось, проникнуть было невозможно. Так, они установили связь с лагерем-лазаретом, в котором содержались пленные советские офицеры.

Капитан Костюк от имени узников передал записку: «Нам предложено вступить добровольцами в германскую армию. Мы отказались. Всем грозит расстрел. Ждем от вас помощи. Действуйте через Колю».

Коля Смирнов, подросток-солдат, был ранен во время десанта и попал в лагерь-лазарет вместе со своим командиром. Немцы разрешили ему выходить на свидание с «теткой» и получать от нее передачи. Симферопольские подпольщики отправляли в лагерь через Колю записки в пирогах, ватрушках, картофелинах и сообщали узникам городские новости. И вот однажды они написали: «Будьте готовы вечером двадцать пятого...»

В оперативную группу вошли Анатолий Косухин, Василий Бабий, Владимир Енджияк и Борис Еригов. Поздно вечером все собралось в доме Ериговых. Переоделись в немецкую фор-

му, вооружились автоматами. Косухин напомнил пароль на предстоящую ночь и маршрут движения по городу.

...У лазарета стояли двое часовых и о чем-то разговаривали. Заметив группу солдат, один из немцев спросил пароль. Бабий назвал: «Париж». Приблизились к часовым, взяли автоматы наизготовку, приказали часовым поднять руки и отвели их в группу прикрытия.

Анатолий ножницами перерезал колочую проволоку на окне. Восемь офицеров, один за другим, а вместе с ними капитан Костюк и Коля Смирнов, выбрались из лазарета.

Наши войска все быстрее двигались на запад. За три месяца зимней кампании были одержаны крупные победы на Украине, полностью освобожден от блокады город-герой Ленинград. Началось массовое изгнание оккупантов из Белоруссии.

А в Крыму немцы в эти дни еще более усилили террор. Они зверски расправлялись с каждым попавшим под подозрение жителем. Гестаповцы напали на след Василия Бабия. Подпольный горком комсомола принял решение — переправить командира диверсионной группы к партизанам. Не хотелось Василию покидать друзей: ведь в скором времени предстояло провести операцию по разгрому офицерского казино. Бабий готовил эту операцию очень долго. Разведвал все подступы к зданию, выяснил расположение караульных постов. Но приказ есть приказ.

Не миновала угроза ареста и самого Анатолия Косухина.

Перед уходом в лес он решил навестить друзей.

— Я к обеду вернусь, — шепнул он матери. — Не волнуйся.

Мария Павловна прибралась в квартире и принялась готовить обед, когда в саду залаял Тузик. Она глянула в окно и обмерла: по аллее шагали два немца.

— Где ваш сын? — спросил гестаповец.

— У кого-то из товарищей, — тихо ответила Мария Павловна. От неожиданного потрясения задергалось веко. Гестаповцы проверили домовую книгу, осмотрели квартиру и ушли. Минуту два часа. Анатолий не приходил. В половине третьего снова залаял Тузик. По аллее шли немцы. Торопясь, будто их кто-то подгонял, рассыпались по комнатам, начали осматривать содержимое шифоньера, книжного шкафа, ящиков письменного стола, буфета. Перелистали книги, лежавшие на столе, заинтересовались тетрадью Косухина по немецкому языку, но, видимо, не нашли ничего подозрительного.

«Что будет? — в страхе думала мать, глядя на часы, — Толенька, ну задержись где-нибудь, не приходи!»

Раздался мягкий стук в окно. Сердце матери сжалось, губы задрожали. Она приблизилась к окну, выглянула. На улице стояла соседка. Условленным знаком она показала: Анатолий все знает и не придет.

До позднего вечера немцы допрашивали хозяйку, снова и снова обыскивая все углы, подвал, чердак.

На другой день сестра Марии Павловны сообщила:

— Анатолий ночь провел в овраге. Сейчас —

в городе. Готовится к уходу в лес. Велел тебе идти к дому с синим забором. Там тебя встретят.

Мария Павловна выдвинула в коридор деревянную лохань, заполненную бельем, на сдвинутые табуреты поставила корыто, создав видимость, что приготовилась к стирке. На столе оставила записку: «Толя! Я ушла на рынок. Ключ в обычном месте. Мама».

Через некоторое время покинул свою хату и дед Анатолия Павел Лаврентьевич. Вместе с группой подпольщиков он отправился к партизанам.

Восьмого апреля 1944 года советские войска начали наступление на Перекопе и Сивашском плацдарме. Прорвав оборону противника, части и соединения 4-го Украинского фронта вышли на степные просторы Крымского полуострова, с Керченского плацдарма двинулась в наступление Отдельная Приморская армия.

Тринадцатого апреля пехотинцы 51-й армии и танкисты 19-го корпуса овладели Симферополем.

После окончания войны Анатолий Косухин закончил Московский энергетический институт. Работал конструктором на турбомоторном заводе в Свердловске, старшим преподавателем на кафедре строительной механики Уральского политехнического института. С 1964 года Анатолий Николаевич — ректор Тюменского индустриального института.

Кандидат технических наук Василий Бабий сейчас живет и работает в Москве. Владимир Енджияк и Василий Алтухов стали агрономами. Петр Романович Ямпольский работает начальником областного управления местной промышленности в Белгороде. Смертью героев погибли в конце войны Евгений Семняков, Борис Хохлов и Борис Еригов.

В канун двадцатилетия победы над фашистской Германией все симферопольские подпольщики были награждены боевыми орденами и медалями.

Анатолий Николаевич Косухин удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

ЗАГАДКИ САВКИ

Всем известно, как выводят своих птенцов куры, утки, гуси. Но есть, оказывается, птицы, которые никогда не высидивают снесенных яиц.

Так, в южных странах, на островах Тихого океана и в Австралии, живет особое семейство большеногих или сорных кур. Они откладывают яйца в песок или кучи мусора, закапывая их на глубину 35—60 сантиметров и глубже.

Некоторые из кур закапывают яйца обкладывая листьями, корой, веточками и засыпают землей или песком. В одном гнезде обычно бывает от шести до двадцати яиц, все они лежат тупым концом вверх. Тепло, необходимое для развития птенца, видимо, дают солнечные лучи или разлагающийся мусор.

Но не думайте, что обязанности птиц на этом заканчиваются. Родители следят за температурой в ямках, в куче песка или мусора, регулируют ее в нужных пределах. Обычно это всего лишь 20—30 градусов,

поэтому и выходят из яйца через 42, а иногда даже через 70 дней. Но зато они вылупляются уже оперенными и способны перепархивать с места на место.

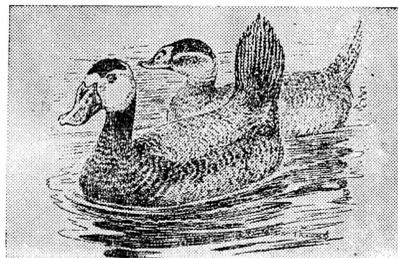
Так же заботится о потомстве и кулик-ржанка или египетский бегунок.

В южных районах страны и на озерах Южного Зауралья обитает савка. Эта небольшая нырковая утка ведет скрытый образ жизни, поэтому многие стороны ее биологии до сих пор неизвестны. Например, ее почти не встречали на гнезде: яйца лежат, а самки не видно. Чем это объяснить? Может

быть, при приближении человека она незаметно уходит с гнезда и бесшумно ныряет в воду? А может, она вообще не высидивает своих яиц? Известен такой случай.

С водоема принесли яйца савки и оставили в комнате. Дней через десять из них, к удивлению, вышли утята. Возможно, савка сидит на яйцах лишь первые дни, а дальше яйцо превращается в своего рода «инкубатор-автомат»? Но это — пока предположение.

Савка интересна не только особенностями размножения. Остаются загадочными и некоторые другие стороны ее жизни. Как известно, все виды гусеобразных — гуси, утки, лебеди, крохали, которые обитают в нашей стране летом, линьку проводят здесь же. При линьке крыльев у них выпадают одновременно все маховые перья, и птицы временно теряют способность летать. А вот савок в таком состоянии никто еще ни разу не встречал.

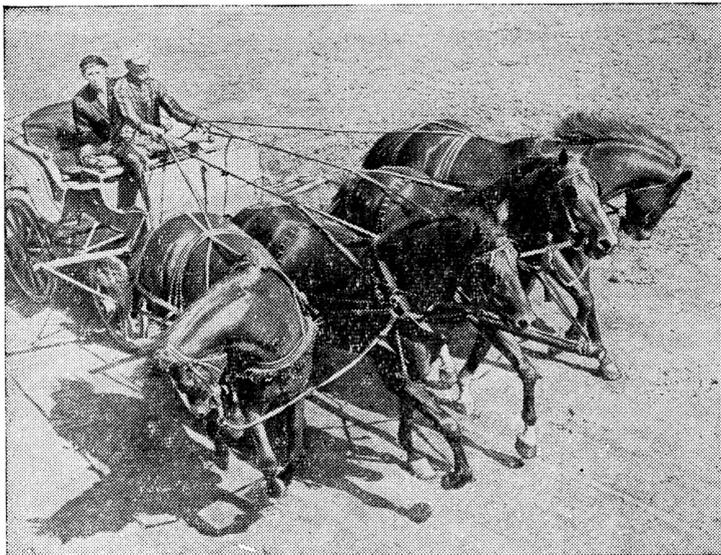

В. ПАВЛИНИН

Эх,

ТАЧАНКА —

РОСТОВЧАНКА!

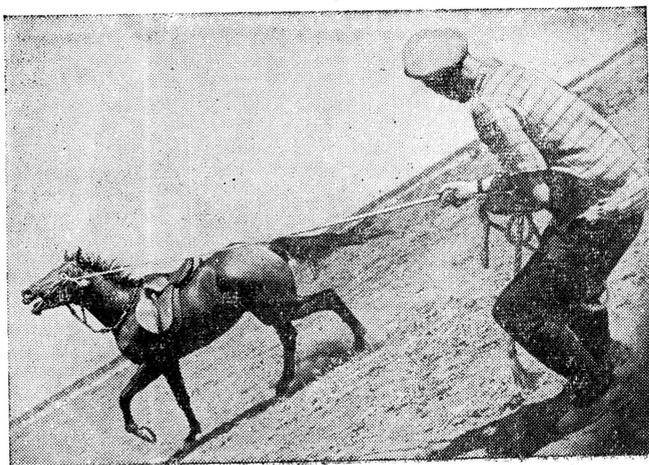

«Боевая колесница, пулеметчик молодой!» Ее помнят все, кто в огненные годы защищал от врагов молодую Советскую республику. Тачанка была грозной силой и завоевала себе легендарную славу. Вот почему она волнует в наши дни не только маль-

чишек, но и зрителей постарше, когда они видят «боевую колесницу» в «Чапаеве» и других фильмах о гражданской войне.

Тачанка живет и сейчас. Ее можно увидеть на юбилейных конных соревнованиях. Три года подряд первенство на них выигрывала четверка конзавода имени С. М. Буденного с Дона. Организованный в 1920 году, завод этот уже в 1935-м за свой вклад в красную кавалерию был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1949 году — орденом Ленина за выведение новой породы лошадей. Там и заснял я эту четверку — чемпионов Советского Союза. Слева направо: Редактор, Пломбир, Рябчик, Рабкооп.

На другой фотографии — укрощение строптивой. Потом ей дадут кличку и, кто знает, может быть, и она завоеует себе славу на боевой дорожке.

„ПУТЬ ОТКРЫТ! СЛЕДУЙТЕ СВОИМ КУРСОМ”

Есть в новой книге писателя Виктора Тельпугова «Парашютисты»¹ небольшой рассказ «Азбука Морзе». Приехал в Крым московский школьник, увлекся азбукой Морзе и с утра до вечера подавал флажками сигналы каждому проходящему суденышку. Правда, с моря юного сигнальщика не замечали, но надежда не покидала мальчишку. И вот однажды с крошечного грузового катера «Медуза», что возил арбузы из Судака в Феодосию, пришел неожиданный ответ:

«Скажи своему вожатому, чтобы учил тебя лучше. Букву «эр» совсем не выговариваешь, завтра свяжемся в это время. Матрос Гусев».

И мальчуган начал старательно учиться, а Гусев ежедневно проверял его. Потом пионерский отряд вернулся в Москву, а следующим летом снова приехал в Крым. Какое же было удивление паренька, когда в ответ на его приветствие с борта знакомой «Медузы» «отсемафорили»:

«Гусева нет на катере. Ушел на военную службу. За тобой проследить придется мне. Моторист Переверзев», — отчеканил сигнальщик, усиленно налегая на букву «эр» в каждом слове.

Переверзев тоже изо дня в день тренировал своего юного подопечного и перед расставанием сообщил:

«Теперь толково. Бывай здоров».

Война сделала бывшего школьника сигнальщиком на Крайнем Севере. Работал и воевал он отлично. И все мечтал после победы вернуться в Крым, найти Переверзева, поблагодарить его за

науку. Но вот как-то в ответ на свои сигналы он получил неожиданный ответ:

«Такого чистого «эр» я не слышал еще никогда на свете. Поздравляю. Сегодня же сообщу Переверзеву. Гусев».

И писатель завершает рассказ проникновенными словами:

«И опять разошлись наши жизненные пути. Надолго ли? Не знаю. Знаю только, что Гусев с Переверзевым могут объявиться в любую минуту, на любом корабле, поэтому я хоть и считаюсь опытным сигнальщиком, каждый день занимаюсь морзянкой, увеличиваю скорость передач, тщательно отрабатываю каждый знак, каждую букву, чтобы всегда без запинки можно было сказать своим знакомым и незнакомым друзьям на чистом, как музыка, языке Морзе:

— Путь открыт. Следуйте своим курсом!»

Я не случайно столь подробно остановился на этом рассказе. Он типичен для творчества Виктора Тельпугова, умеющего найти в обыденной жизни нашей необычное, яркое, романтическое, вызвать у читателя стремление творить добрые дела. Прочитайте те два десятка рассказов, что вошли в сборник «Парашютисты», и вы убедитесь в этом.

Вот рассказ «Но пасаран!» Седой мужчина, мечтавший в пионерские годы помочь республиканской Испании, сетует другу на сына:

— А все-таки не та нынче молодежь, не та! Большой ведь уже совсем, к пятнадцати подбирается, а увальень какой-то. Учится, не жалуюсь, хорошо, и дружки его все отличники, но вот

нашей романтики у них, брат, нет и в помине... Духа того, нашенского, не хватает им, духа!

Тем временем выясняется, что юный герой рассказа с нетерпением ждет ответа из посольства революционной Кубы, на помощь которой стремится его горячая душа. Вот тебе и «нет романтики»!

Герои рассказов Виктора Тельпугова — разные люди. Но все они — будь то Михаил Иванович Калинин («Большая семья») или легендарный герой Великой Отечественной войны генерал Доватор («Пика Доватора»), прославленный полководец Кутузов («Исаев») или старый конюх ипподрома Березин («Серый в яблоках») — все они являют собой пример высокого гражданского мужества.

Виктору Тельпугову есть о чем рассказать своим благодарным читателям, особенно юным. Рядовым солдатом-парашютистом ушел он в бой с фашизмом и прошагал в рядах нашей армии весь ее нелегкий героический путь. Первым шагом молодого солдата, вступившего в грозное, кровопролитное сражение с коварным и жестоким врагом, посвящена его повесть «Парашютисты», давшая название всему сборнику.

Хочется, чтобы каждый, кто прочтет эту умную и хорошую книгу, ощутил в себе желание стать выше, чище, лучше, свершить такое, после чего с легкой душой можно было бы сказать всем далеким и близким друзьям:

— Путь открыт. Следуйте своим курсом!

¹ Изд-во «Московский рабочий» — 1968, 22 стр.

А. ЩЕРБАКОВ

КАМЕНЬ

И

ВОДА

П

рочный, поистине вечный памятник поставил себе при жизни Игнатий Калашников. Все, что ни есть в нашем селе каменного — фундаменты, завозни, кладовые, подвалы, водокачки, силосные башни и траншеи, — все хранит тепло его рук, следы ударов его кайла, линии, намеченные точным глазом мастера.

Каменолом... Странное и необъяснимое это чувство — привязанность к своему делу. Казалось бы, как можно с душой и любовью ломать камни и ворочать ломом тяжеленные плиты? Не случайно же Сизифу избрали боги в наказание изнурительнейшую и однообразнейшую работу — катать камень.

И тем не менее, Игнат любит свое дело. Даже тоскует по нему. Мало того, Калашниковы испокон веку каменоломами были и передавали кайло из поколения к поколению, словно монарший скипетр. Вниз по речке, в косогоре над Мишкиной мельницей, еще и по сей день видны полузаросшие орты, завалившиеся забои, в которых когда-то трудился отец Игната — Карпей Калашников. Именно забои, а не карьеры, потому что Карпей любил, по странной прихоти, добывать камень не открытым способом, а в своеобразной пещере, которая сообщалась с внешним миром только небольшим лазом. Работал он

при фонаре и обычно один. Хотя вообще-то его нелюдимым назвать было никак нельзя. Карпей тянулся к новым людям, к неизведанным краям. У него, высокого, кряжистого, широкоскулого, с жидкой, как у всех Калашниковых, азиатской бородкой, была душа настоящего землепроходца. В молодости, «шляясь» по золотым приискам, он добирался пешком до самой Олекмы, за многие тысячи верст. Правда, не озолотился. Вернулся, говорят, в одних портках, которые точнее было назвать ветошью.

Игнатий во многом похож на отца. Такой же рослый, рыжий, широкий в кости. С такой же жидкой бородкой и серовато-синими глазами. Та же недюжинная сила потомственного каменолома. В молодости Игнат поднимал одним махом колокол в четырнадцать пудов и четырнадцать фунтов весом, который долго лежал в колхозной пожарке, пока не угодил в утиль.

Игнатий и теперь довольно крепок, хотя отсчитывает седьмой десяток. Поныне не оставляет он своего каменоломного ремесла. О некоторых «тайнах» его дела, известных мне, попытаюсь рассказать.

Прежде всего — как ищут камень. В общем, довольно просто. На старых косогорах, среди жесткой травы, выступает на поверхность «турфа» — каменный рухляк, щебенка, которые и

служат сигналом: ищи здесь! Однако далеко не всякий найденный камень годится в дело. Чтобы найти настоящий, Игнатий обычно простукивает косогор ломом. Если камень не ценный, «слабый», то лом пробивает его или же стучит по нему глухо, как по дереву. Настоящий же, крепкий камень на простукивание отзовется характерным звоном, понятным опытному уху мастера.

Камень найден — можно приступать к разработке. Набор инструментов каменолома несложен: кувалда, кайло, лом, железный клин, лопата, ну, и тачка. (Иное дело у каменотеса: шпунты, кияни, бучарды, пунчеты, скарпели. Одни названия чего стоят!)

Перед тем как брать камень, нужно оголить его, очистить от земли. Неумелый работник не придаст этому большого значения. Откроет небольшое оконце, лишь бы показалась плита, и начнет бить сплеча до седьмого пота, пока не бросит кувалду, вконец обессиленный. Невдомек ему, что пласты, огромные каменные слои, бывают нередко по пять-шесть метров в поперечнике, а тумбы, каменные чурбаны подчас такой же высоты.

А мастер не пожалеет времени, как бы он ни спешил, раскроет пласт до последней щелки, вычистит каждую трещину и только потом прикинет, как и где бить. Если это плита, то он приподнимает ее без особых усилий ломом, подложит осторожно камень и лишь тогда начнет дробить. Однако, когда нужно у плиты отрезать край ровно, «под лицевой», то он уложит камень на мягкую землю и так ловко стукнет, где нужно, что кромка станет как после алмаза. Иначе можешь плиту разбить в щебень.

Если это тумба, то и к ней можно подступиться, хотя и выглядит она непрошибаемой. У тумбы сбоку бывают послойные щелки. Наставляй в них железный клин и бей. А уж коли она действительно цельная, как отлитая, начинай «раскрой» с углов, неправда — все равно поддается! Конечно, в этом случае желаемой формы камень получить трудно. Ну, что ж! Под фундамент для «забутовки» пойдет за милую душу. Булыжник — тоже в строительстве уважаемый материал.

Когда же после выборки образуется траншея, камень доставать легче. Вокруг стоят как бы три стены, сложенные природой. Каменолом снимает с них слой земли и начинает пласт за пластом выламывать камень, дробить его соответственно назначению.

Игнатий обычно работает в открытых карьерах, но иногда углубляется в гору, вслед за слоем, образуя своего рода тоннель. Подобная разработка бывает легче тем, что меньше приходится откидывать земли, но зато при ней каменолом испытывает больше неудобств в дви-

жениях, и кроме того, — над ним висит постоянная опасность обвала, тем более, что обычно никаких крепей не делается.

Обвалы случались раньше и у Игнатия. Но за долгие годы работы мастер прировнялся к ним. По словам каменолома, земля «скашивает» сама. Если чуть запорошило, посыпалось, — уходи под добру-поздорову, садись в надежном месте и кури, пока потолок не рухнет. Опаснее с камнем. Тот не скажет. Недаром же говорится: молчаливый, как камень. Видишь, что навис, не надейся на его смиренное поведение, лезь и убирай сразу, не то ухнет — моргнуть не успеешь.

Игнатий работает в каменоломне не только летом, но и зимой. Чтобы заранее «загнать» тепло, делает он с осени своеобразный сарай, то есть закрывает карьер крышей, обычно — соломенной, присыпая ее сверху землей. Особенной теплоты, правда, не бывает (камни на морозе «накаляются» и даже в оттепели держат низкую температуру), но все же, что ни говори, крыша над головой — великое дело.

Одевается Игнатий просто: шапка, фуфайка, брюки с двойными наколенниками (и все равно — на неделю, не больше), катанки, на руках — голочки, кожаные рукавицы без подкладки. Шахтерской каски с лампочкой на лбу у него нет, освещает свою «горницу» обыкновенным керосиновым фонарем «летучая мышь».

Как и у отца когда-то, у Игнатия в каменоломне — чистота, порядок, аккуратность. Дело, конечно, не только в красоте, а прежде всего в удобстве и в безопасности. Игнатий за всю свою жизнь брал камень и вниз по речке, где трудился раньше его отец, и на урочище Мещанка, и под сопкой (у нас это сочетание произносят как единое слово — подсопка). Последние годы работает исключительно под сопкой, которая находится километрах в десяти от села. Каждый день ходить или даже ездить на работу при таком расстоянии мало резона, поэтому Игнатий ломает камень «с ночевой». Закладывает в телегу лошадку, берет инструмент, запас хлеба, лука, яиц, молока — и отправляется на неделю-другую. Живет рядом с каменоломней в землянке, которую делает сам. Обогревается железной печью.

Люди случаются в этой стороне довольно редко. Разве что иногда заглянет пастух, которому наскучило одиночество. Спутает коня в лоштинке, присядет, спустив ноги в карьер, на каменной стене, выкурит две-три папироски, поговорит о том, о сем, отведет душу — и снова ногу в стремя да к табуну.

Но Игнат — человек бывалый. Ему часто и подолгу приходилось жить одному, и если не излечился он окончательно от скуки одиночества, то, во всяком случае, привык к ней настолько, что почти не ощущает ее. Да и просто трудно

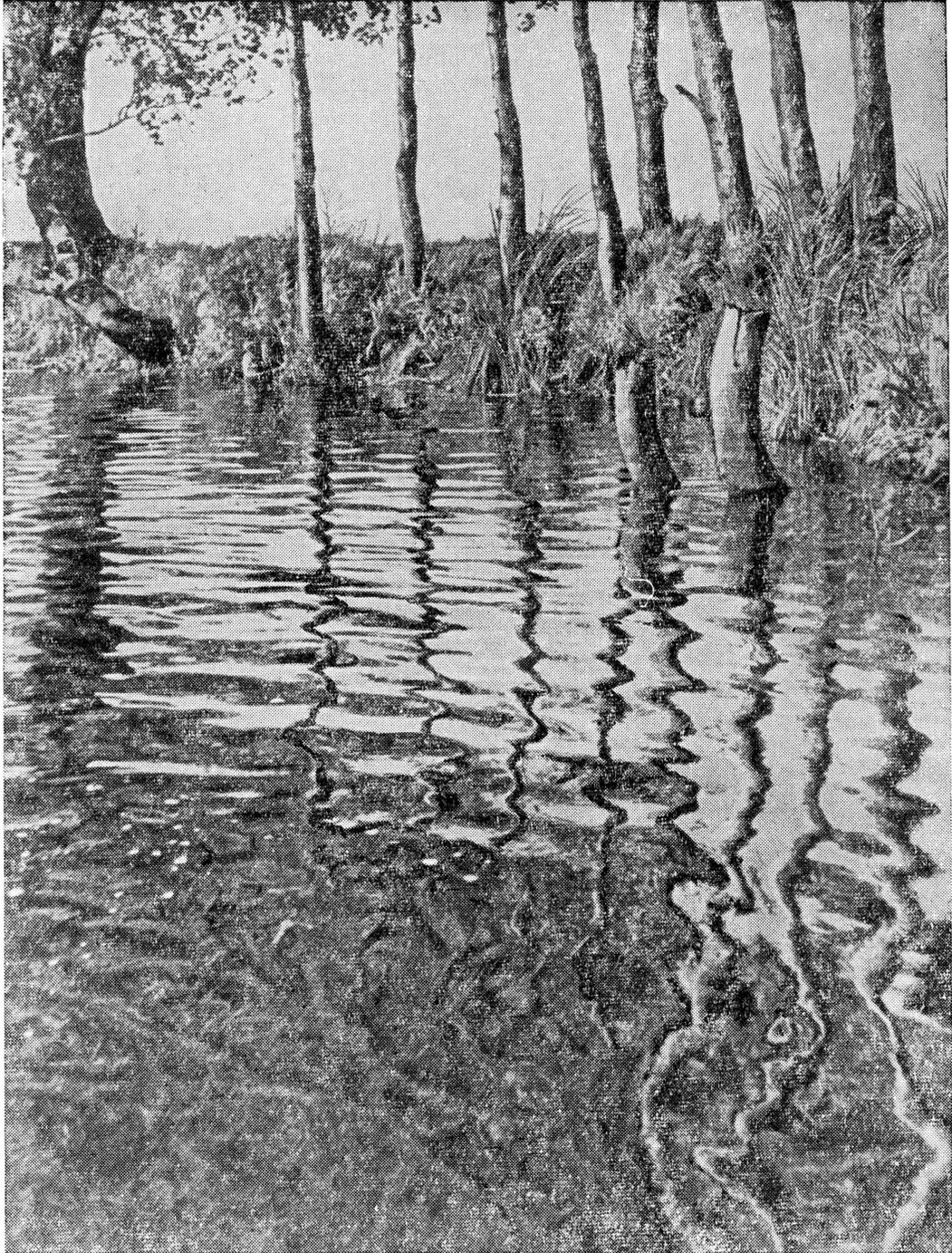

Фото И. ТЮФЯКОВА

в наше время почувствовать себя оторванным от мира. Слишком часто он напоминает о себе. То машина протарахтит по дороге, сотрясая густой березник, то самолет прогудит над сопкой, выбросив в небо белую ленту. А поднимись чуть повыше на гору, то и вовсе перед тобой предстанет весь мир, как на ладони, обжитый людьми. С вершины видно не только Таскино, но и другие окрестные села: Кидрино — в низине, под бором, Кочергино — на берегу стеклянной Тубы, Мурино — в зеленых садах, и даже Курагино, синеющее за цепью крутых косоогоров.

Когда-то во все эти села скрипучие подводы увозили камень, извлеченный Игнатом из недр. Теперь же все чаще стал отказывать он соседям. Не справляется. Силы помаленьку иссякают, да и своему колхозу год от году все больше нужен ценный строительный камень.

Житье под сопкой неплохое. И черемша здесь растет, и ягода разная, и грузди, и охота есть, вот только нет поблизости хорошего ключа с питьевой водой. Правда, Игнатий нашел оригинальный выход. У подошвы сопки, в лесной тени, установил он, в аккурат напротив неглубокого овражка, огромную воронкообразную плиту, найденную в карьере. После дождя в ней, как в чаше, накапливается вода. Когда она отстоится, то бывает светла настолько, что вполне годится для умывания, а при случае и для питья. По крайней мере, лошадь эту чашу выпивает одним духом.

Кстати, о форме камней. Описанная чаша — далеко не единственное чудо каменоломни. Игнатий рассказывает, что в молодости, еще работая вниз по речке, он собрал редкую коллекцию каменных изделий прихотливой мастерицы природы. Здесь были и сапоги, настоящие, голенища — гармошкой, и рюмки с хорошей ступой, и ружья с курками и даже с мушками, и пистолеты, и головы — лошадиные и коровьи с рогами...

Под сопкой же долго хранил он уникальный каменный цветок. Лепестки его, синие с желтым и белым, живо напоминали анютины глазки. Фиалкообразный венчик звенел, как колоколец.

Особая дымчатая синева камня говорит о высоком качестве его. Под сопкой у нас залегают вообще отличный камень, в большинстве так называемый «сухой». В противовес ему бывает и «сырой» камень. Но из этого отнюдь не следует, что определения сухой и сырой просто соответствуют высокому или низменному месту, в котором он взят. Как ни странно, но сырой камень можно часто найти и на вершине горы, на самом солнцепеке, и наоборот, в низине, у реки или озера, — сухой. Мало того, сухой камень нередко встречается даже в воде. Однажды Игнатий, спускаясь все ниже вслед за жилой, нашел

отличный сиреневый камень прямо на дне речки. Чтобы добыть его, он вынужден был отвести русло в сторону и позвать на помощь жену, Евгению Ивановну, которая, пока он вынимал глыбы, отчерпывала ведром «донную» воду. Когда Игнат стал дробить вынутый из воды камень, зернистый скол был абсолютно сухим.

Однако сырой — еще не значит плохой. Сырой камень, как бы вспотевший от внутренней насыщенности влагой, может быть довольно крепким и твердым. Он употребляется не только в качестве щебня или булыжника для забутовки траншей под фундамент, но и как строительный, для кладки стен.

И все же есть область применения, где называется практическая разница между тем и другим. Во дворе у Игнатия стоит каменная баня, и каменка в бане — тоже каменная, настоящая. Едва ли более жаркую найдешь в деревне. Но жаркая — не единственное достоинство Игнатовой бани, в которой раньше мылся чуть ли не весь околоток — и Артемьевы, и Закутилыны, и Кокуровы, и Бутковы, и многочисленное семейство Савватая Щербакова с целой дюжиной ребятишек.

Помимо способности долго хранить тепло, эта баня, сколько бы ее ни натапливали, ни жаривали — не бывает никогда угарной. Пар в ней сухой, жгучий, но легкий. Секрет в том, что Игнат поставил свою баню с тонким знанием дела. Он употребил на строительство особый слоистый плитняк. Слоистый затем, что, вопервых, он хорошо держит тепло, во-вторых, не трескается от быстрой смены температуры, не крошится. Это качество особенно важно для каменки. В нее полагается класть не только слоистый, но и исключительно сухой камень, не дающий угарного пара, в отличие от сырого, который, как ни кали его, на каждый ковш воды неизменно отвечает коварной порцией газа.

И если прадед мой выдерживал по пять-шесть поддач, перемежая их «нурянием» в прорубь (баня стояла на берегу реки), а отец и сегодня, в шапке и рукавицах, поднимается на полк три-четыре раза, то это лишь благодаря тому, что в «барабане» каменки они держат благородный сухой плитняк, добытый Калашниковыми.

И много еще загадок и тайн заключено в природе камня, этой, казалось бы, незатейливой, всем знакомой горной породы. При разработке карьера вглубь перед последним слоем камня, за которым уже начинается рыхлая земля, похожая на золу, и малый щебень пепельного цвета, встречается интереснейшая порода, которая легко обманет внешним видом не только неосведомленного заказчика, но и самого камнебойца, если он малоопытен, Красноватый камень,

вполне крепкий на ощупь и даже звенящий под ломом, оказывается, совершенно не переносит влаги. Игнатий теперь такой камень видит сразу и отбрасывает, не размышляя. Но прежде чем приобрести эти знания, он тоже когда-то «горел». Наломал, наставил в штебеля и уже сообщил в колхоз, чтобы отправляли транспорт. Каково же было его удивление, когда, вернувшись назавтра к карьеру, на месте каменных «поленниц» он увидел расплывшуюся шаньгой крупитчатую массу, похожую на творог, только цвет у этого творога был иссиня-черным, как у картофельной мезги. Игнатий не поверил глазам, и уже было мелькнула у него мысль: не обокрал ли кто (хотя предмет кражи, согласитесь, весьма странный), да не подсмеялся ли над ним вдобавок! Но потом вспомнил, что ночью прошел сливной дождь, и камень просто размок, «разварился», как известка.

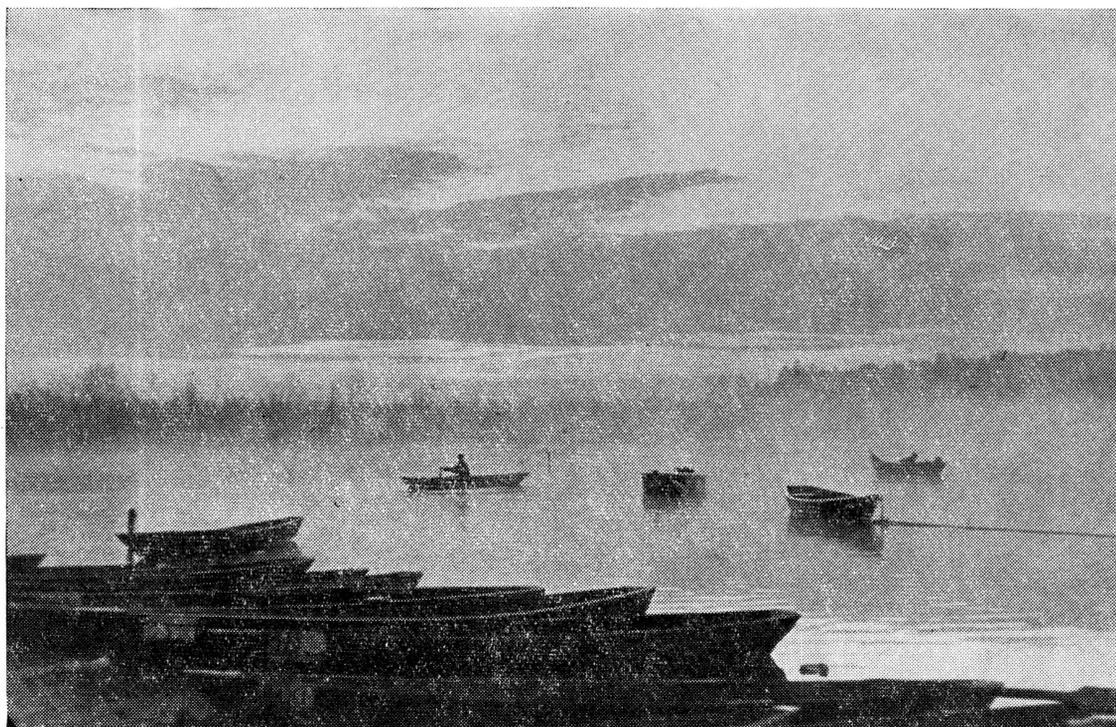
Под слоем этой обманчивой породы, как уже говорилось, идет обычно еще один слой здорового камня, но уже последний. Он тоже примечателен в некотором роде. В пазах этого пласта, в щелях между плитами, встречается особая бело-желтая или розовая глина — мягкая и вязкая, словно лиственная сера. Так вот эта глина... съедобна! Она сладковата на вкус, на зубах не хрустит, как обычная, и имеет приятный запах, отдаленно напоминающий грибной. Игнатий пом-

нит, что, возвращаясь с работы, отец частенько приносил завернутый в тряпицу кусок такой глины и раздавал ребятишкам по колобку, как лакомство.

И теперь, если случится Игнатию напасть на такую глину, он непременно кусочек-другой отправит в рот. Вкус ее живо напоминает ему детство, жидкобородого могучего отца и весь тот каменный мир, который окружал его с первых шагов жизни.

Не так давно беседовал я с Игнатием Карпеевичем. Он только вышел из больницы. Случилось вот какое несчастье. После длительной оттепели — вдруг разом заморозило. Камень обледенел. Инструмент тоже скользким стал, насили в руках удерживаешь. Вколачивал Игнатий железный клин между двумя тумбами, а он отскочи — да по ноге! Крепко садануло, без малого три месяца в районе отлежал, в больничной палате. Теперь ничего, чуть прихрамывает только.

— Налезался досыта, по камню соскучился. Собираюсь сходить поломать. Пора уж и себе плиту хорошую подыскать, синюю с белыми цветами, чтоб, если чего, так было что поставить в ноги, — говорил, невесело улыбаясь, Игнатий и поглаживал прозрачную бородку. А я впервые заметил, что глаза у него серо-синего, как камень на свежем сколе, цвета.

— Помощники-то есть? — спросил я его.

— Бывают, да все временные. Сын приезжал, дня три помогал, колотил. Потом Ермолай Попов пробовал. Два месяца продержался, а после потихоньку сбежал на ферму. Сейчас вот Ананька Жуйков просится поучиться. Парень молодой, крепкий. Может, будет с него толк.

Разговаривая с Игнатием Карпеевичем, слушая его невеселый рассказ о неудачных учениках, чурающихся каменоломного дела, я невольно подумал: а не ждет ли его судьба Тимофея Патухина, тоже, по нынешним понятиям, чудака, не от мира сего?

Буйная, рыжая, с проседью борода, тяжелое с хрипами дыхание, глухой голос и голубоватые, усталые глаза — таким запомнился мне Тимофей Патухин, старый матрос, участник русско-японской кампании. Как появился он в наших местах, почему осел именно в Таскине — не знаю. Жил Тимофей бобылем, родных не имел, кормился «доброхотными даяниями».

Иногда нанимался к хозяикам на какие-нибудь домашние работы. Чаще всего — колоть дрова. Надо сказать, что делал он это артистически. Сперва оглядывал чурку со всех сторон, изучая расположение сучьев, прикидывал, как она лучше пойдет, с комля или с вершины, и только потом, ахая, с силой опускал топор. Колол без промашки, откидывая сверкающие белизной поленья, шумно дышал и приговаривал: «топор хорош, дрова — то ж».

Но излюбленным делом Тимофея было возведение плотины. Занимался он этим добровольно, без чьей-либо просьбы или подсказки и с большим удовольствием. Может, веселое, кипящее весеннее половодье напоминало ему море.

Когда проходила коренная вода, Тимофей вооружался тележкой, заступом, ломиком и появлялся на речке. Возил назем, камни, все это укладывал в «тело плотины» по своим, одному ему известным законам. Гряды, щетинясь прутьями, вырастала на глазах. Скапливаясь, разлива-

лась вода, затопляла мелкие островки и кусты тальника. Тимофей привозил на тележке желоб, сделанный из старой, разохшейся колоды с обрезанными козырьками, и ставил его посередине плотины. Потом он строил мостки, укрепляя на столбиках, которые в мае покрывались перышками зеленых листьев, широкую плаху, чтобы на ней сельские женщины гулками вальками колотили бельё и половики.

Все лето, когда ребяташки плескались в пруду, как утята, с утра до ночи, Тимофей следил за плотиной, подравнивал, где осела. А следующей весной возводил новую, взамен той, которую уносили полые воды. По привычке в деревне до сих пор и речку называют Тиминой, и пруд Тиминым.

Правда, когда Тимофей умер, плотину весной прорвало и никто не стал чинить ее жалкие останки. Теперь от Тиминого пруда и следа не осталось, одно название. Колхоз построил новый, в другом месте, ниже по речке, с бетонной, незыблемой плотиной. В тихих заводях, уже подернутых тиной, чомкают летом караси, толстые и важные, как каплуны, пробуя на вкус свежие побеги водокраса. А над просторной водной гладью даже носятся острокрылые крикливые чайки, взявшиеся в наших сухопутных местах бог знает откуда.

Мне очень хотелось, чтобы и новый красавец пруд, как его скромный прародитель, был назван именем чудесного, бескорыстного старика Тимофея Патухина.

— Это правильно, — согласился Игнатий Карпеевич. — Не будь Тимофея, может и этого пруда бы не было. Тимофей приучил нас к воде. Тимин это пруд — верно ты заметил.

«Все проходит» — было начертано на кольце мудреца Соломона. Но остаются от пролетающих лет следы человеческого труда, памятники таким людям, как Тимофей Патухин и Игнатий Калашников. И разве это не самые прекрасные на земле памятники?

Большой русский ученый, знаток и исследователь Урала, академик А. Е. ФЕРСМАН [1883—1945] обладал исключительной работоспособностью. За свою, к сожалению, не такую уж долгую жизнь он опубликовал более 1500 работ. Но он был не только ученым-теоретиком. Его знали как организатора и руководителя многих научных учреждений, преподавателя вузов, воспитателя научных кадров, организатора, руководителя и участника многих научных экспедиций по Уралу, Кольскому полуострову, Средней Азии, Забайкалью. Александр Евгеньевич был видным общественным деятелем, организатором нашего народного хозяйства, науки и культуры.

Как это ему удавалось! Вероятно, А. Е. Ферсману не раз задавали этот вопрос его ученики. Мы печатаем неопубликованную заметку, найденную недавно в архиве академика. В ней он раскрывает «тайны» своей исключительной работоспособности.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕНЬ?

Нет ничего дороже времени — эта пословица существует на всех языках мира.

И действительно, как бы ты ни старался, ушедшего времени не вернешь.

Когда я учился в средней школе, учитель предложил нам однажды написать, что каждый из нас думает о времени, как измеряет его и как проводит.

Помню, как нас очень поразило тогда это предложение учителя. Оказалось, что никто из нас серьезно не задумывался над этим вопросом. Все мы довольно хорошо знали, как измерить комнату, в которой учимся, как далеко от школы до дома, как вообще мерить расстояние между домами и даже между отдельными городами. Но никому из нас не приходило в голову, что точно так же надо измерять время. И не только измерять, но и уметь правильно распределять его, например: сколько времени необходимо на то, чтобы дойти из школы домой, чтобы позавтракать, приготовить уроки, сходить в кино и так далее.

И вот мы решили тогда заняться хронометражем...

Условились, что каждый из нас через неделю подробно напишет, сколько времени в день он тратит на то или иное дело.

Оказалось, что тратим мы время по-разному и что ни у кого из нас нет настоящего режима дня. А когда мы подсчитали все часы и минуты, потраченные на сон, вставание, еду, занятия в школе и приготовление уроков, то получилось не 4 часа, а гораздо меньше. Мы удивились: куда же уходят остальные минуты и часы? Выходит, что они куда-то теряются — не

то на сборы, не то на разговоры, не то на поиски чего-то...

Вот тут-то мы и поняли, как много драгоценного времени тратим без толку. И тогда мы объявили борьбу за время. Выбрали тройку и стали регулировать свой день. Наметили твердое количество часов на все необходимые занятия и на отдых, и требовали, чтобы каждый неуклонно выполнял этот режим. В конце дня мы обязаны были сообщать друг другу, кто как израсходовал свое время.

Надо признаться, что сначала было очень трудно приучить себя к порядку. Почти каждый день что-то неожиданно нарушало режим: то попадалась интересная книжка, от которой трудно оторваться, то захотелось на солнышке поиграть. Но постепенно мы стали привыкать. И что же оказалось? Мы открыли громадные запасы времени. Ну, совсем как иные следопыты-геологи открывают новые месторождения руды.

Хронометраж принес нам громадную пользу. Тогда мы поделились нашим опытом с товарищами по школе. Правда, не все согласилось с нами, но многие вошли в нашу группу и тоже стали жить по режиму.

Боролись мы за время даже летом. Мы научились точно измерять и планировать свое время. Свои походы в природу мы хронометрировали и записывали в дневники не только количество пройденных километров, но и сколько часов потрачено на переход.

Эти воспоминания о школе мне особенно дороги потому, что именно в школе я научился беречь и разумно использовать свое время.

Привычка работать и отдыхать по плану очень помогает мне в жизни.

СЛЕЗА КОМЕТЫ

В моих руках пластинка неизвестного минерала. На темно-синем фоне ночного неба — серебристый хвост кометы. Это — если дневной свет падает сверху. Если же в неяркий день посмотреть через пластинку на свет — картина меняется: синий фон превращается в прозрачно-зеленый, а белый хвост в коричневый. Еще одно загадочное превращение происходит на ярком солнечном свету, если смотреть через пластинку на солнце: на коричневом небе летит краснеющая комета...

Что это за минерал? Чем-то образец напоминает обычный для Севера халцедон — этот слоистый полупрозрачный кремнь. Чем-то сходен с его родичами — с ониксом и агатом. Но эти минералы образовались из водных растворов и на изломе имеют матовую поверхность. А у моего камня на изломе яркий жирный блеск, подобный обсидианову блеску вулканического стекла. Это говорит о том, что минерал возник не из водных растворов... Но тогда как? Видимо, при более высоких температурах. И как этот окатанный водой камень попал на берег Нижней Тунгуски? Вымыла ли его вода из вулканических пород? Или... это случайный посланец космических просторов, над которым уже успела поработать вода, придав ему форму гальки? Возможно, что родился он в глубине какого-то крупного метеорита или в недрах давным-давно исчезнувшей планеты.

Но каким бы не оказалось происхождение редкой находки, она уже сейчас может заинтересовать многих своей необычной окраской и неожиданными изменениями цвета и прозрачности на свету.

Именно такие загадочные образцы любил академик А. Е. Ферсман, они заставляли задумываться о единстве Вселенной с неисчерпаемым минералогическим богатством нашей планеты. Образец загадочного минерала был найден геологами двадцатой экспедиции, которая базируется в центре Эвенкии — Туре и помимо своей основной задачи — разведки и добычи минерального сырья занимается и поиском самоцветов для треста «Цветные камни». В 1966 году экспедицией разведывались месторождения зеленого хризолита севернее озера Ессей, искали геологи рубин и сапфир в Забайкалье, а также халцедон в верховьях Нижней Тунгуски. Вот там-то, между селениями Жданово и Преображенка, и была обнаружена на речной косе загадочная галька. Вернее, две, поскольку вскоре была обнаружена и вторая — точно такая же, с «кометой».

Две речные гальки, найденные неподалеку одна от другой, говорят в пользу их земного происхождения. Но фантастический рисунок отполированного среза невольно напоминает о космосе.

В январе 1967 года главный геолог треста «Цветные камни» сообщил в Эвенкию результаты исследований загадочного минерала. «Слеза кометы» оказалась впервые встреченной на Земле разновидностью благородного опала с необычной окраской и переходами цветов. Но это — ответ только на вопрос о химическом составе образца: благородный опал — одна из разновидностей кремнезема, а кремнезем есть на любой планете.

А. ЯЛЬМАРОВ

На старом пне

Лет пятнадцать назад на этом месте под Свердловском шумел дремучий лес. Каждую осень мы с отцом после первых заморозков охотились здесь на глухарей. Потом пришли лесорубы, завизжали пилы, застучали топоры, и через лес пролегла огромная делянка.

Постепенно год за годом она стала зарастать лиственными и хвойными деревьями. Семена приносил ветер.

Одно семечко упало в пустотелую сердцевину пня, и через несколько лет над пнем зашумели ветки молодой раскидистой рябины.

О. КАПОРЕЙКО

ОТВЕТЫ НА ЗАГАДКИ В № 4

1. И. Н. Тюфяков просто-напросто сфотографировал замерзшую лужицу.

2. По внешнему виду и характеру корневой системы сосенок можно определить, что первое деревцо растет в сухом месте, и до грунтовых вод здесь далеко. Второе выросло, скорее всего, на вершине горы, где постоянно дуют ветры. Третье выросло на болоте. Четвертому все время не хватало света, вероятно оно росло в чаще. Пятое растет в тундре, где мерзлота не позволяет глубоко пустить корни.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

ВОЮИ, СЫНОК
Н. Мирошниченко 12

БУНТ
В. Тубалев. Повесть 32

ДВАЖДЫ ДВА...
Л. Квин. Рассказ 52

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

В ПУТИ. ДОРОГА. ЛЕТО
Н. Клепов 28

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ПАРОЛЬ НА СУТКИ „АСHTUNG!“
Пишут участники событий 48

ГЕСТАПО ИЩЕТ КОСУХИНА
Н. Мьельников 65

КРАЕВЕДЕНИЕ

ИМЕНИ РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ
В. Альтов 31

ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ТОЧКА СЪЕМКИ
Ю. Яровой 62

КАМЕНЬ И ВОДА
А. Щербаков 72

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ОПЕРАЦИЯ «Ч» 2
ОТЗОВИТЕСЬ, ЮНЫЕ КОММУНАРЫ!
В. Шаньгина 29

ДОРОГАМИ ПОИСКА

СУДЬБА ГИПОТЕЗЫ
А. Малахов 57
КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДЕНЬ?
А. Ферсман 78

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ПУТЬ ОТКРЫТ! СЛЕДУЙТЕ СВОИМ
КУРСОМ»
Г. Краснов 71
ОБЛОЖКА В. НЕКЛЮДОВА

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова.

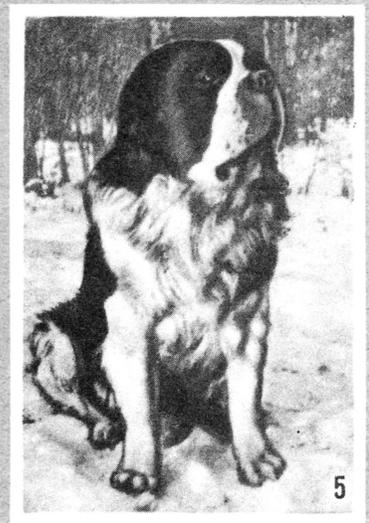
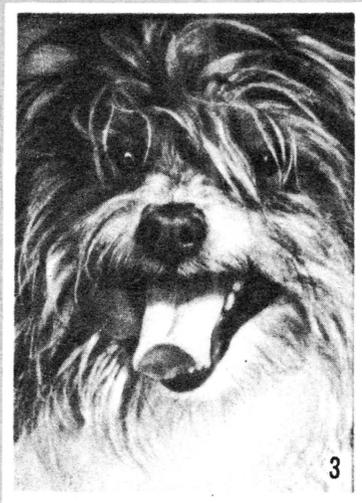
Корректор В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Подписано к печати 14/IV 1969 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.— 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,05.
НС 13085. Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 154.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

**НАЙДИ,
УЗНАЙ,
ПОДУМАЙ!**

*Знаешь ли ты
породы собак?*

Г. и Н. БУРМАГИНЫ (Вологда)

Кси.логарфия

90 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), Ш. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ